

З.С. Самашев

НАС КАЛЪ ПЪЛЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ

ВЕРХНЕГО
ПРИПРЪПШЪЯ

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 288 с.

Приведены и охарактеризованы новые материалы по наскальным изображениям Верхнего Прииртышья, собранные автором в 1971—1983 гг. Впервые выделены рисунки неолита-энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы, а также раннесакского времени. Расшифровка наскальных изображений, реконструкция отдельных сторон мировоззрения их создателей основаны на анализе материалов по мифологии, этнографии, эпосу, шаманству индоевропейских, индоиранских и тюрко-монгольских народов.

Адресуется историкам, археологам, этнографам, искусствоведам.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Я. А. ШЕР

С $\frac{0502000000-027}{407(05)-92}$ 18.91

ISBN 5-628-00600-9

© Самашев З. С.,
1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу книги положены материалы, собранные автором в 1971—1983 гг. в Уланском, Курчумском, Маркакольском и Зайсанском районах Восточно-Казахстанской области, географически приуроченных к Калбинскому, Нарымскому Курчумскому и Манракскому хребтам.

По технике исполнения наскальные изображения Верхнего Прииртышья подразделяются на два вида: писаницы, т. е. рисунки, выполненные красной или буро-коричневой охрой, и петроглифы — рисунки, высеченные каменными или металлическими орудиями. Такое деление в какой-то степени условно, так как в Сибири все наскальные изображения традиционно называют писаницами. Этот термин прочно вошел в научную литературу, посвященную памятникам подобного рода из Сибири. Однако мы из соображений удобства придерживаемся такого деления (Савватеев, 1973, с. 132). Основную массу материала составляют петроглифы, писаниц мало.

Рисунки выбивали как на вертикальных, так и на горизонтальных плоскостях — практически на всех удобных камнях. В ряде местонахождений в силу геоморфологических особенностей местности преобладает тот или иной способ экспозиции. Например, петроглифы Сагыра, за исключением нескольких, высечены только на горизонтальных плоскостях графитного сланца. В основном они приурочены к большим и малым рекам, урочищам с поселениями и могильниками, ущельям, т. е. к тем местам, где для жизни древнего человека существовали наиболее благоприятные условия. Прежде чем приступить к копированию и описанию, мы тщательно изучали микротопографию местности, предварительно определяли научную значимость памятника и после этого местонахождение (сопку, жилу, склон и т. д.) делили на условные группы.

Копирование производилось на полиэтиленовую пленку с помощью черной туши и тонкого пера, что позволило максимально точно воспроизвести контуры выбоин. В ряде случаев применялись графитная протирка и микалентная бумага. Однако любая, даже максимально точная, копия не дает полного представления о памятнике в целом (Формозов, 1973, с. 276). То же можно сказать о фотографиях.

В настоящее время на территории Восточного Казахстана учтено

70 местонахождений наскальных изображений. Не все из них равноценны по своей научной значимости.

Из-за ограниченности объема в книге дается лишь краткая характеристика опорных памятников. При разработке хронологии и периодизации наскальных изображений региона мы руководствовались сложившимися в археологии методическими принципами. Предложенные варианты интерпретации наскальных изображений, основанные на данных мифологии, этнографии, эпоса, во многом гипотетичны и не претендуют на объяснение всех особенностей мифо-поэтического мышления их создателей.

В полевых исследованиях наскальных изображений Верхнего Прииртышья в разные годы принимали участие учащиеся ряда школ Восточно-Казахстанской области и студенты Усть-Каменогорского пединститута. Всем им глубоко признателен.

Особую благодарность приношу своим учителям Ф. Х. Арслановой, М. К. Кадырбаеву и Я. А. Шеру,

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Сообщения о петроглифах и других археологических памятниках Восточного Казахстана впервые появились в XVIII в., когда эти земли наряду с учеными стали активно посещать военные и другие специалисты. В первой половине XIX в. интерес к природным богатствам этого региона повысился. В верховьях Иртыша побывали многие специалисты, которые, изучая природные богатства, интересовались и археологическими памятниками.

Первые материалы о писаницах Восточного Казахстана были опубликованы Г. И. Спасским в журналах «Азиатский вестник» и «Сибирский вестник» (Спасский, 1818а, с. 4—19; 1818б, с. 41—43; 1825а, с. 286—301; 1825б, с. 243—244). Продолжив исследования в верховьях Иртыша, он обнаружил различные «начертания», «правильные прямые и угловатые фигуры да решетки» на левом берегу р. Смолянка, близ впадения ее в Иртыш, а также в 7 км западнее Зыряновского рудника и в 4 км от Гусиной пристани (Спасский, 1857, с. 113—181) (рис. 1, 2). По его данным, «на берегу Бухтармы, подле самого крепостного вала находится вещь, достопамятная и любопытная для всякого путешественника. Это два следа человеческие, один длиною в 5, другой в 2,5 вершка, и несколько копыт обыкновенной величины, тиснутые на гранитном камне, имеющем в длину 4, а в ширину 3 аршина» (Спасский, 1818б, с. 41—43).

Г. И. Спасскому принадлежит первое подробное описание писаниц Бухтарминской пещеры, хотя копии с них были сняты еще в 1805 г. (Спасский, 1818а, с. 16—18). Касаясь назначения и времени создания писаниц, он писал: «Уже издавна было замечено, что этих начертаний, по неприступности скал, на которых они находятся, равно как по грубости и необычности самой обработки, не должно считать ни произведениями позднейшего времени, ни надписями, иссеченными только для забавы какими-нибудь праздными людьми, но что они, подобно курганам, представляют памятники, сохранившиеся от глубокой древности. Можно догадываться, что древние обитатели тех мест, по незнакомству еще их с легчайшим способом, посредством буквенных знаков, изъяснения мыслей и понятий хотели передать своим потомкам о ка-

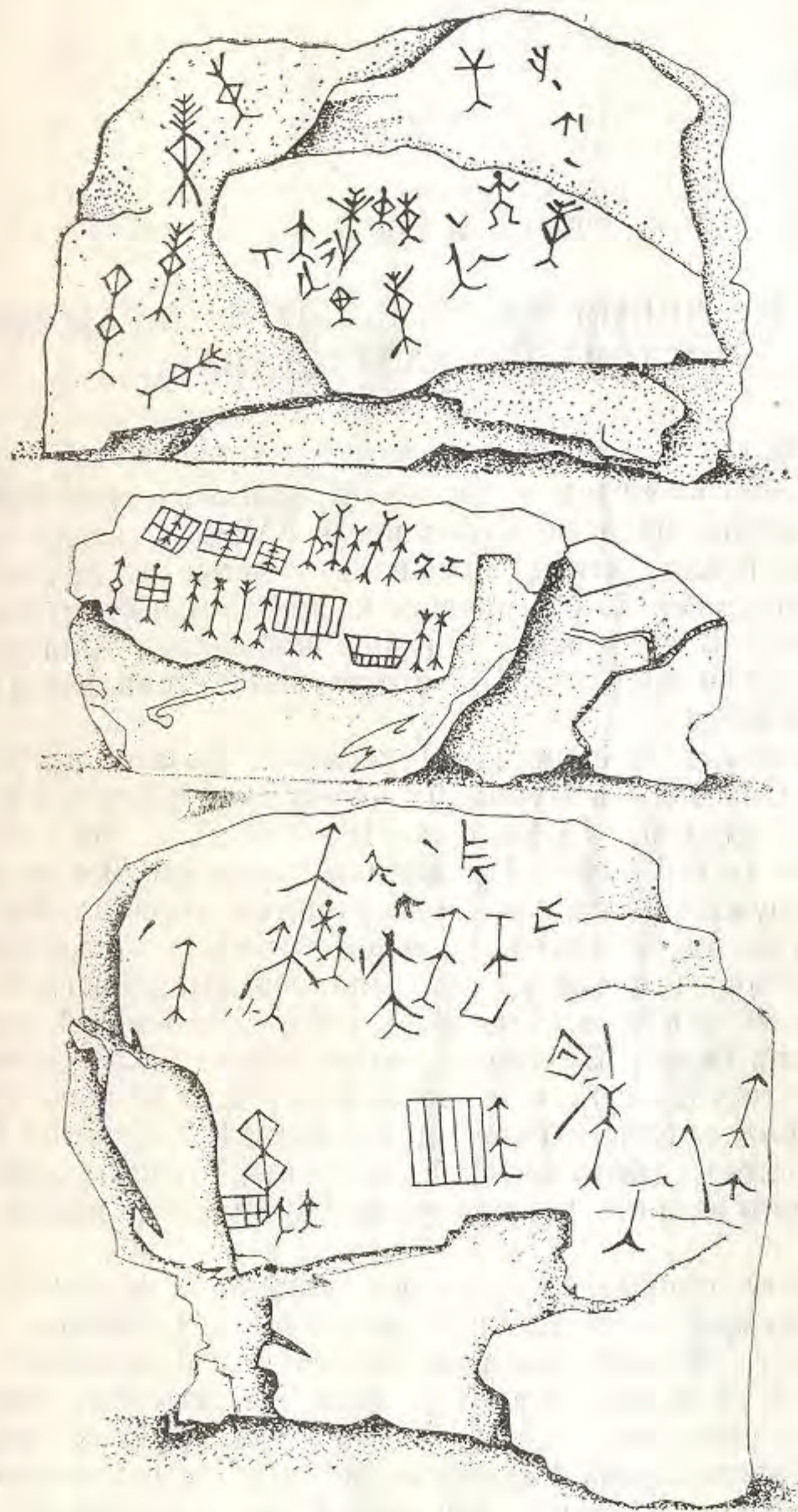

Рис. 1. Писаницы верховий Иртыша (по Г. И. Спасскому)

ких-либо современных им, не лишенных важности событиях. В таком случае начертания эти представляют собою живые, олицетворенные летописи» (Спасский, 1857, с. 135). Поэтому «знание письмен может разлить величайший свет на весьма важные исторические и философские вопросы» (Спасский, 1825а, с. 286).

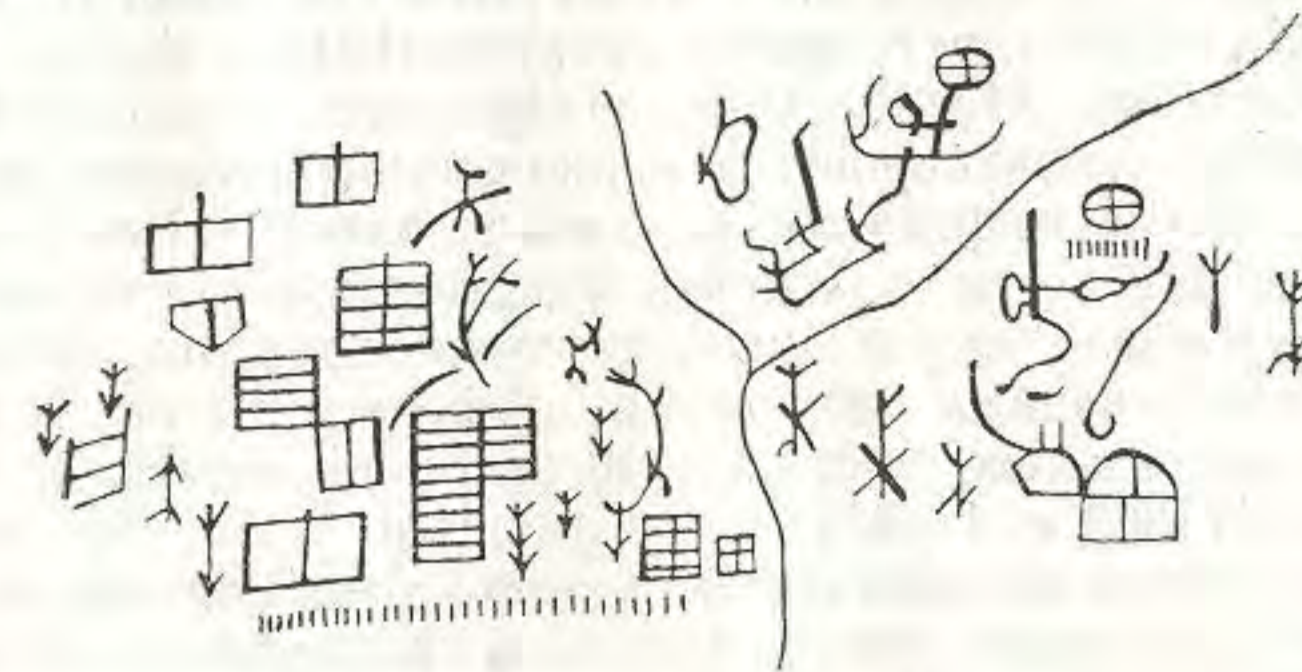

Рис. 2. Писаницы на р. Смолянка (по Г. И. Спасскому)

Если на начальном этапе исследования писаниц он считал, что «начертания представляют изображения людей, разных животных, а луки, колчаны и другие подобные сим вещи суть следствия умпроизведения необразованного народа, сходного в обыкновениях жизни с настоящими сего края кочевыми обитателями» (Спасский, 1818а, с. 5), то в последней обобщающей работе доказывал, что «прежние обитатели Сибири стояли на гораздо более высокой ступени образования сравнительно с нынешними ее племенами» (Спасский, 1857, с. 114).

Сопоставляя сибирские писаницы с подобными памятниками из других регионов, Г. И. Спасский пытался найти их общие черты. Относительно методики их изучения он писал: «Надобно, чтобы тот, кому сие поручено будет, скопировал надписи в настоящую их величину и с соблюдением возможной точности, чтобы не оставлял и самых полинявших или которых малые только следы приметны, даже обозначил бы места совсем истребившихся надписей. Таковой необходимой точности легко достигнуть можно накладкою на них тонкой бумаги, пропитанной маслом, сквозь которую видны были бы все черты, и сверх того омывая полинявшие надписи водою, чтобы они сделались явственнее. Для большего сохранения сих достопамятных надписей от дождя и снега весьма хорошо было бы сделать над ними кровлю» (Спасский, 1825а, с. 300). Сохранение подобных достопримечательностей для будущих поколений он считал необходимым и приравнивал к подвигу (Спасский, 1818а, с. 19).

Иртышские писаницы и «начертания» становятся объектом внимания многих исследователей и путешественников — А. Н. Седельникова, Т. П. Белоногова, П. Н. Столпянского (Седельников, Белоногов, Столпянский, 1903, с. 140), С. И. Гуляева (1851, с. 45—47; 1853а, с. 7; 1853б, с. 22—25), Б. Г. Герасимова (1907, с. 25), К. Риттера (1877,

с. 109), Н. М. Ядринцева (1883, с. 197). Последний считал, что иртышские писаницы свидетельствуют об охотничьем и скотоводческом образе жизни древних обитателей этого края, а геометрические знаки на бухтарминских скалах являются началом письменности; некоторые из них он относил к разряду пиктограмм (Ядринцев, 1885, с. 456, 471). А. Н. Седельников объяснил происхождение бухтарминских знаков в виде конских копыт результатом выветривания гранита (1911, с. 421).

В первой половине XIX в., путешествуя по Алтаю и казахским степям, В. Ледебур зафиксировал в верховьях р. Курчум, на южных склонах гор Дольн-Кара, рисунки архаров и оленей (Ledebour, 1829), в том числе еще неизвестные. «Мейер удостоверился, что эти изображения отнюдь не были делом нынешних киргизов, но принадлежат древности, подобно писаным скалам на Енисее» (Риттер, 1860, с. 30). Упоминание о наскальных рисунках имеется в отчетах штабс-капитана А. Влангали (1853, с. 1—63).

Дальнейшее изучение древностей степного края связано с деятельностью Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (Записки ЗОИРГО, 1894, с. 13—15). Один из активных членов этого общества А. В. Адрианов в заметке о путешествии на Алтай в 1881 г. писал о необходимости бережного отношения к памятникам старины (1886, с. 284). На территории нынешнего Восточного Казахстана им «непосредственно осмотрены писаницы в Нарымском хребте, в районе Кара-Кабы, близ поселка Чанагаты и в районе Караой, по реке Кокпектинка и в местности Бюртастаган, а также в системе р. Кальжир» (Адрианов, 1912, с. 110; 1916, с. 2, 4, 72—79). Ряд местонахождений А. В. Адрианов описал по сообщениям своих информаторов. По его словам, «те немногие писаницы, которые есть в крае, отличаются, так сказать, примитивностью исполнения, слабо развитым искусством. Отмечу одну особенность наблюдавшихся мною писаниц — их эскизность, которой совершенно не встречается, например, среди многочисленных писаниц из многих тысяч фигур в Минусинском уезде» (Адрианов, 1916, с. 72).

Несколько групп изображений на скале вблизи с. Таловка и по реке Коксу описал Н. Гуляев, причем сделал это по копии своего сына С. Н. Гуляева и сообщению Н. В. Казнова. Сопоставляя их с томской писаницей, он пришел к выводу, что фигуры на скале вблизи Таловки значительно разнообразнее, чем на писанице на р. Томи (Гуляев, 1916, с. 216). К сожалению, иллюстративный материал, приложенный к его статье, не дает полного представления о памятнике и тем самым лишает возможности проверить этот, на наш взгляд, принципиальный вывод автора. Томские же писаницы, обнаруженные почти триста лет назад, благодаря публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова вошли в сокровищницу мировой культуры как замечательный памятник первобытного искусства (Окладников, Мартынов, 1972).

Н. Гуляев относил писаницы к числу важных памятников древности и поднимал вопрос о необходимости предотвратить их разрушение невежественными людьми (Гуляев, 1916, с. 159—261).

Несколько изображений всадников на сопках Золотарь и Ревнюха

вблизи пос. Выдриха на р. Убе — правого притока Иртыша зафиксировал А. Н. Новоселов (1913, с. 4),

К сожалению, не все материалы по наскальным изображениям Восточного Казахстана (да и по Западной Сибири в целом), собранные членами Западно-Сибирского отдела РГО, были систематизированы и опубликованы. О некоторых из них сохранились лишь протокольные упоминания в отчетах общества (Записки ЗСОИРГО, 1894, с. 13—15).

В конце XIX — начале XX в. изучением памятников старины Восточного Казахстана занимались и семипалатинские краеведы, объединившиеся вокруг Семипалатинского областного статистического комитета (с 1902 г. — подотдел Западно-Сибирского отдела РГО). Б. Г. Герасимов — один из организаторов подотдела — осматривал известные по публикациям Г. И. Спасского рисунки возле Бухтарминской крепости (Герасимов, 1907, с. 1—25) и наскальные изображения ур. Сарыбулак, вблизи современного райцентра — с. Никитинка (Герасимов, 1912, с. 41). В работе Н. Я. Коншина о памятниках старины Семипалатинской области приведены сведения о наскальных изображениях, полученные через информаторов (Коншин, 1903, с. 1—32). Собранные Н. Я. Коншиным позднее сведения о наскальных изображениях Восточного Казахстана вошли в различные сводки (Кастанье, 1910, с. 136—137; Городцов, 1926, с. 37—69; Хороших, 1947, с. 26—34). Различные рисунки, выполненные красной охрой, и связанные с ними легенды о происхождении горы Бюртастаган (Бюртастаган) опубликованы Б. Байбуловым (1914, с. 8—10).

В 1910 г. по инициативе В. В. Радлова Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии была организована экспедиция Академии наук под руководством В. И. Каменского. Экспедиция зафиксировала изображения разных животных в урочище Сарыбулак, на утесах у реки Бердыбайки, в 8 верстах от Сибирского пикета (ныне с. Никитинка) (Белослюдов, 1912, с. 1—4). По сообщению руководителя экспедиции, «это были простые выбитые изображения животных — архаров, оленей-маралов и коз. В некотором расстоянии от этой писаницы была другая с изображением человека, наносящего удар, и другого с ребенком, протягивающего вперед руки, умоляя о пощаде. Все эти изображения, очень мелкие, носили характер недавней работы» (Каменский, 1910, с. 10). Посетив сопку Тологой, где, по сведениям П. П. Семенова-Тян-Шанского и Г. Н. Потанина, имелись изображения маралов, козлов и лошадей, В. И. Каменский произвел фотосъемку и эстампирование этих рисунков. Последним пунктом исследования В. И. Каменского была скала Бюртастаган, куда он ездил вместе с А. В. Адриановым.

Сведения этих двух исследователей дают общее представление об этом замечательном памятнике, ставшем наряду с иртышскими писаницами местом неоднократного посещения ученых-краеведов. На скале ими обнаружены изображения животных, людей, птиц и различных геометрических знаков, выполненные красной охрой. В. И. Каменский полагал, что «это совершенно особое письмо, ничего общего не имеющее с выбитыми изображениями животных на скалах, во множестве встречаемых в киргизских горах», и что они «не реальны и носят какой-то символи-

ческий характер» (Каменский, 1910, с. 17). В своем отчете он приводит одну из многочисленных легенд о происхождении скалы Бюртастаган, а А. В. Адрианов отмечает особое почитание ее казахами: «Киргизы ходят сюда усердно и приносят жертвы, навязывая лоскуты ситца» (Адрианов, 1916, с. 78). В целом выводы В. И. Каменского относительно времени создания и содержания петроглифов Сарыбулака и писаниц Бюртастагана весьма лаконичны и, видимо, носили предварительный характер. Тем не менее в его кратковременном изыскании в концентрированном виде были выражены самые лучшие достижения дореволюционной сибирской археологии: комплексный подход, включая совокупное изучение погребальных памятников и наскальных изображений; фотофиксация и изготовление эстампажей рисунков; сбор дополнительных сведений (легенд и др.) об изучаемых объектах; привлечение к исследовательской работе широкого круга специалистов и энтузиастов и, наконец, более строгая оценка научной значимости материала.

Весь накопленный в дореволюционный период материал по археологии Верхнего Прииртышья позволял в общих чертах судить о хозяйственной деятельности и мировоззрении древних жителей данного региона. Восточный Казахстан приобретал значение ведущего в Казахстане района по концентрации памятников наскального искусства.

До середины 30-х гг. специальные поиски и исследования наскальных изображений в Восточном Казахстане не проводились. Лишь в 1928 г. появилась статья геолога В. В. Резниченко о наскальных изображениях ур. Каракистау в долине р. Дженешке, правого притока р. Курчум (1928, с. 120—135). Подробно описывая природно-климатические условия этого региона, он обращает внимание на геологическую структуру камней с рисунками. Интерес представляют копии наскальных изображений, приведенные в его статье, и их интерпретация. Однако, сопоставив дженешкеские петроглифы с пещерными росписями Западной Европы, он ошибочно отнес их к числу «физиопластических» (по терминологии Обермаера), т. е. реалистических, рисунков эпохи позднего палеолита. Кроме дженешкеских он упоминает дольняринские петроглифы, известные по сообщениям В. Ледебура и К. Риттера.

Уже в конце первой пятилетки в связи с бурным развитием строительства перед главным в то время археологическим учреждением страны — ГАИМК — была поставлена конкретная задача быстрее и всестороннего изучения археологических памятников (Сосновский, 1935, с. 60—79). С этой целью в 1935 г. была организована Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция ЛО ГАИМК. Возглавляемая С. С. Черниковым, она работала с некоторыми перерывами до 1972 г. В 1935—1937 гг. при археологическом обследовании верховий Иртыша ею обнаружено 19 крупных местонахождений наскальных изображений¹ (Черников, 1941).

¹ К сожалению, иртышские писаницы на береговых камнях, известные по публикациям Г. И. Спасского, оказались вне поля зрения экспедиции, а в настоящее время затоплены водами Бухтарминского водохранилища. Некоторые сохранившиеся фрагменты писаниц близ с. Смолянки были скопированы краеведом К. К. Жаманбаевым и опубликованы А. С. Аманжоловым (1966, с. 155—160).

В первой полной публикации петроглифов Восточного Казахстана С. С. Черников дал схему распространения наскальных рисунков, их описание в порядке обнаружения, изложил наблюдения над топографией, поисковыми признаками, породой камня и техникой выбивки. Подробно анализируя некоторые мотивы и образы, он отметил немногочисленность многофигурных композиций и семантических связей между отдельными группами на большинстве плоскостей. Нижняя граница периода создания рисунков определена им, по сути, логическим путем и интуитивно. Сначала на основе сопоставления восточно-казахстанских петроглифов с более ранними карельскими рисунками и установления сложности первых в сюжетном отношении, затем на основании того, что среди рисунков Прииртышья встречаются изображения не только диких, но и домашних животных (Тулькуне, 2, 12; Остриково, группа 7), людей, вооруженных луками и топорами, а также ввиду отсутствия чисто земледельческих сюжетов С. С. Черников приходит к выводу о кочевом образе жизни племен, оставивших эти памятники (1947, с. 277). Поскольку время перехода к кочевому скотоводству определялось тогда VI—V вв. до н. э., то этим промежутком обозначена нижняя хронологическая граница рисунков. При этом С. С. Черников отметил, что «предшествующая ранним кочевникам андроновская культура была земледельческо-пастушеской, и у нас нет пока никаких оснований относить к ней наши изображения» (1947, с. 277). Верхняя хронологическая граница наскальных рисунков Восточного Казахстана установлена им в рамках VIII—X вв. н. э. (1947, с. 277).

Как наиболее ранняя им выделена группа изображений из Тамураши II, имеющих стилистическое совпадение с некоторыми образцами сакского искусства, выполненными в зверином стиле. Она отнесена к V—III вв. до н. э. Датировочным материалом, по его мнению, могут служить и изображения луков. Подразделив изображения луков на три типа (маленький простой, простой, большой сложный), С. С. Черников отнес два первых к скифскому времени, а большой сложносоставный лук с загнутыми концами из ур. Кула-Журга — к I—II вв. н. э. (1947, с. 279).

Что касается изображений древнетюркского времени, то в исследованных 19 пунктах они не были выделены, лишь отмечено использование плит с рисунками в качестве строительного материала при сооружении курганной насыпи VIII—X вв. н. э. у деревни Остриково (Черников, 1947, с. 277). Таким образом, основную массу наскальных изображений с верховий Иртыша С. С. Черников датировал эпохой ранних кочевников.

При интерпретации наскальных изображений С. С. Черников во главу угла ставил тотемно-магическую концепцию. Широко распространенные изображения козлов, оленей он считал тотемными, преднамеренно, с определенной магической целью высеченными на возвышенных местах. Некоторые сцены охоты с участием пеших лучников он склонен был считать магическими действиями человека перед своим тотемом. Отображением тотемистических представлений в петроглифах, по его мнению, является изображение полулюдей-полуживотных

из Кочунай и Сергеевки (Черников, 1947, с. 274—275). Наше обследование показало, что изображение «кентавра» из Сергеевки на самом деле является фигурой козла, перекрытой в области головы антропоморфной фигурой с воздетыми руками, а кочунайское — всадником на лошади (голова и шея животного повреждены сколом). Наличие палимпсеста на сергеевском петроглифе четко прослеживается по разнице патинизации и технике выбивки.

Придавая особое значение ориентации фигур на плоскости, С. С. Черников обратил внимание на преобладание правосторонних рисунков. Этот факт он посчитал не случайным, а магическим и предположил, что левая сторона может означать смерть, преисподнюю, а правая — жизнь (1947, с. 276—277). Некоторые исследователи объясняют преобладание правосторонних рисунков удобством технического исполнения (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 11—12).

Необходимо отметить, что, отдавая предпочтение тотемно-магической концепции, С. С. Черников все же не отрицал возможности мифологического осмысления наскальных изображений и наличие космогонических сюжетов, хотя не ставил перед собой задачу детального разбора этих вопросов (1947, с. 276). В целом в вопросах интерпретации и назначения наскальных изображений автор, видимо, испытывал влияние тотемистической и магической концепций, а также марровской теории, господствовавшей в среде археологов в 30-е и 40-е гг.

К числу недостатков работы С. С. Черникова можно отнести неточное копирование (отсюда неправильное определение видовой принадлежности некоторых рисунков). Однако было бы несправедливо подчеркивать эти недостатки, которые, по существу, были обусловлены низким методическим уровнем изучения петроглифов: ведь науке в то время хорошо были известны в основном лишь карельские и беломорские наскальные изображения.

В последующие годы, к сожалению, экспедиция не проводила специальных поисков наскальных изображений в Восточном Казахстане. Лишь в 1950 г. ею зафиксирована незначительная группа рисунков в районе с. Кула-Журги, в том числе великолепно исполненное изображение оленя в скифском стиле, с откинутыми назад рогами и подчеркнутым глазом (Черников, 1952, с. 91).

В первые послевоенные годы появились небольшие заметки о наскальных изображениях ряда регионов Восточного Казахстана (Белослюдов, 1946, с. 51—52; Щерба, 1946, с. 57—59).

В конце 40-х и начале 50-х гг. в связи с возрастанием научного интереса к памятникам первобытного искусства восточно-казахстанские изображения, известные по различным публикациям, также становятся объектом внимания ученых различных отраслей науки. В предварительной сводке работ по наскальным изображениям Алтая имеются обобщенные сведения и библиография о наскальных изображениях Восточного Казахстана — Западного Алтая (Хороших, 1946, с. 26—34).

Сопоставительному анализу некоторых сюжетов рисунков, выполненных красной охрой, с Урала и из Казахстана посвящена статья А. А. Формозова (1950, с. 170—176). Сравнивая прииртышские писаницы с

уральскими, он указал на преобладание у первых символических знаков, пиктограмм, характерных для земледельческих и скотоводческих культов. Общность некоторых представлений у племен Урала, Казахстана и Сибири в эпоху бронзы, по его мнению, возникла в результате интенсивных культурных контактов этих племен. В частности, единство представлений о движении солнца, солнечного божества по небу на ладье прослеживается по многочисленным изображениям солярных знаков, а также по изображению солярной ладьи в писаницах сопоставляемых регионов (Формозов, 1950, с. 176; 1970, с. 201).

Солярные ладьи, в том числе смолянская с верховий Иртыша, известная по публикации Г. И. Спасского и вторичному изданию Жака де Моргана (Морган, 1926, с. 259, рис. 168), по мнению А. А. Формозова, «играли роль и в погребальном культе, что связано с представлением о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых» (1950, с. 176). С погребальным культом он связывал многочисленные изображения решеток и рогатых антропоморфных фигур. В последних А. А. Формозов видел вслед за В. И. Равдоникасом изображения тотемистических предков-родоначальников, близких к нижнему миру (1950, с. 176).

Наскальным изображениям скалы Бугытас у местечка Карашат в районе хр. Тарбагатай посвящена статья филологов С. и А. С. Аманжоловых (Аманжолов, Аманжолов, 1956, с. 97—100). Судя по иллюстративному материалу и описаниям, многофигурная композиция на скале Бугытас (шествие горных козлов, противостоящие кони, олени, собаки и сцены охоты), возможно, относится к финальной бронзе или, скорее всего, к раннесакскому времени. К этому же времени, вероятно, относится и гигантское изображение оленя из того же урочища. Среди петроглифов Бугытаса имеются тамгообразные изображения горных козлов и различные знаки, которые, по предположению авторов, могут быть рассмотрены как остатки буквенных знаков (Аманжолов, Аманжолов, 1956, с. 100). Вторично петроглифы скалы Бугытас опубликованы этнографом В. П. Курылевым. Досадно, что центральная композиция, состоящая из нескольких десятков фигур, В. П. Курылевым покрашена белой краской (1974, с. 470—471).

В начале 60-х гг. в Восточном Казахстане работала Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. В ряде мест Катон-Карагайского района экспедицией зафиксировано значительное количество наскальных изображений (Сорокин, 1966, с. 39—60). Стилистическому анализу подверглось изображение оленя, выполненного в так называемой «ажурной» манере. Сопоставляя катон-карагайское изображение оленя с известными скифскими оленями, выполненными в реалистической манере, С. С. Сорокин отметил крайнюю стилизованность, отход от природы и на этой основе датировал его более поздним временем — концом I тыс. до н. э. Рассматривая орнаментальный мотив «ажурных» петроглифов, он высказал мнение, что прототипами для них служили художественные изделия, выполненные на другом, более мягком материале, широко распространенные с середины I тыс. до н. э. (Сорокин, 1967, с. 54).

В 60—70-е гг. эпизодическими фиксациями наскальных изображений в Восточном Казахстане занимался филолог А. С. Аманжолов (1966, с. 155—160; 1974, с. 44—48). Не будучи специалистом-археологом, он главное внимание уделял содержанию, композиции, видя в них зачатки пиктографической письменности и идеограмм.

Отдельные сообщения о наскальных изображениях Восточного Казахстана встречаются в краеведческой литературе. Некоторые сведения краеведов были нами использованы при составлении схемы распространения наскальных изображений в Восточном Казахстане.

Начиная с 1974 г. планомерное исследование наскальных изображений в Восточном Казахстане проводилось автором. Обследование велось главным образом в Калбинском, Нарымском, Курчумском хребтах, отчасти — на Манраке, в Тарбагатае, а также в бассейне р. Иртыш в целом (Самашев, 1989, с. 40—56).

Глава II

ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Основные местонахождения рисунков, вошедших в книгу, сконцентрированы на участках между хребтами Калба и Нарым, непосредственно примыкающих к берегам р. Иртыш (рис. 3).

В северной части Восточного Казахстана и по р. Бухтарме наскальных изображений мало и представлены они в основном писаницами. На юге региона, в системе хребтов Саур и Тарбагатай, зафиксированы единичные местонахождения петроглифов, но они еще тщательно не обследовались.

АКБАУР. Грот с писаницами находится на южном склоне одноименной сопки, примерно в 3 м выше ее подножия, в 1 км от правого берега р. Уранхай, между селами Бестерек и Ленинка Уланского района. Сопка довольно высокая и крутая, из серого гранита, по форме напоминающая пирамиду (рис. 4). На сводчатом потолке грота имеется круглое отверстие (рис. 5), пол покатый, без остатков культурного слоя; местами заметны следы закопченности. Длина грота около 9 м, максимальная ширина в средней части — 4 м, а максимальная высота ближе к входу — 2 м. Всего здесь сохранилось более восьмидесяти рисунков, выполненных темно-коричневой охрой. Писаницы расположены главным образом на противоположной от входа стене и частично — на потолке грота. Левая часть композиции в значительной мере повреждена натеками и воздействием ветра.

Основная масса рисунков сосредоточена в нижней части стены. Примерно в средней части композиции расположена перевернутая фигура горного козла и рисунок повозки. Ближе к полу изображены конусовидные жилища типа шалаша с торчащими в разные стороны концами жердей (рис. 6). Одно из изображений в правом нижнем углу существенно отличается в деталях: оно имеет вид развилки с короткими отростками по обеим сторонам, с тремя-четырьмя точками внутри. Здесь же запечатлен мужчина с длинными, широко расставленными ногами. Ступни ног обращены в разные стороны. Короткие руки опущены вниз. Еще две антропоморфные фигуры расположены рядом, с левой стороны; у одной из них руки и ноги широко раскинуты в стороны, другая ввиду плохой сохранности имеет расплывчатые контуры.

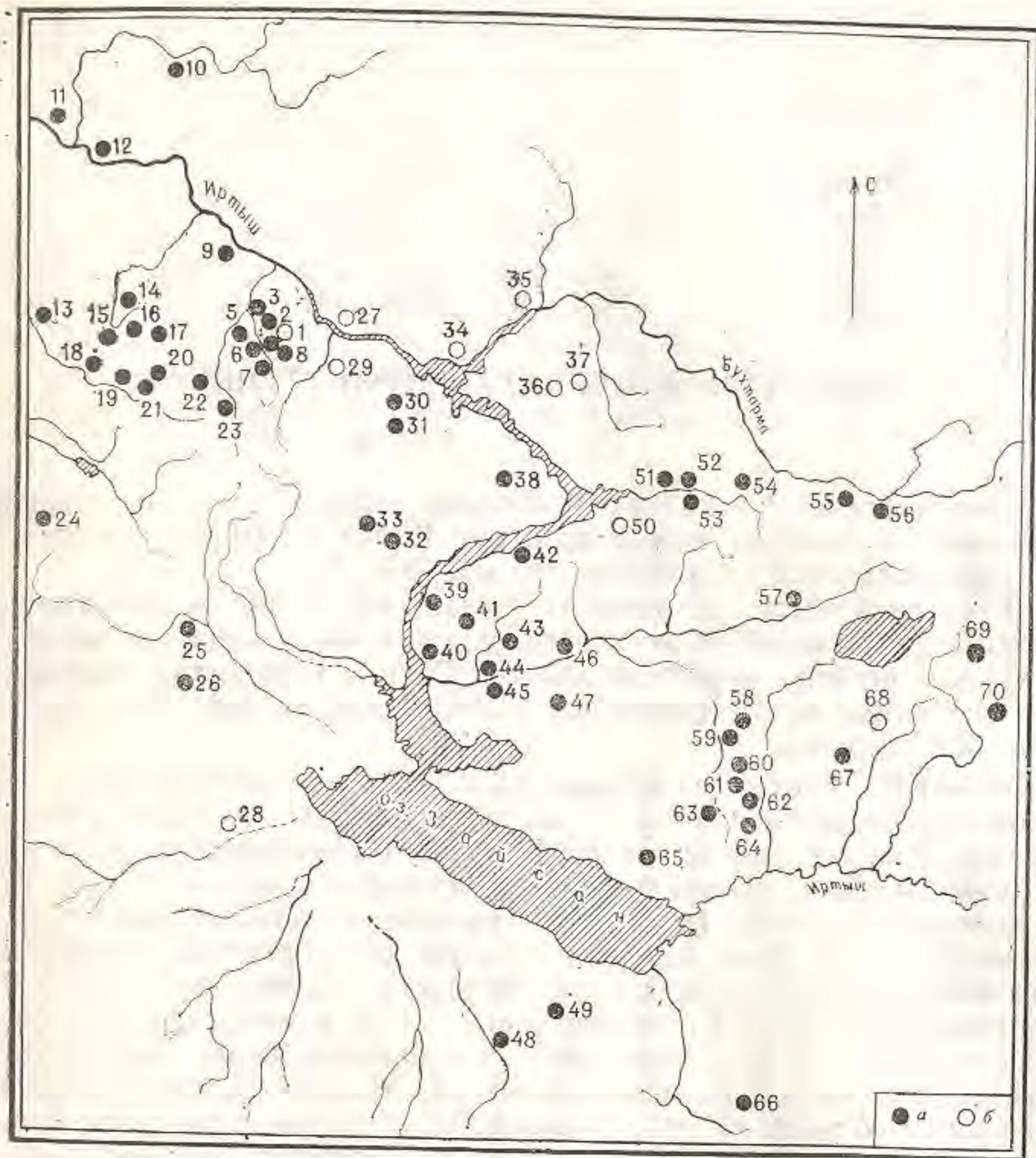

Рис. 3. Местонахождения наскальных изображений в Верхнем Прииртышье: 1 — Акбаур; 2 — Сагыр I, II; 3 — Каратюбе; 4 — Бестерек, Кочунай; 5 — Камысты; 6 — Медведка; 7 — Скалистое; 8 — Алдай; 9 — Меновное; 10 — Выдриха; 11 — Қоғалы I; 12 — Зевакино; 13 — Остриково; 14 — Канай; 15 — Қалабай; 16 — Тамураши I; 17 — Тамураши II; 18 — Қазанчункур; 19 — Септас; 20 — Екатериновка; 21 — Алибек; 22 — Никитинка, Сары-Булак; 23 — Алгабас; 24 — Боко; 25 — Қокпекты; 26 — Обалы; 27 — Смолянка; 28 — Бюртастаган; 29 — Жантас; 30 — Атымбек; 31 — Курсай; 32 — Самарка; 33 — Московка; 34 — Бухтарма; 35 — Қрестовка; 36 — Ново-Никольское; 37 — Бородино; 38 — Уразбай; 39 — Славянка; 40 — Курчум; 41 — Сергеевка; 42 — Кула-Журга; 43 — Женешке; 44 — Мойнак; 45 — Тулькуне; 46 — Бурабай; 47 — Дольн-Кара; 48 — Покровка; 49 — Карашат; 50 — Қоктерек; 51 — р. Нарым; 52 — ключ Байпак; 53 — Ново-Березовка; 54 — Солдатово; 55 — Катон-Карагай; 56 — Қабырга; 57 — р. Брусавая; 58 — Горное; 59 — верховья р. Такыр; 60 — Доланалы; 61 — Нарбота; 62 — р. Кальджир; 63 — низовья р. Такыр; 64 — Черняевка; 65 — Аманат; 66 — Окей; 67 — Болгар-Табаты; 68 — Алексеевка; 69 — Чанататы; 70 — Ак-Қаба и Кара-Қаба

Рис. 4. Общий вид грота Акбаур

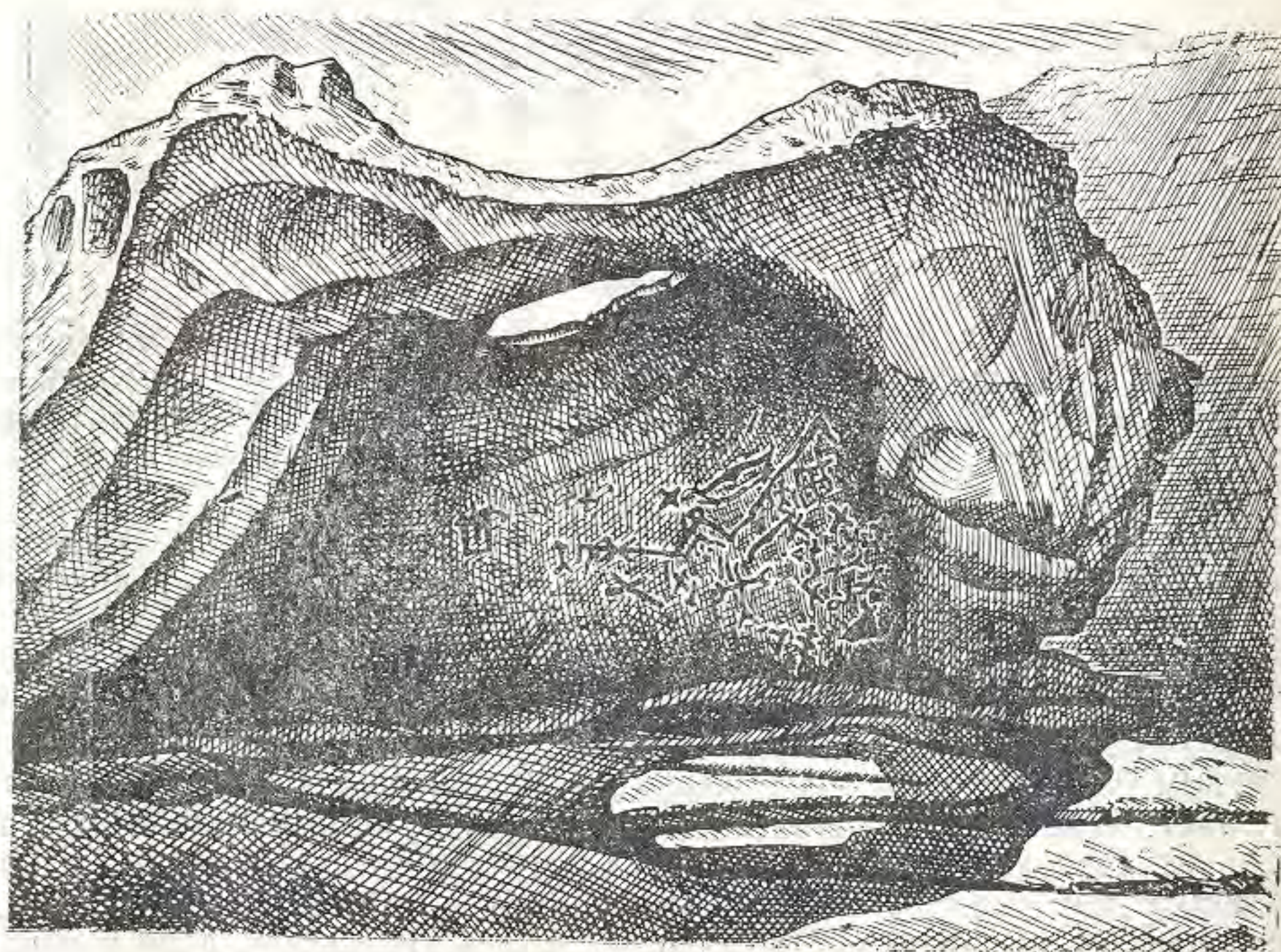

Рис. 5. Вид грота Акбаур изнутри

Рис. 6. Писаницы грота Акбаур

Значительную часть композиции занимают крестообразные знаки. В основном это простые кресты, косые, некоторые с раздвоенными концами. Один из крестов вписан в квадрат. Помимо этих рисунков отмечены три ломаные линии, две из которых образуют систему треугольников, а также два косых креста, пересеченных полосами. Рядом с изображением мужчины видна плохо сохранившаяся решетка. Слева от повозки просматриваются несколько треугольников, прямых линий и других геометрических знаков. Одна из фигур отличается подпрямоугольной формой и разделена двумя пересекающимися линиями на четыре сектора. В каждом секторе имеется по одной точке. От верхнего правого угла фигуры отходят две линии: первая, короткая со слегка загнутым концом, направлена вправо, а вторая, образуя несколько углов, идет влево и соединяется с неопределенной, но четко нарисованной фигурой. Последняя состоит из трех элементов: двух развилок, расположенных друг над другом, и четырех точек в нижней части. По ряду морфологических признаков она напоминает и антропоморфное изображение, и шалаш.

С левой стороны упомянутого уже прямоугольника с четырьмя точками помещена антропоморфная фигура. Здесь же находятся одна короткая полоска и трапециевидная фигура, а также кресты, раздвоенные на концах. Всю композицию завершает подпрямоугольная фигура с вертикальной полосой внутри.

На потолке грота помимо упомянутой перевернутой фигуры горного козла запечатлены серия косых крестов, жилище, цепочки треугольников, ромбов, точки, образующие треугольную фигуру, аналогичная описанной антропоморфная фигура, напоминающая жилище.

Таким образом, в целом композиция содержит одно изображение животного и несколько антропоморфных фигур, а также рисунки жилищ и повозки. Остальные изображения — различные символы.

САГЫР I (рис. 7—15) расположен к ЮЮВ от с. Ленинка и охватывает площадь около 3 кв. км. Петроглифы, отдельные и групповые, как правило, нанесены на горизонтальные плоскости коренных пород, едва возвышающихся над поверхностью почвы. Незначительное коли-

Рис. 7. Петроглифы ур. Сагыр I

Рис. 8. Петроглифы грота Саğыр I

Рис. 9. Петроглифы грота Саğыр I

Рис. 10. Петроглифы грота Саğыр I

чество камней с рисунками имело наклонную плоскость; эти камни покрыты плотным слоем пустынного загара. Рисунки в основном выполнены техникой сплошной выбивки, реже — граффити и шлифовкой. Наблюдения над техникой исполнения петроглифов показывают, что сначала острым инструментом намечались контуры будущего рисунка, затем по нему выбивали изображения.

Малочисленность и разбросанность камней с рисунками на значительной площади не позволяют выделить группы изображений. Рисунки выбиты практически на всех удобных плоскостях. В основном это традиционные изображения горных козлов, одиночные и в составе композиций. На одном рисунке зафиксирована сцена совокупления двух козлов, ниже дано миниатюрное изображение козленка (рис. 16, 4). Привлекает внимание изображение человека, едущего верхом на козле (рис. 17, 5). Здесь же изредка встречаются лунки-углубления (см. рис. 10).

На двух камнях высечены деревья; рядом с одним из деревьев рас-

Рис. 11. Петроглифы грота Саğыр I

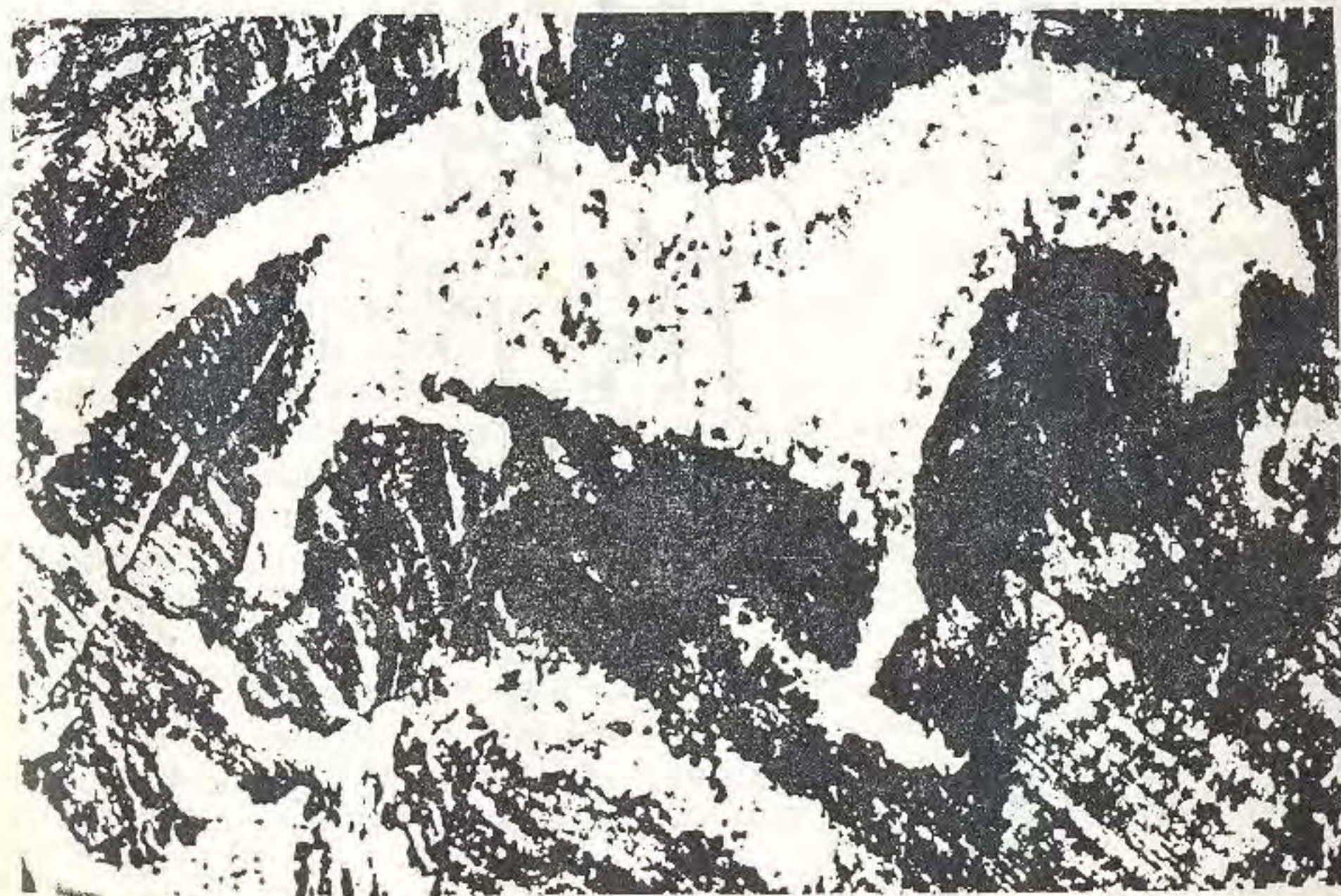

Рис. 12. Петроглифы грота Саğыр I

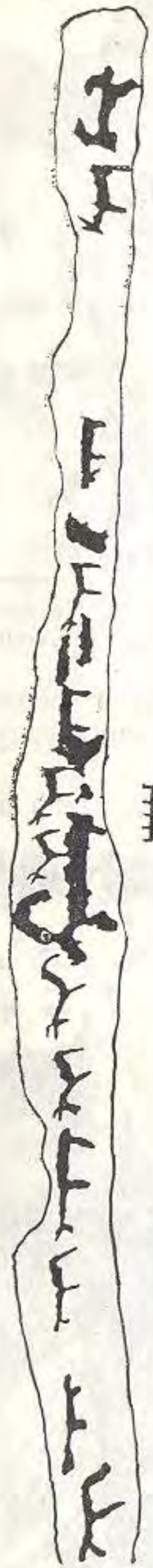

Рис. 13. Петроглифы грота Сагыр I

Рис. 14. Петроглифы грота Сагыр I

положены фигуры двух козлов (см. рис. 7). На одном камне запечатлена интересная сцена: два пеших воина держат за поводья коней, к поясу одного из них подвешены меч с прямым перекрестием (или чекан?) и сложный лук в горите (см. рис. 9). У обоих воинов пальцы рук чрезмерно большие и растопыренные.

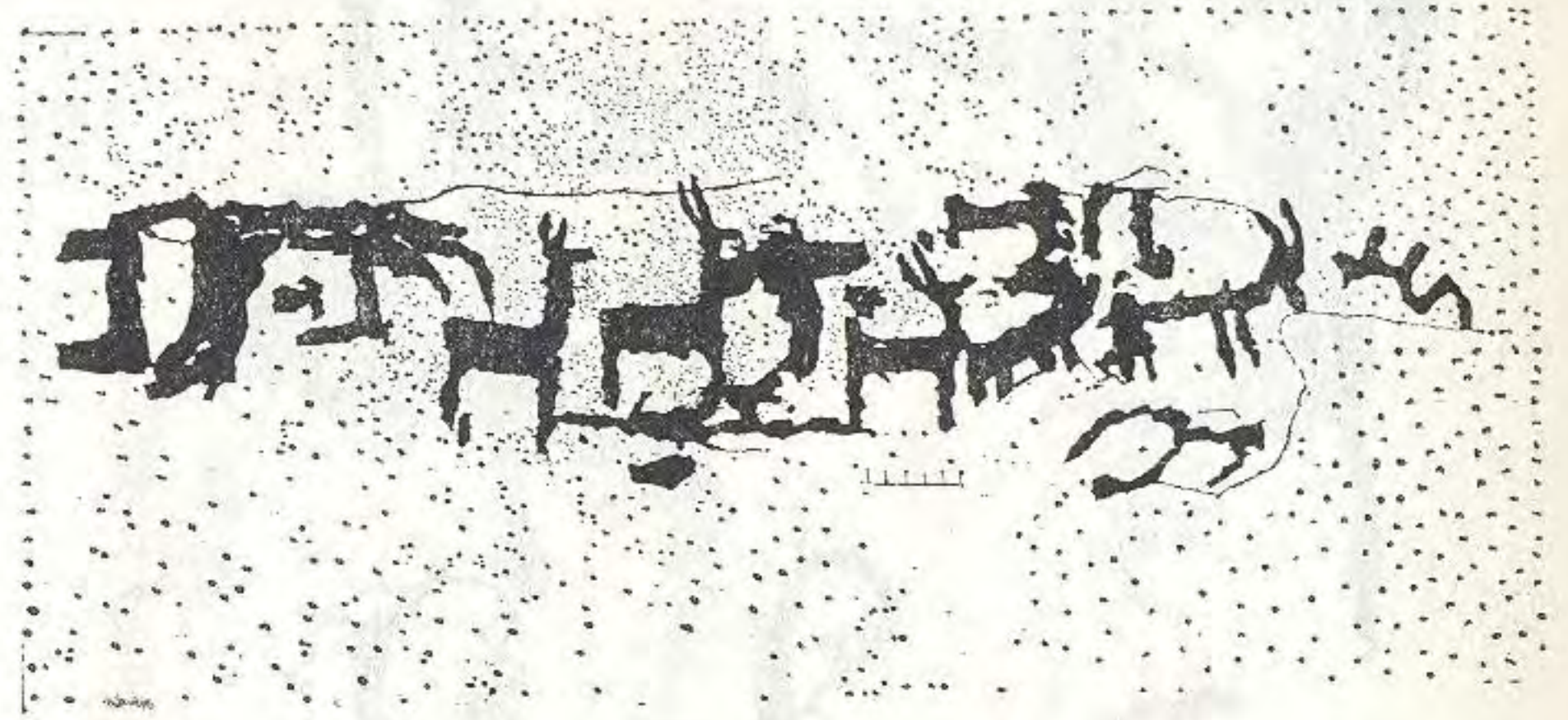

Рис. 15. Петроглифы грота Сагыр I

САГЫР II (рис. 18—32) находится на северной окраине с. Ленинка вдоль правого берега р. Сагыр. Камни с рисунками расположены небольшими группами на протяжении 3 км. Как и в предыдущем местонахождении, здесь преобладают горизонтальные плоскости с рисунками.

Доминируют рисунки, выполненные техникой сплошной выбивки, затем идут контурные изображения, реже встречаются шлифовка и граффити.

Среди петроглифов Сагыр II выделяются довольно глубоко выбитые реалистические изображения животных (см. рис. 32) и людей, в частности фигуры двух быков-единорогов (см. рис. 18). Найдено несколько обширных наскальных «полотен», насыщенных рисунками. В ряде случаев они представляют собой единые по замыслу композиции, хотя составляющие их рисунки в основном не совпадают хронологически, что улавливается по стилю, технике исполнения и интенсивности скального загара. Примером может служить камень, на горизонтальной плоскости которого имеется несколько не связанных между собой групп рисунков (см. рис. 27—29).

Некоторые изображения трудноопределимы, хотя выбиты очень четко. В частности, две фигуры в верхней части фриза в одинаковой мере напоминают и лошадей, и собак, и быков, и каких-то хищников. Аналогичная фигура имеется в нижней части композиции (см. рис. 28, 29).

В петроглифах Сагыр II есть две уникальные сцены поединка. Одна изображает двух пеших воинов, одновременно наносящих друг

Рис. 16. Сцены спаривания животных: 1, 3, 7, 8 — Мойнак; 2, 5, 9, 10 — Окей; 4 — Сагыр I; 6 — Тулькуне

Рис. 17. Изображения всадника: 1, 3, 4 — Окей; 2 — Курчум; 5 — Сагыр I; 6 — Тулькуне

Рис. 18. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 19. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 20. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 21. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 22. Петроглифы урочища Сагыр II

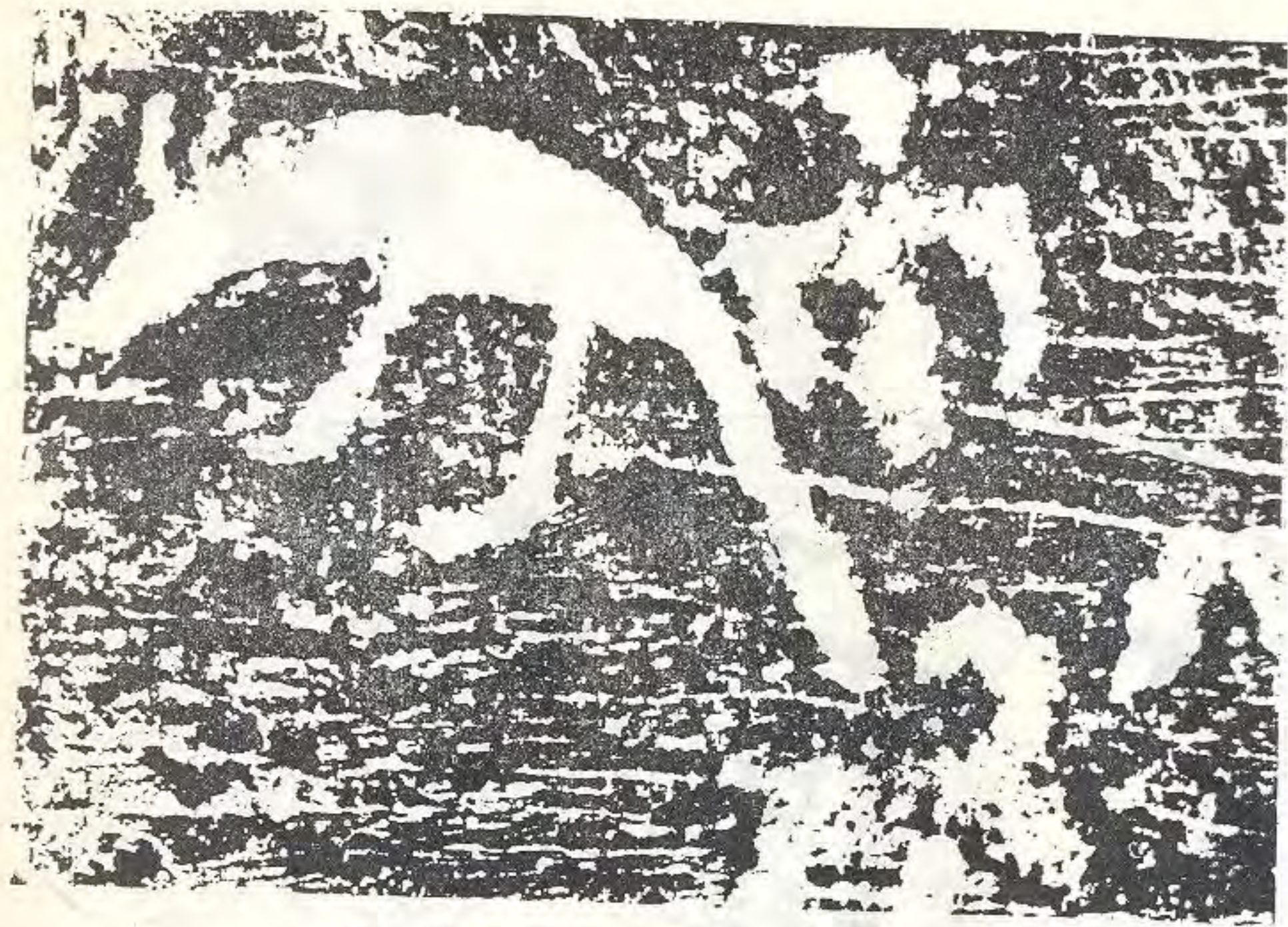

Рис. 23. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 24. Петроглифы урочища Сагыр II

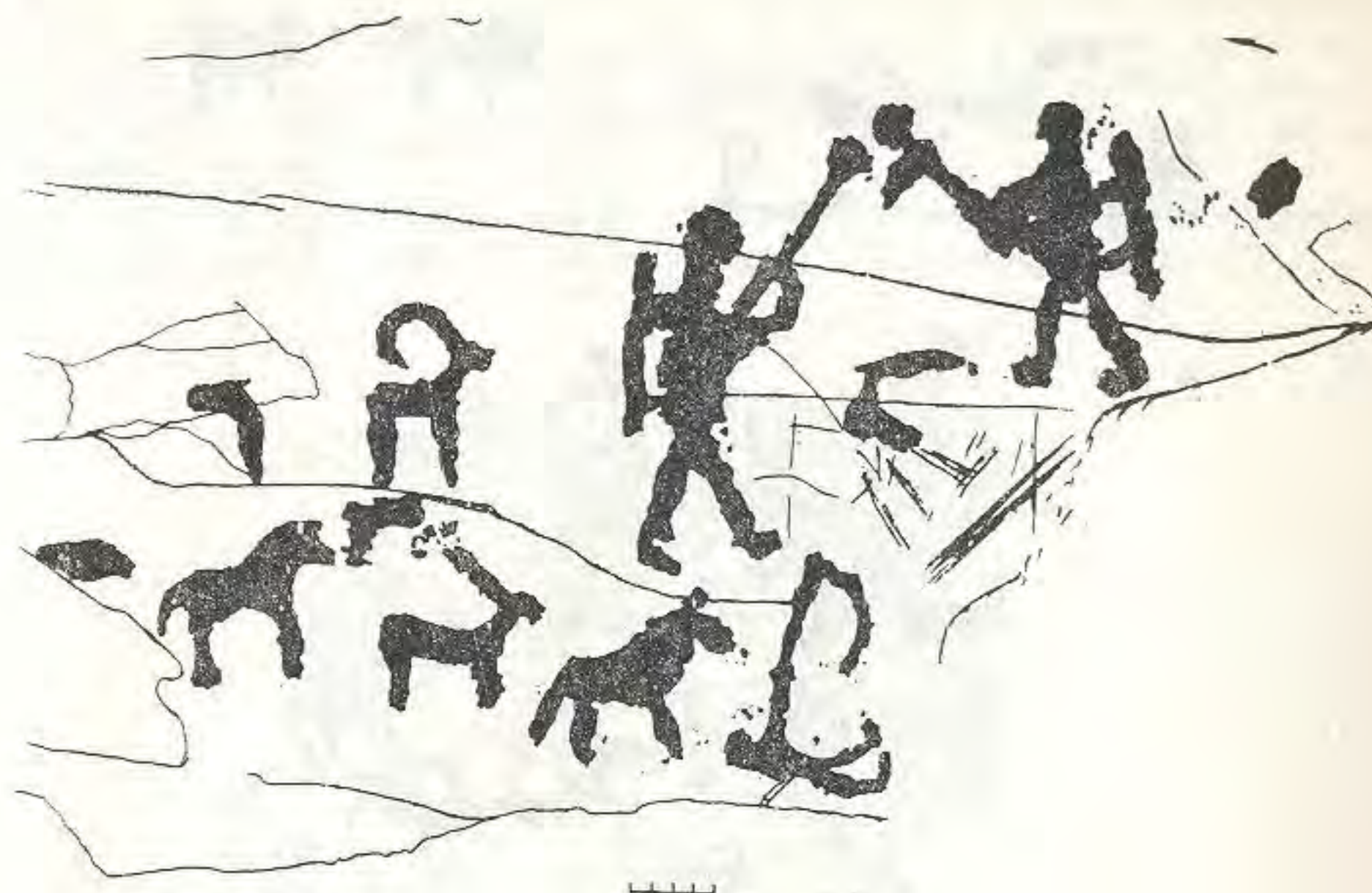

Рис. 25. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 26. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 27. Петроглифы урочища Сагыр II

другу удары чеканами. Примечательно, что к поясам сражающихся подвешены сложные луки в горитах (см. рис. 26). На другой сцене воины сражаются боевыми палицами. На спинах сражающихся показаны щиты (см. рис. 25).

Любопытная сцена «кулачного боя» запечатлена на одной наклонной плоскости, обращенной на юг (см. рис. 30). С левой стороны на некотором расстоянии друг от друга изображены два танцующих человека. Их туловища имеют вид треугольников, руки свисают.

Интерес представляет сцена охоты конного всадника на оленя

Рис. 28. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 29. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 30. Петроглифы урочища Сагыр II

(см. рис. 31). Сама фигура всадника сохранилась частично, изображение оленя выполнено техникой выбивки по контуру. Пышные рога животного отброшены назад, корпус в нескольких местах пронзен стрелами с оперением. Кроме того, туловище животного разрисовано вертикальными полосами.

Из числа других петроглифов рассматриваемого времени отметим изображения горного козла типа «Чуруктуг Кырлан» (см. рис. 21).

Рис. 31. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 32. Петроглифы урочища Сагыр II

Сагыр II — памятник многослойный. Здесь явно выделяются три хронологических периода: эпоха бронзы, скифо-сакское время и раннее средневековье.

КАРАТЮБЕ (рис. 33—36) расположено в 4 км к В от с. Васильевка, в 3 км к З от с. Ленинка. Рисунков на сопке немного, в основном они находятся на ее вершине. На одном камне изображены три быка, выполненные выбивкой по контуру, рядом — незаконченная антропоморфная фигура и олень (см. рис. 33).

Рис. 33. Петроглифы сопки Каратюбе

На другом камне изображен табун лошадей, преследуемый волком (см. рис. 34). Интерес представляет фигура оленя, рога которого трактованы оригинально — в виде стержня, от которого отходят параллельные дуги (см. рис. 35).

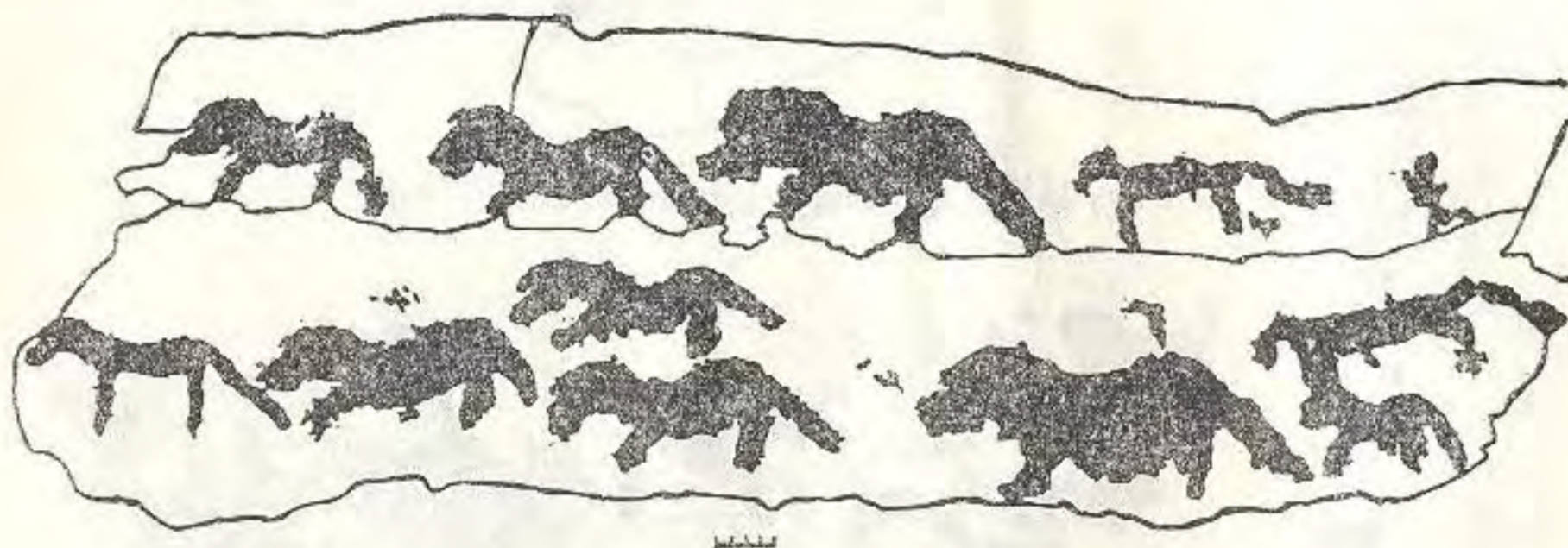

Рис. 34. Петроглифы сопки Каратюбе

БЕСТЕРЕК находится на северной окраине села с таким же названием. На вертикальной плоскости коренного выхода сланца имеется изображение горного козла или барана, выполненное шлифовкой по контуру. Хвост животного передан в виде кольца (рис. 37). Примерно в 1 км от этого места, на правом берегу р. Уранхай, обнаружены любопытные изображения, выполненные прорезной техникой. Это различные геометрические фигуры в виде треугольников, крестов разных конфигураций, линии, штрихи и т. д.

КАМЫСТЫ зафиксировано в 2 км к югу от с. Бестерек, в урочище Камысты. Обнаружено несколько групп изображений. На одном камне

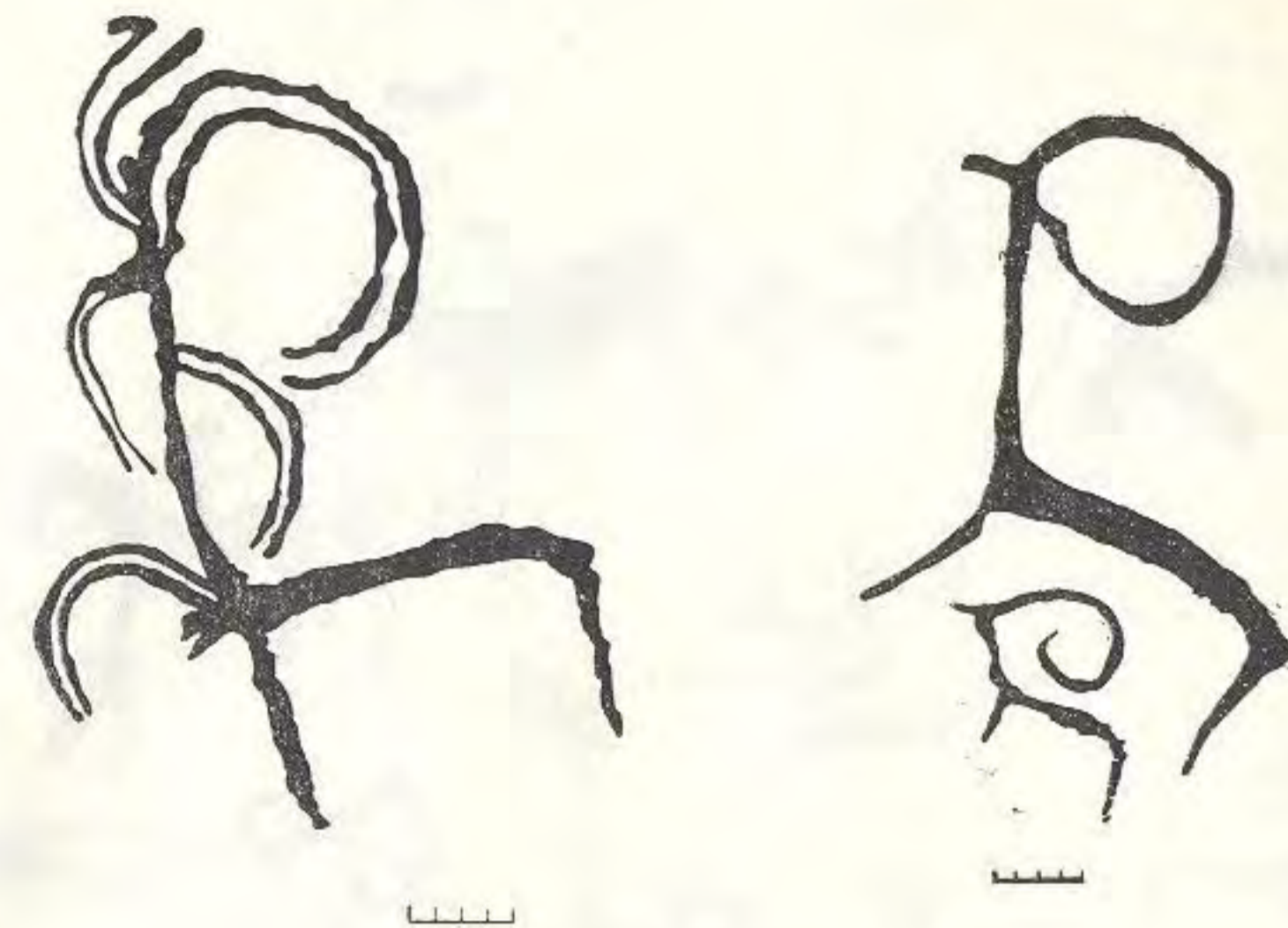

Рис. 35. Петроглифы сопки Каратюбе

Рис. 36. Петроглифы сопки Каратюбе

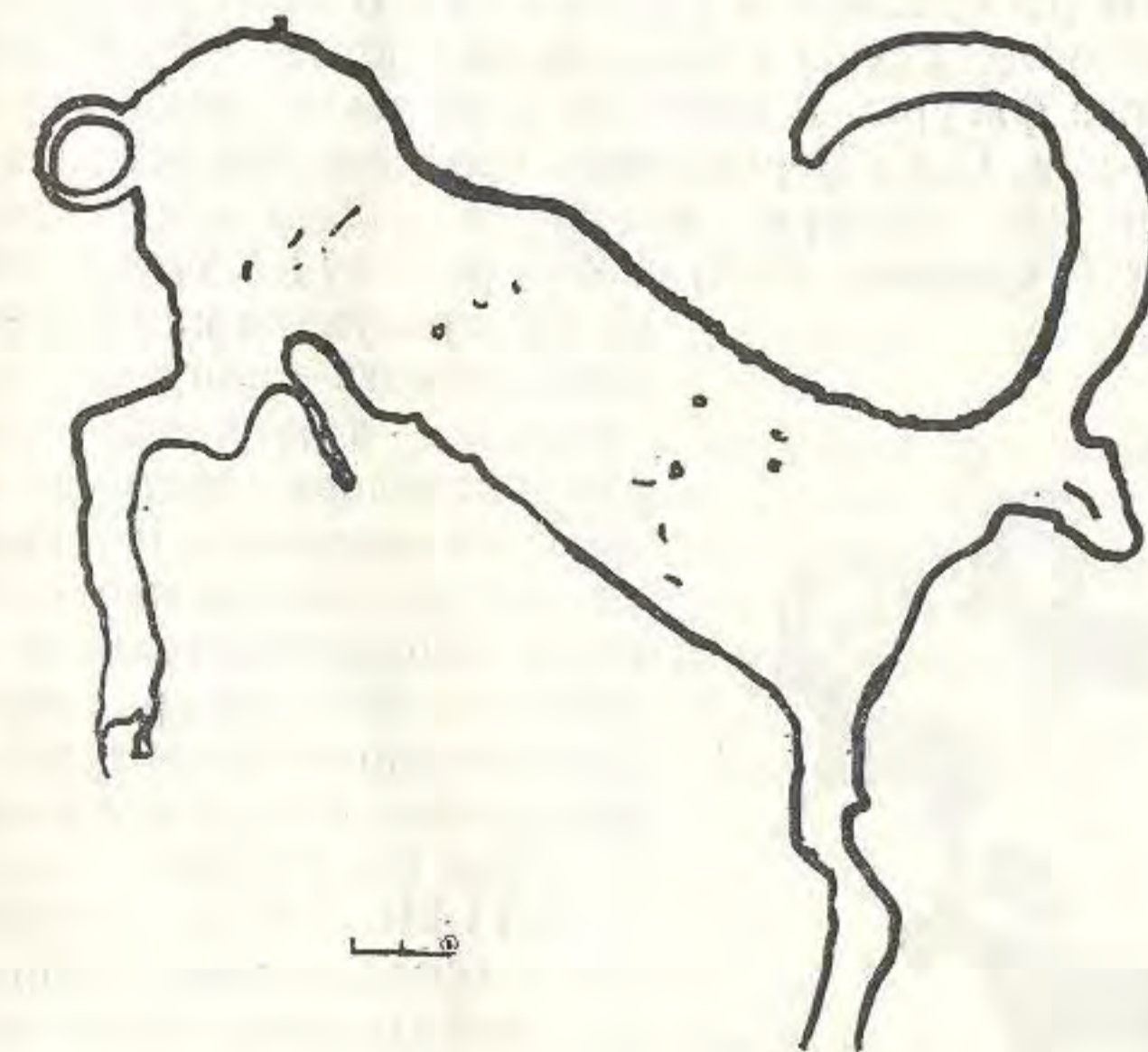

Рис. 37. Петроглифы у с. Бестерек и урочища Камысты

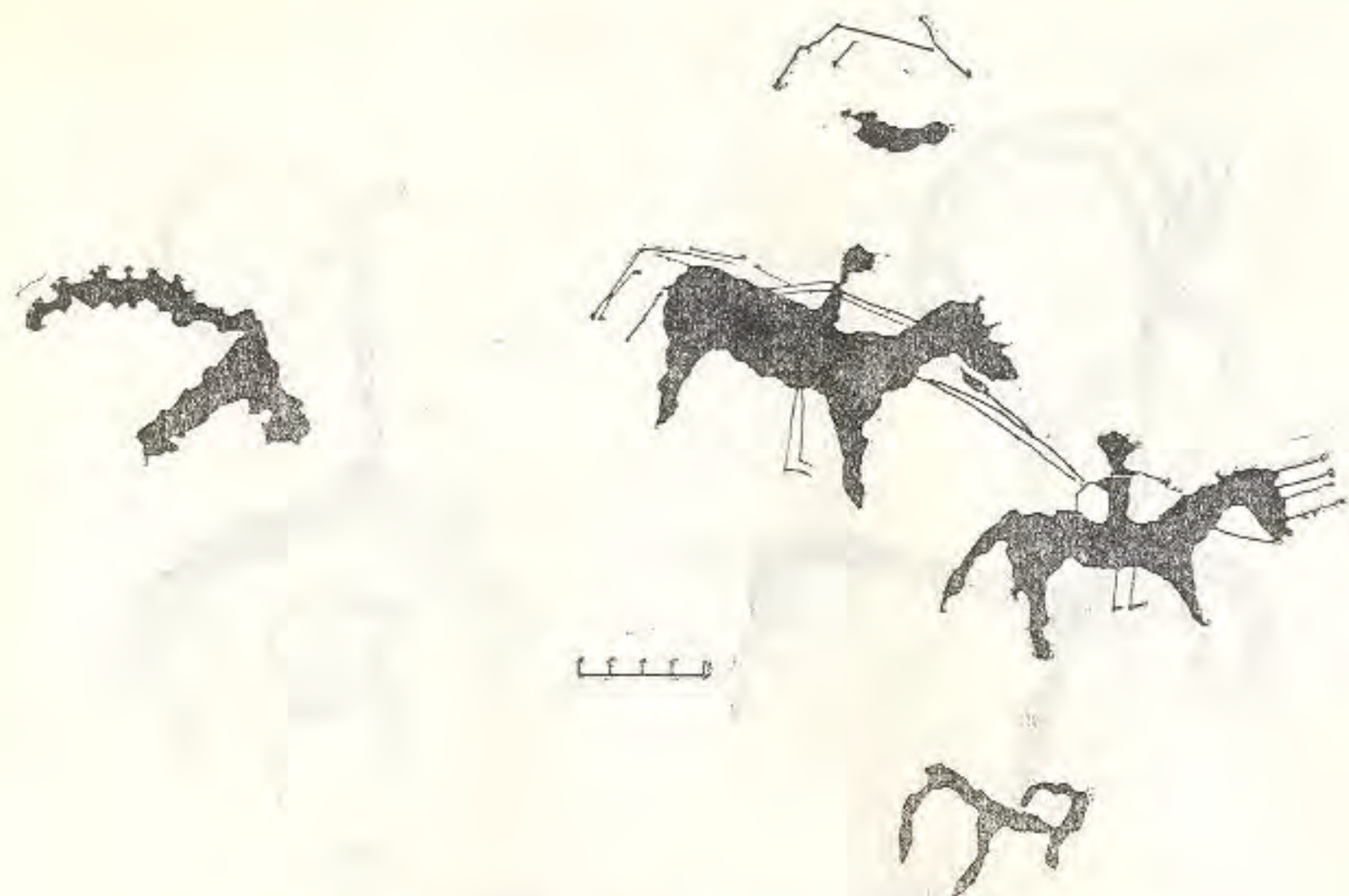

Рис. 38. Петроглифы у с. Бестерек и урочища Камысты

запечатлены два всадника, выполненные комбинированной техникой: туловище коней и самих всадников — сплошной выбивкой, а поги всадников — техникой граффити (рис. 38). На другом камне с горизонтальной плоскостью изображена свастика, рядом высечен горный козел.

КОЧУНАЙ расположен в 2,5 км к ССВ от с. Бестерек. Преобладают традиционные сцены охоты, встречаются тамгообразные знаки, антропоморфные фигуры. В этом же комплексе зафиксированы исследованные в 30-х гг. С. С. Черниковым изображения всадников, квалифицированные им как фигуры кентавров — фантастических полулюдей-полуживотных (Черников, 1947, с. 253, рис. 2,1). Осмотр непосредственно этих рисунков на местности показал ошибочность такого определения. Изображение так называемого «кентавра» оказалось частично испорченной фигурой всадника. На этом же камне он видел изображение всадника на козле. При внимательном осмотре выяснилось, что фигура человека непосредственно не примыкает к изображению козла: между ними имеется промежуток без выбивки.

АЛТАЙ. В 4 км к северу от с. Бестерек обследована группа изображений, выбитая на южной стороне каменной жилы, проходящей по вершине не-

Рис. 39. Петроглифы у с. Никитинка

Рис. 40. Петроглифы у с. Никитинка

высокой сопки. В основном это изображения животных и людей. Зафиксировано несколько фигур хищников.

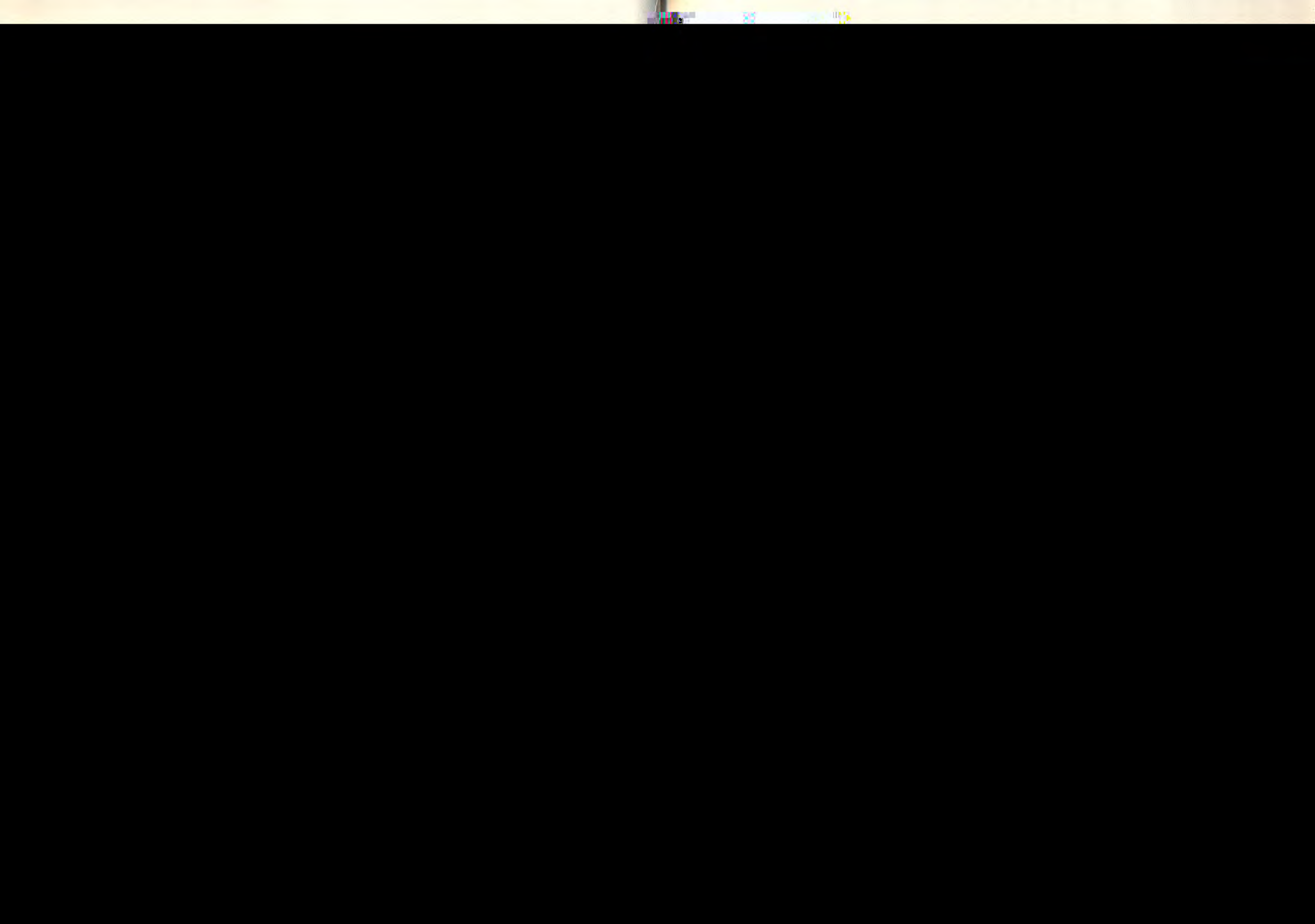
НИКИТИНКА расположена в северных отрогах Калбинского хребта. В 1975—1976 гг. обследованы два пункта: на северной окраине с. Никитинка и в 3 км к ЗЮЗ от него.

На северной окраине села зафиксированы три камня с рисунками. На одном высечено пять фигур горных козлов. Глубина выбивки около 1 см, экспозиция вертикальная (рис. 39). На другом камне изображены два бодающихся козла. На вертикальной плоскости третьего камня, разделенной глубокой трещиной, запечатлены батальная сцена и охотничьи сюжеты. По стилю и технике исполнения, а также по плотности загара рисунки идентичны. Следует отметить, что на третьем камне представлены наиболее достоверные петроглифы древнетюркского времени, которые очень редко встречаются в исследуемом регионе (рис. 40, 41).

Во втором пункте рисунков немного, но по своей тематике и художественному достоинству они относятся к числу наиболее ценных петроглифов Восточного Казахстана. К ним относятся, в первую очередь, изображения семи благородных оленей, выполненные в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля и имеющие широчайшие ана-

здесь их около 3 тысяч. Это один из опорных памятников, позволяющих решать некоторые вопросы хронологической атрибуции, семантической интерпретации и этнокультурной принадлежности. В этом отношении особую ценность представляют многофигурные композиции на камнях (рис. 47—53).

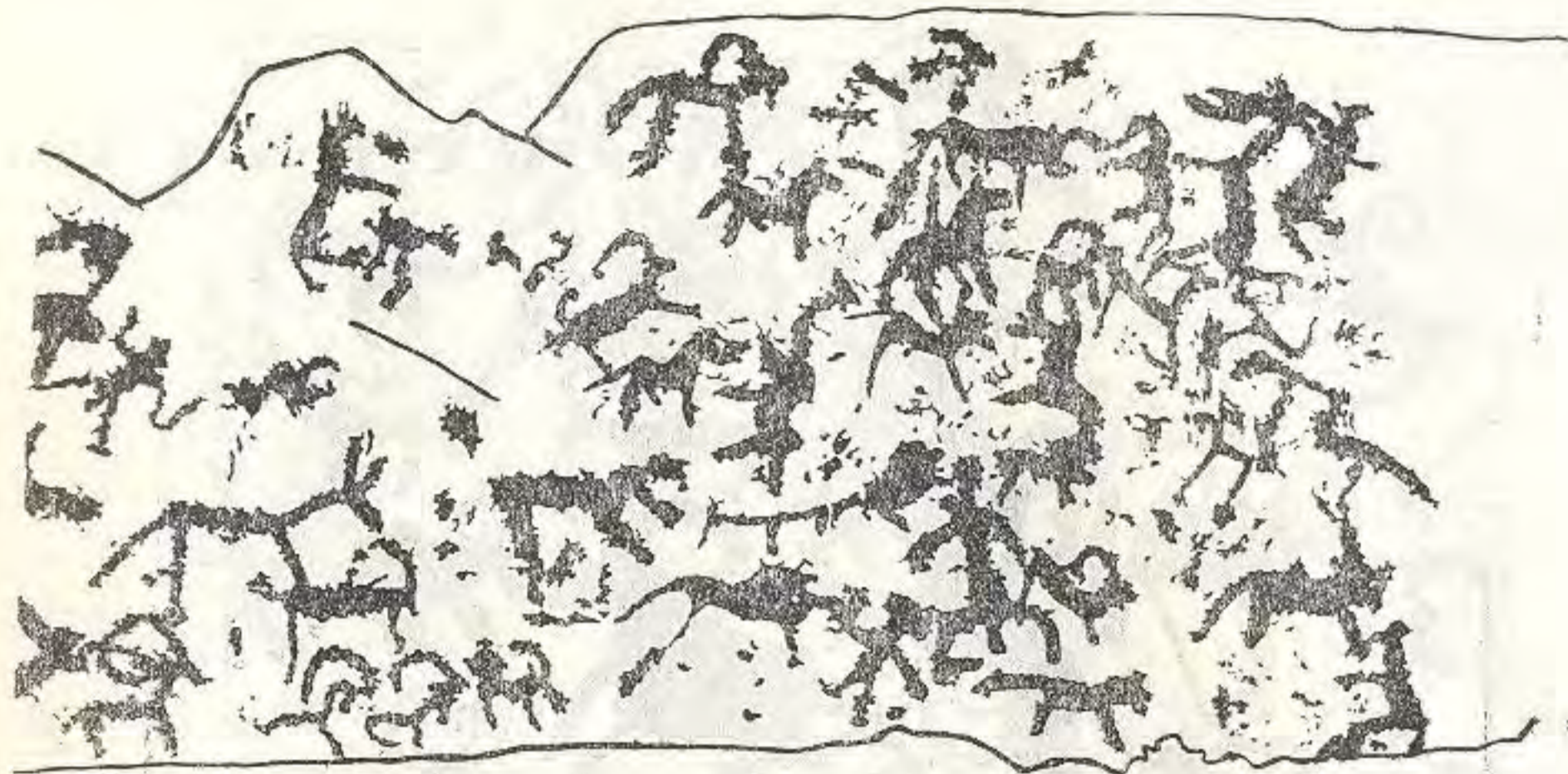

Рис. 48. Петроглифы урочища Мойнак

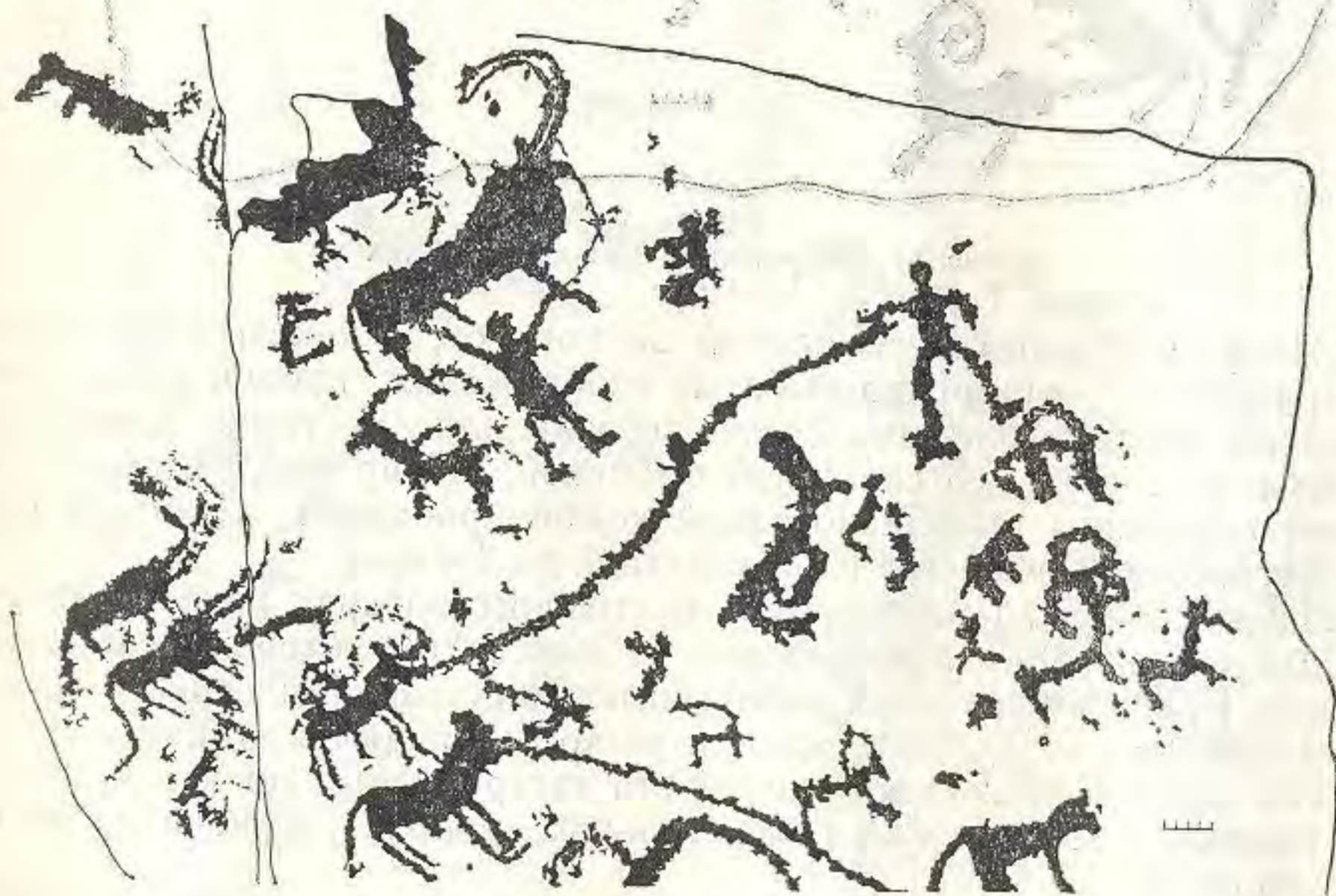

Рис. 49. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 50. Петроглифы урочища Мойнак

На камне 122, плоскость которого обращена на В, высечено около 60 рисунков. Около 50 из них представляют более или менее отчетливо животных и людей, остальные неясные и незаконченные (рис. 54). Две косые параллельные трещины в верхней части плоскости естественно делят композицию на две взаимосвязанные группы изображений. Создается впечатление, что художник старался заполнить все свободное пространство фигурами, но все же угловые площадки остались без рисунков. Композиции, несмотря на их обилие, относительно однородные:

Рис. 51. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 52. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 53. Петроглифы урочища Мойнак

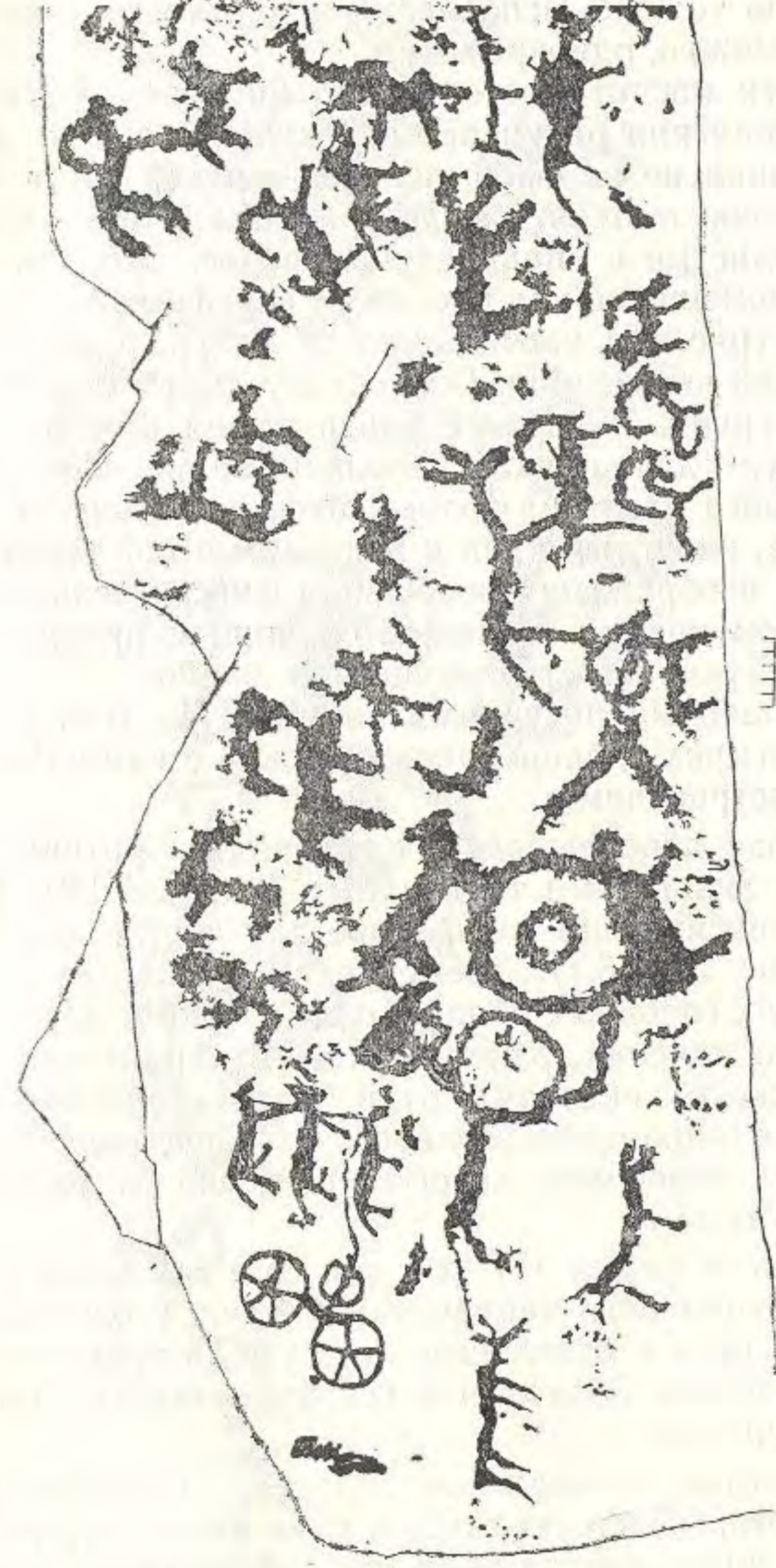

Рис. 54. Петроглифы урочища Мойнак

три антропоморфные фигуры, три хищника, колесница с тройкой лошадей (одна в пристяжке), остальную часть составляют изображения животных: козла, лошади и быка. Имеются два изображения круга. Несмотря на чрезвычайную компактность в расположении фигур, единая композиционная связь на первый взгляд не улавливается, хотя стилистически, по технике исполнения и плотности пустынного загара все рисунки, возможно, одновременны.

На плоскости насчитывается около 20 изображений коня.

В центре скопления рисунков запечатлен всадник на коне, но без рук, голова специально не оформлена. В верхней части правой половины камня отчетливо выделяется фигура быка. Хвост быка имеет кисточку, рога извилистые и направлены вперед. Кончик рога касается морды лошади, помещенной на плоскости вертикально.

Камень 170 (рис. 55) насчитывает 27 фигур, размещенных по принципу вертикальной экспозиции. Они образуют три большие и несколько промежуточных групп. В верхней части камня помещены чрезвычайно динамичные фигуры двух оленей, исполненные в скифо-сибирском зверином стиле. У одного оленя на голове пышные ветвистые рога, чрезмерно узкая «талия», округлый круп и подогнутые под брюхо ноги. В средней части камня изображена профильная фигура человека с согнутыми под прямым углом ногами. Каким-то длинным предметом он наносит удар по голове лучника, стреляющего в оленя.

Самый насыщенный рисунками камень 171 (см. рис. 46, 50—53). Он состоит из четырех изолированных блоков с самостоятельными композиционными построениями.

В левом блоке прослеживаются три темы: эротическая, охотничья и преследования хищниками травоядных (см. рис. 50). В центральном блоке камня зафиксировано уникальное для нашего региона изображение кинжала (рис. 51, 56, 1). Здесь же высечены две антропоморфные фигуры в двурогих головных уборах: одна с луком, другая — в каком-то фантастическом облачении. Корпус человека трактован в виде прямоугольника (ближе к квадрату), руки, очень длинные, неестественно свисают с верхних углов прямоугольного туловища (см. рис. 52). Вероятнее всего, человек совершает какое-то действие в особом ритуально-обрядовом костюме.

В верхней части камня 177 (см. рис. 49) высечено пять фигур быков. У двух животных рога направлены вперед, у одного — назад. Причем у последнего рога и отдельные части тела трактованы несколько иначе, чем у остальных. Этого быка (скорее всего, одомашненного) держит на аркане мужчина.

Ниже запечатлен, по-видимому, процесс объездки коня: на коне сидит человек, который держит в одной руке повод, в другой — плеть (?), нога его свисает ниже живота коня. Второй человек, пеший, управляет животным с помощью аркана, находясь на определенной дистанции. Такой способ объездки коня сохранялся до недавнего времени.

Аналогичные сюжеты высечены и на других камнях, различаясь лишь тем, что человек, держащий аркан, находится позади животного

Рис. 55. Петроглифы урочища Мойнак

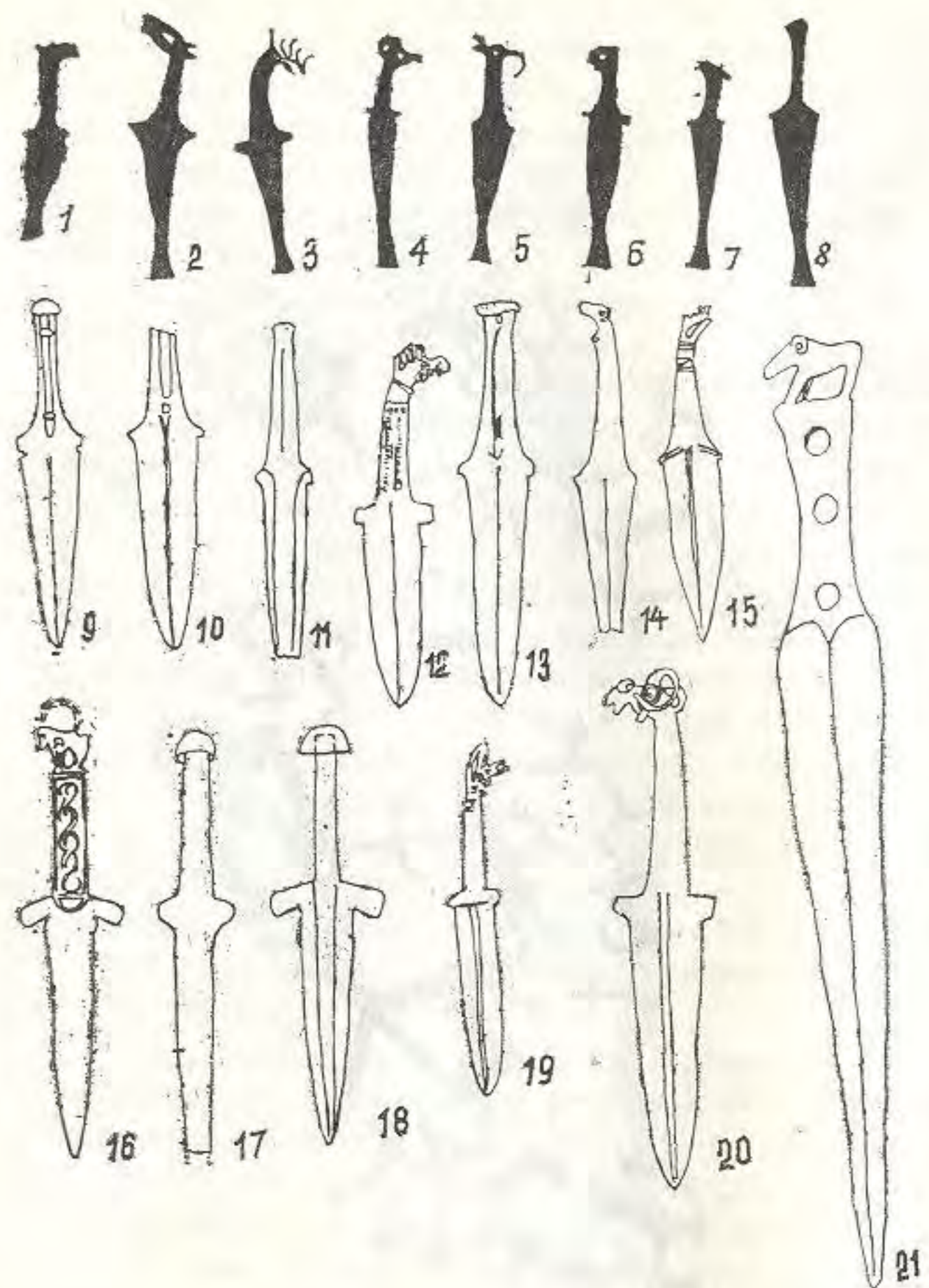

Рис. 56. Изображения кинжала предсакского времени: 1 — Мойнак; 2—8 — на оленьих камнях Монголии (Волков, 1981); 9—20 — карасукского времени с разных территорий (Членова, 1976); 21 — случайная находка из Восточного Казахстана (ВКОМ, КПО 26—8284)

или рядом. Тематически близкий сюжет запечатлен на камне 61, где человек удерживает на аркане верблюда (рис. 57, 3).

Быки (рис. 58, 59) среди петроглифов Мойнака довольно редки. На упомянутом камне 177 (см. рис. 49) выбито наибольшее количество фигур этого животного. По трактовке рогов их можно разделить на две группы: с направленными вперед извилистыми рогами и сильно изогнутыми дугообразными рогами. Первые значительно преобладают. Иногда встречаются изображения быков с саблевидными рогами (рис. 60). Хвосты животных трактованы по-разному: у одних он заканчивается кисточкой, у других — слабо изогнут, у третьих — прямой. Любопытно изображение одного быка, хвост которого в четыре или пять раз длиннее туловища (см. рис. 59, 1). Такая трактовка хвоста быка или других

Рис. 57. Изображения верблюда: 1, 2 — Окей; 3 — Мойнак; 4 — Курчум; 5 — Сагыр II

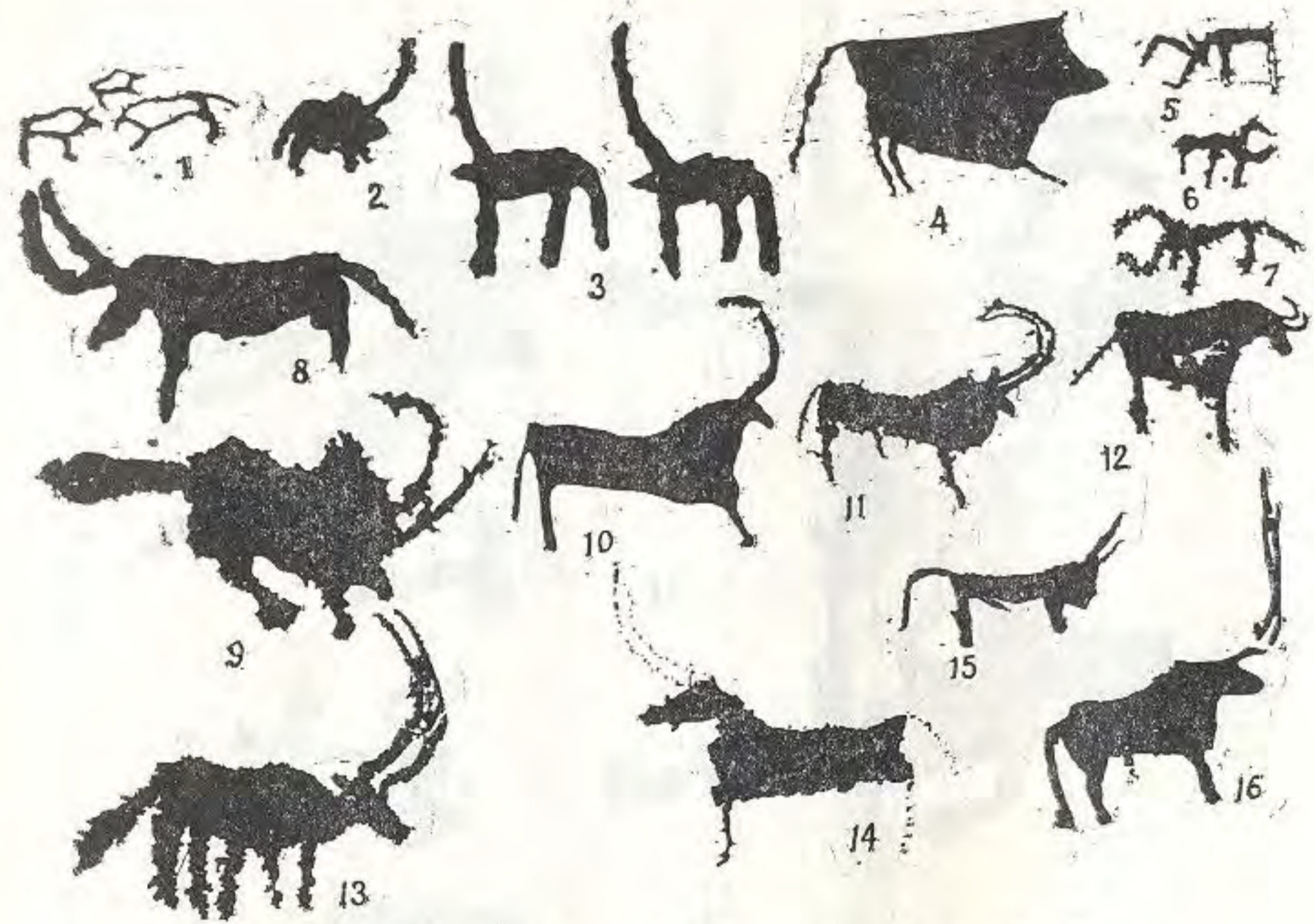

Рис. 58. Изображения быка: 1 — Каратюбе; 2, 8, 15 — Зевакино; 3 — Сагыр II; 4 — Окей; 5, 7 — Болгар-Табаты; 6, 9, 14, 16 — Курчум; 10, 11, 12 — Мойнак; 13 — Никитинка

животных известна в Центральной Азии (Окладников, 1980, с. 15, табл. 25). Два быка показаны с ушами (см. рис. 59, 12, 14; 60).

Короткорогий бык с прямоугольным туловищем на камне 333 интересен тем, что его шея насквозь пробита узким предметом с кольцевидным навершием (рис. 61). Второй такой предмет воткнут в круп животного. Вид и назначение этого предмета пока остается неясным.

Олени (рис. 62, 63, 64) занимают важное место в петроглифах урочища Мойнак. В хронологическом и стилистическом отношении изображения оленей весьма разнообразны. На камнях 120, 171, 174А представлено пять рисунков оленей, имеющих стилистическое, иконографическое и, несомненно, хронологическое сходство с фигурами на оленьих камнях Центральной Азии и Алтая (рис. 62, 1—5; 63, 5,7; 65, 66).

Среди остальных изображений оленей есть и очень выразительные реалистические фигуры, и крайне схематичные. Формы рогов варьируют: у некоторых откинута назад, у других ствол рога вертикальный или расположен под углом, а отростки пририсованы елочкой, у третьих ствол рога трактован в виде развилки, а отростки идут с одной или с двух сторон. Есть и другие варианты.

Бросается в глаза отсутствие одиночных изображений хищников (рис. 67—70) во всем комплексе петроглифов урочища Мойнак. Подавляющее большинство хищников изображено преследующими тра-

Рис. 59. Изображения быка: 1, 9, 12, 14 — Мойнак; 2—8, 10, 11, 13 — Зевакино; 15 — Курчум

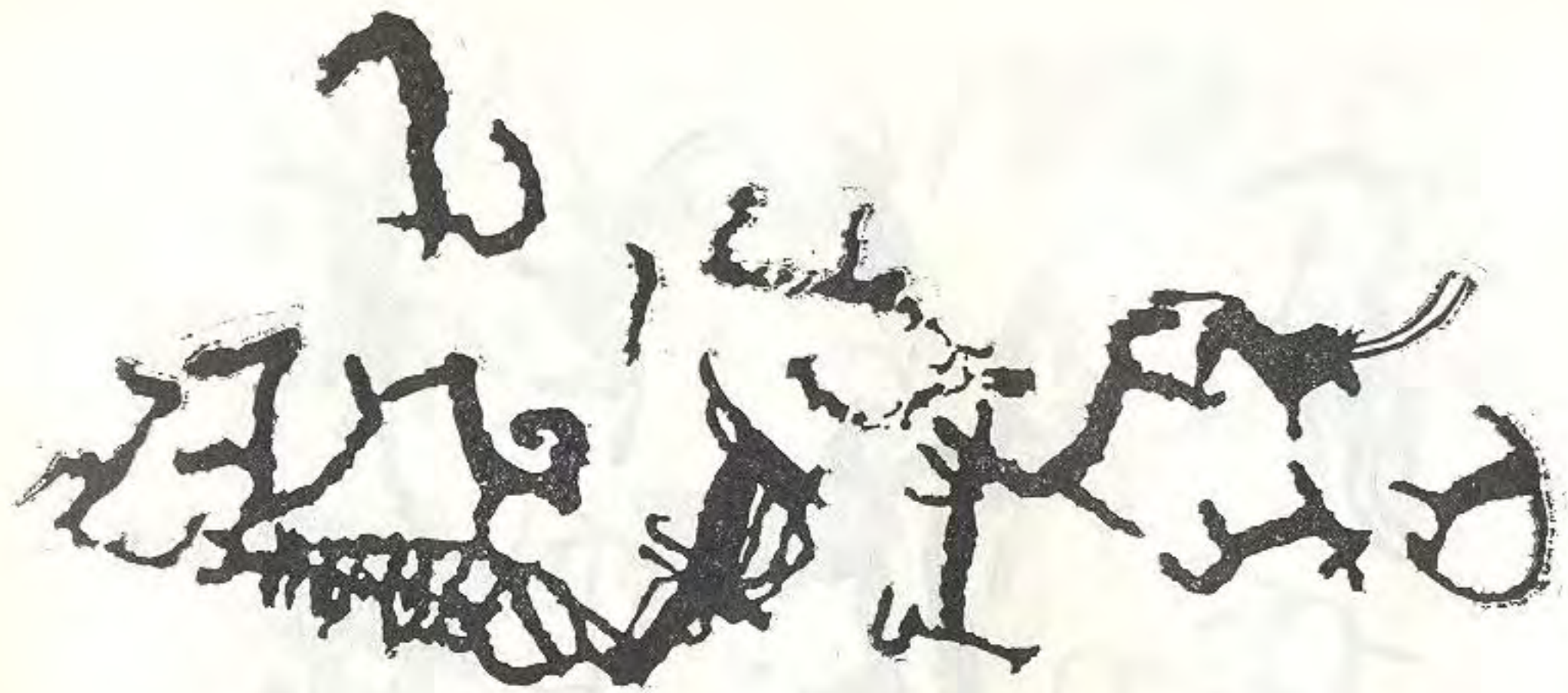

Рис. 60. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 61. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 62. Изображения оленя с клювовидной мордой: 1—5 — Мойнак; 6, 7 — Доланалы; 8 — Аксу-Джабаглы; 9 — Джингильчак, хребет Каратау

воядных. Зафиксировано множество сюжетов, подобных охарактеризованным выше сценам, на камнях 122, 171, 181.

Достоверных изображений волков мало.

На камне 7 (рис. 71) запечатлена динамичная фигура волка (?), преследующего животного, напоминающего сайгу (?). Видимо, с целью подчеркнуть чрезмерно массивные челюсти хищника художник увеличил их размер: длина раскрытой пасти зверя равна половине длины корпуса.

Совершенно иначе изображен волк на другом камне (рис. 72). Благодаря подчеркнuto тонким длинным ногам фигура его чрезвычайно легка и динамична. В отличие от предыдущего у этого волка характерная мощная шея. Изящная голова отделена от шеи и детализирована

Рис. 63. Изображения оленя: 1, 3, 6 — Тамгалы (Максимова, 1958); 2, 4 — Сурат-Таш (Шер, 1980); 5, 7 — Мойнак

(например, показано дугообразное утолщение у основания нижней челюсти), морда вытянута вперед. Уши параллельные, направлены вверх и вперед. Хвост сначала выгибается, затем опускается вниз, а кончик его несколько приподнят.

Поединок волков с жербцами посвящен фрагмент на камне 80 (рис. 73). Здесь хищники выступают в роли поверженных: два жеребца топчут ногами поваленного волка. Рядом запечатлена такая же сцена, но жеребец выглядит несколько аморфно, зато волк более ясно, чем в предыдущем случае.

В левой части камня 48 запечатлена борьба трех хищников (волков?) (рис. 69, 6; 74).

Сцена на камне 247 (рис. 75), по-видимому, отражает нередкое явление в повседневной жизни пастушеско-скотоводческих народов — нападение волков на домашний скот, содержащийся в загоне.

В петроглифах данного местонахождения, как и других, очень часто встречаются изображения, видовую принадлежность которых определить трудно. Особенно это касается фигур собак и волков, морфологические признаки которых почти совпадают. Собаки чаще всего

Рис. 64. Изображения оленя сакского времени: 1—5, 10 — Никитинка; 6, 11 — Тулькуне; 8 — Мойнак; 12, 14, 16 — Курчум; 7, 13, 15 — Окей; 9 — Меновное

Рис. 65. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 66. Петроглифы урочища Мойнак

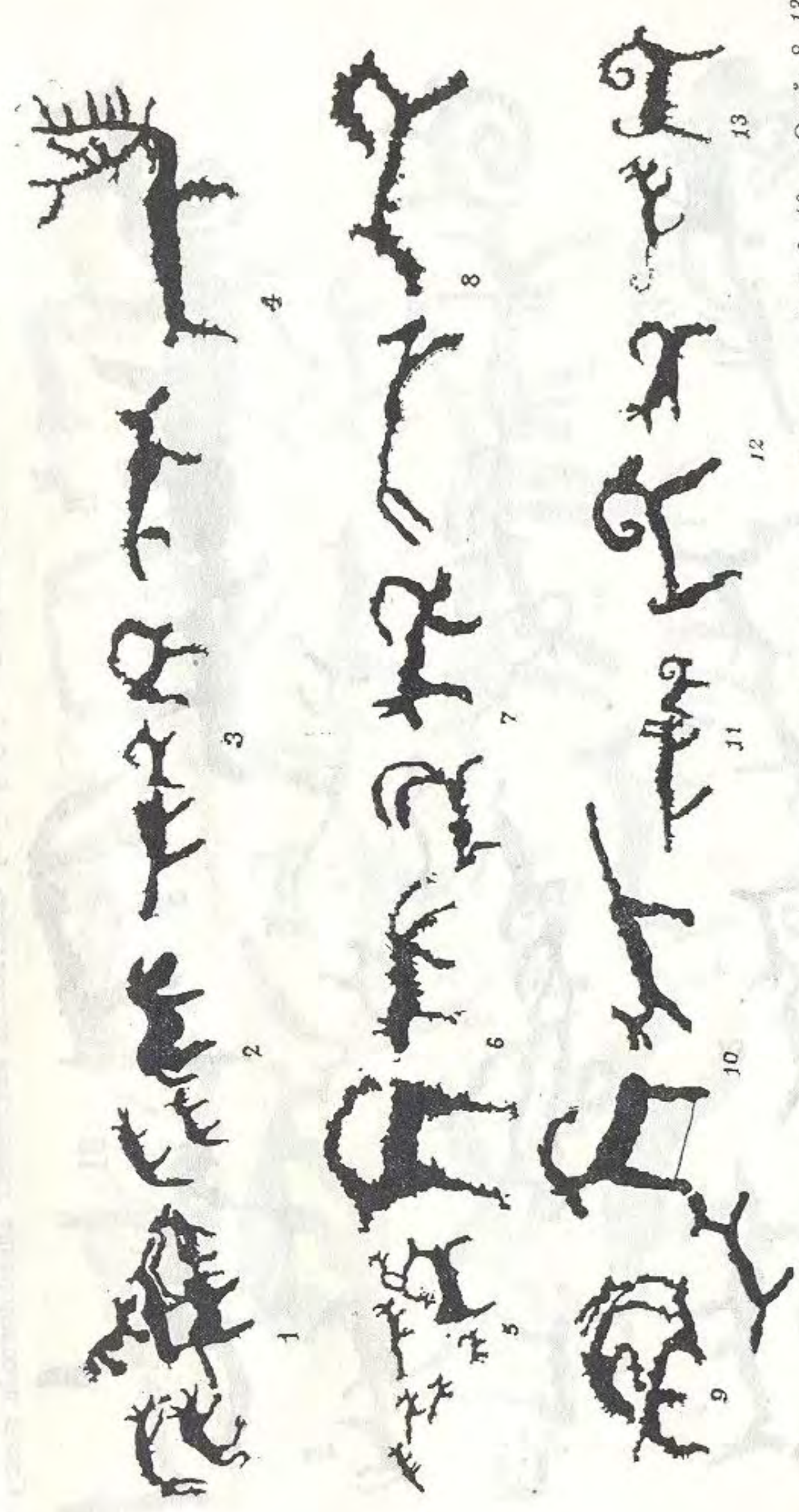

Рис. 67. Сцены преследования хищниками травоядных: 1—3, 5, 11 — Мойнак; 4, 12 — Доланалы; 6, 7, 9, 10 — Окей; 8, 13 — Тулькуне

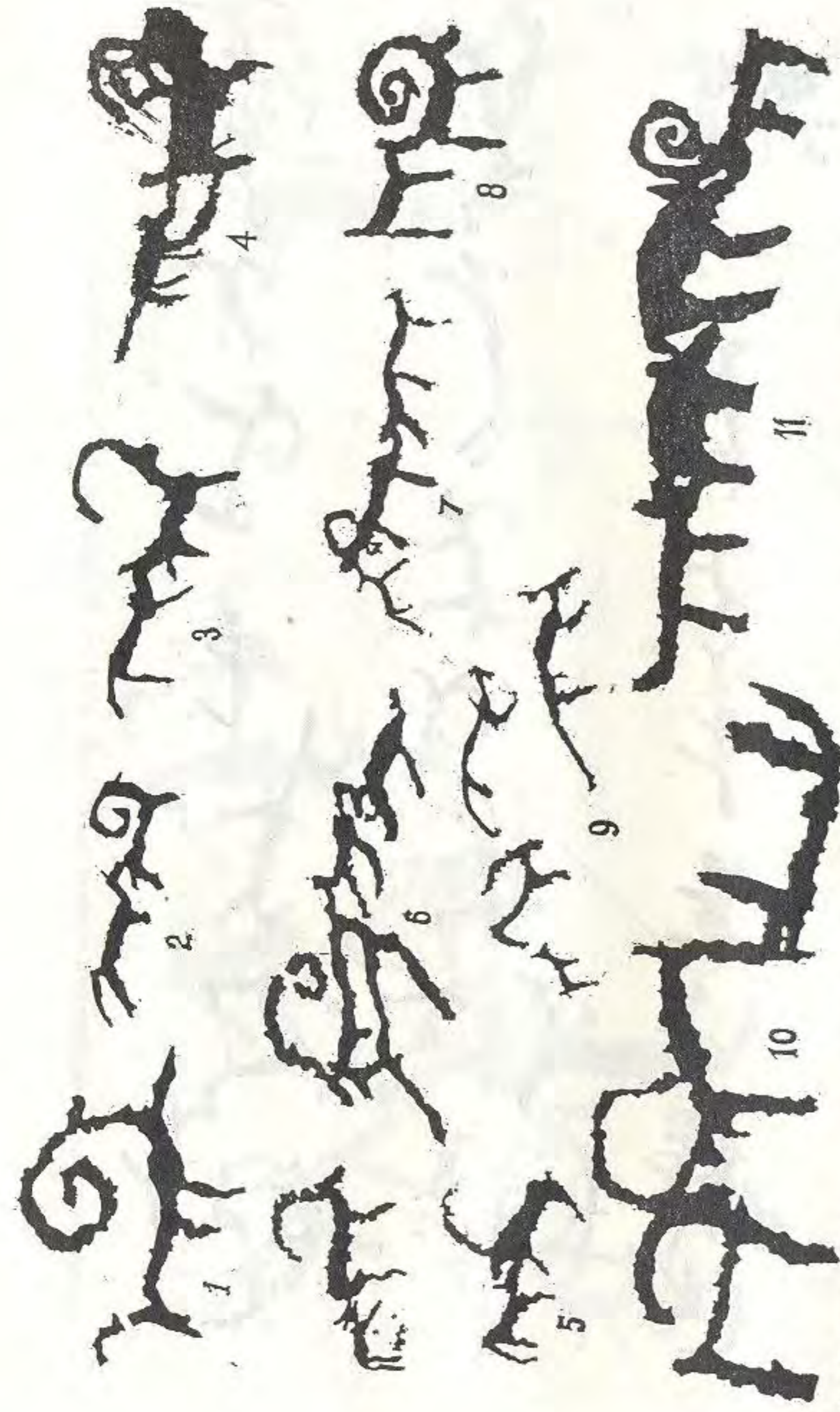

Рис. 68. Сцены преследования хищниками травоядных: 1—3, 5, 6, 8 — Окей; 4, 7, 9 — Мойнак; 10, 11 — Сагыр I

Рис. 69. Изображения хищника: 1, 5—7, 9, 10 — Мойнак; 8 — Доланалы; 2, 15, 16, 19, 20 — Окей; 3 — Тулькуне; 11, 13, 18 — Сагыр I, II; 12 — Нарбога; 14, 17 — Зевакино

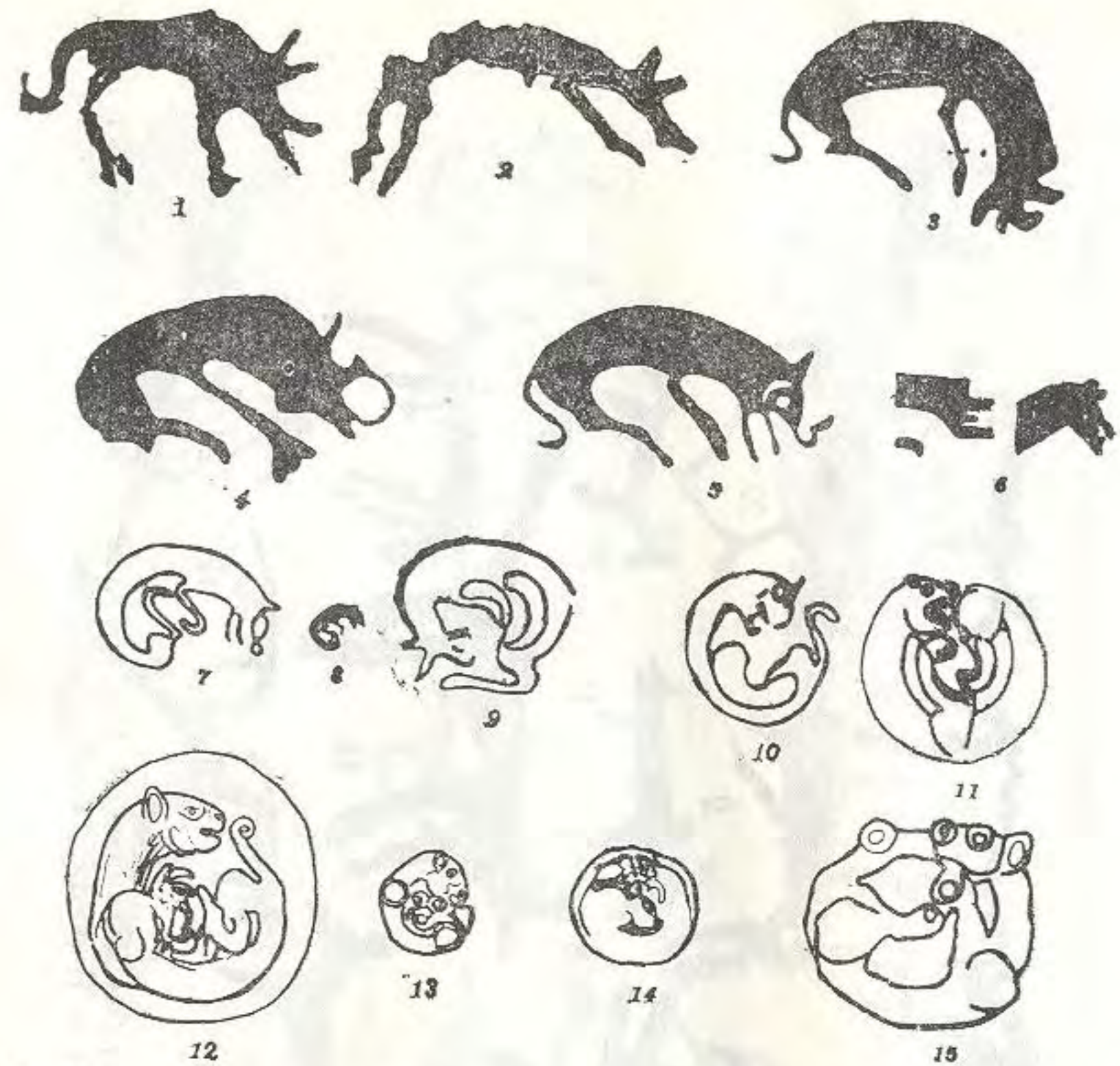

Рис. 70. Изображения хищников: 1, 2 — Мойнак; 3—6 — Алтай (Кубарев, 1979); 7—10 — Монголия (Волков, 1981); 11 — Аржан; 12 — Майэмир; 13 — Чиликтинская долина; 14 — Камышинка, Восточный Казахстан (Арсланова, 1974)

Рис. 71. Петроглифы урочища Мойнак

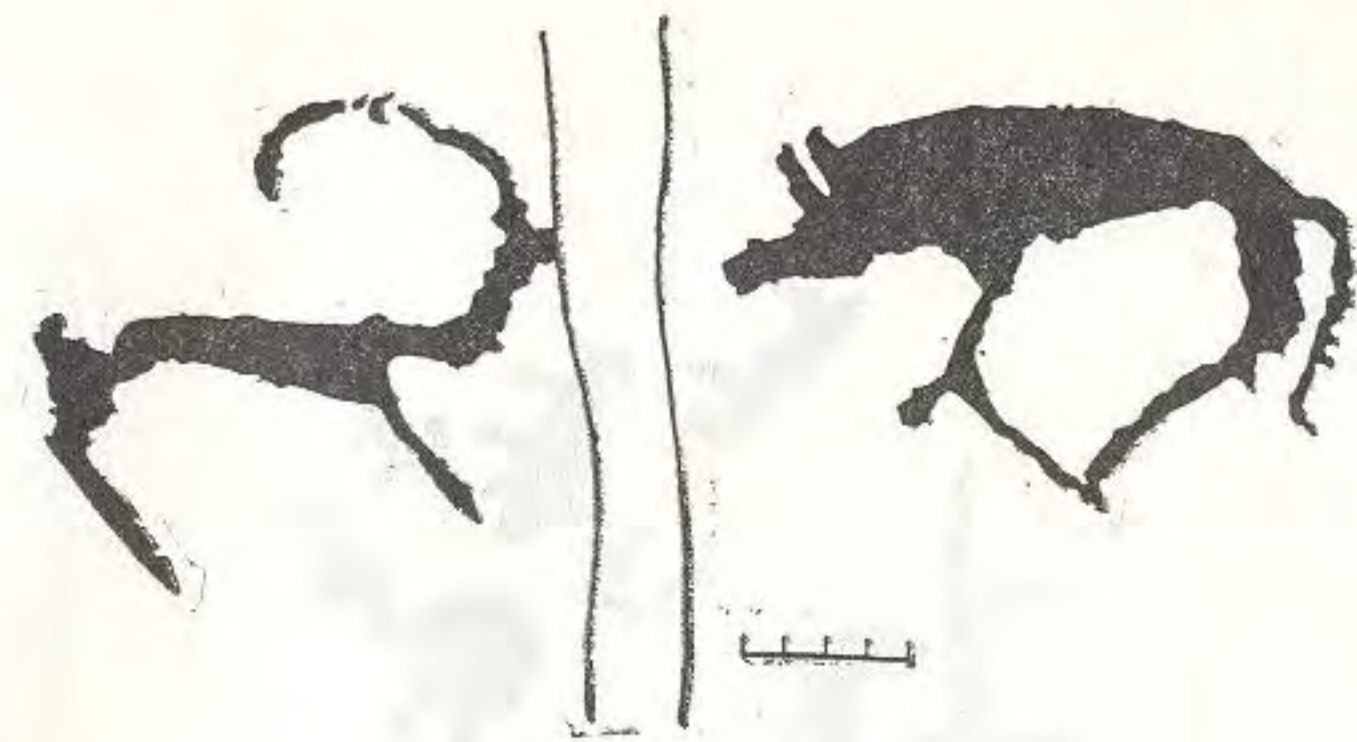

Рис. 72. Петроглифы урочища Мойнак

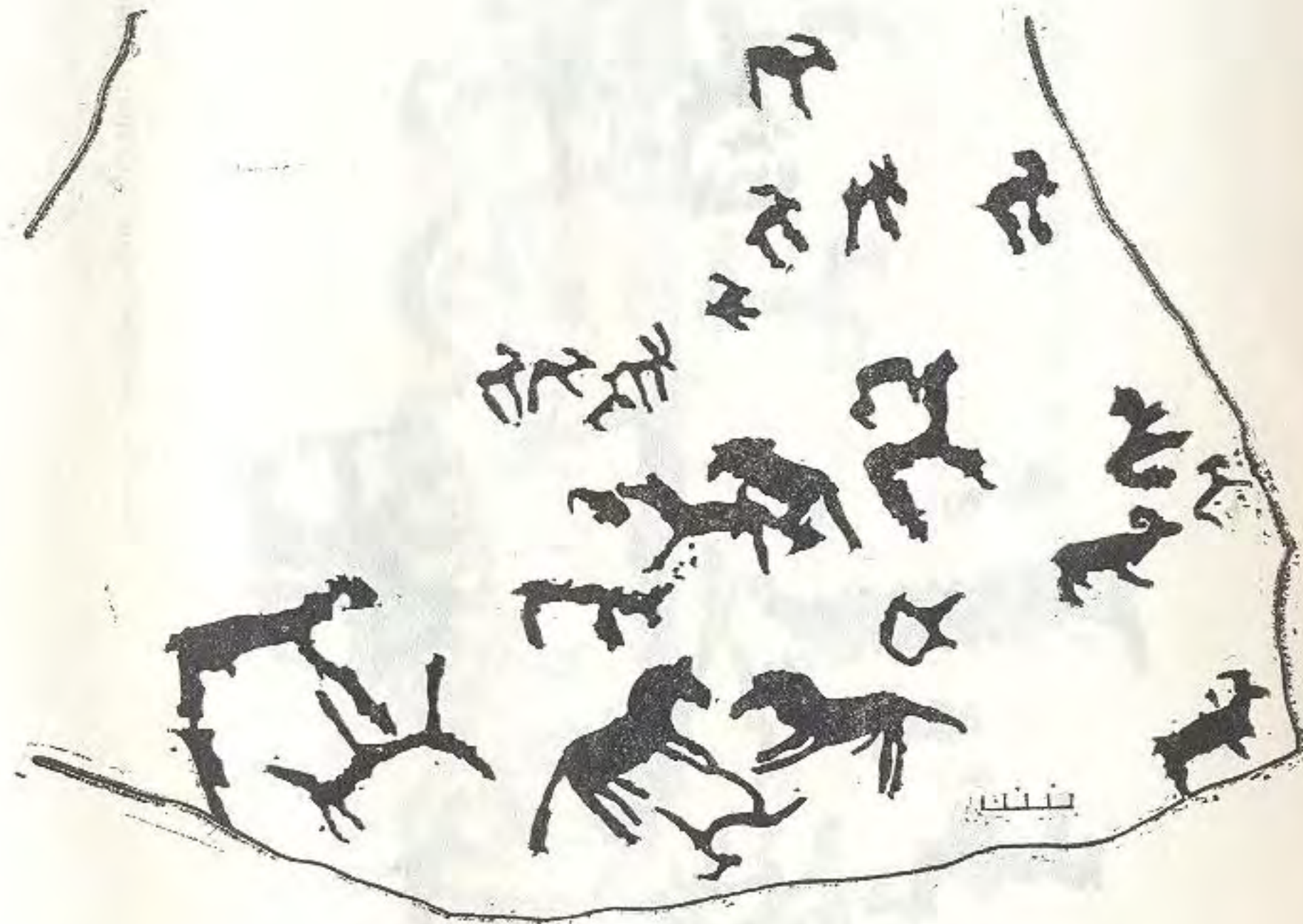

Рис. 73. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 74. Петроглифы урочища Мойнак

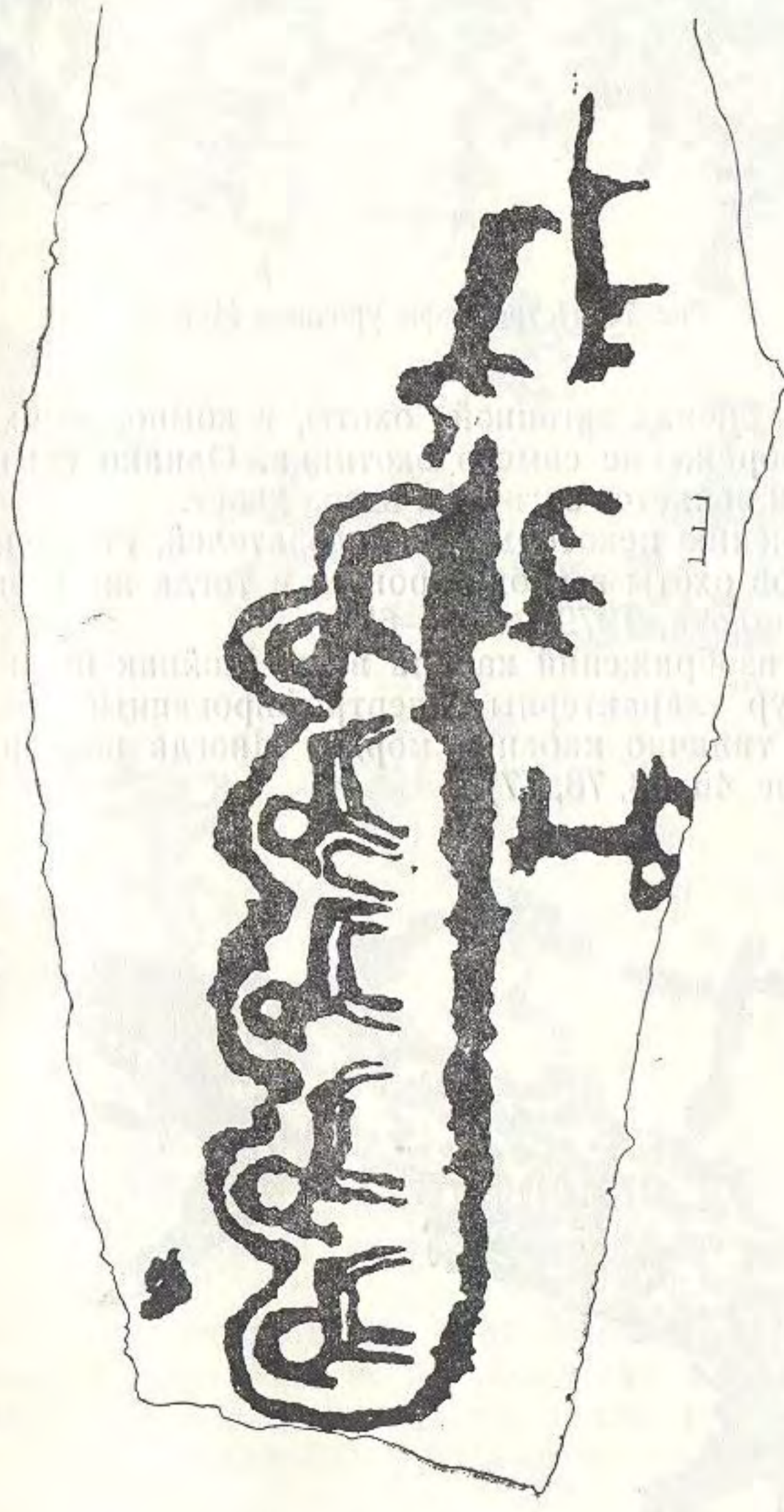

Рис. 75. Петроглифы урочища Мойнак

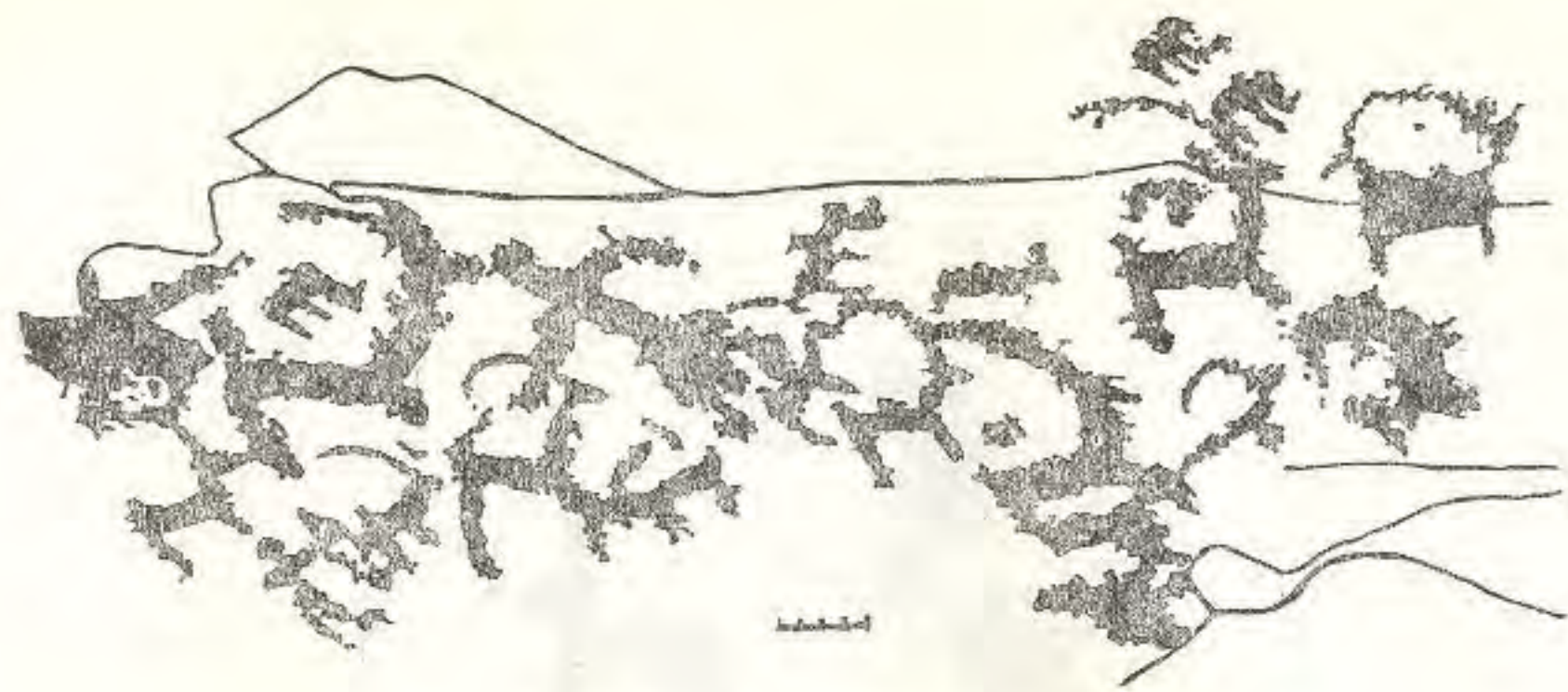

Рис. 76. Петроглифы урочища Мойнак

изображаются в сценах загонной охоты, в композициях, где обычно присутствует изображение самого охотника. Однако самым надежным признаком собаки является загнутый вверх хвост.

Кабан, по мнению некоторых исследователей, становится одним из основных объектов охоты в эпоху бронзы, и тогда же возникает культ этого зверя (Ермолова, 1979, с. 64—65).

Наскальных изображений кабана в ур. Мойнак немного, около 10. Для многих фигур характерны гипертрофированные размеры, круто опущенные вниз типично кабаньи морды. Иногда подчеркнуты клыки, глаза, хвосты (рис. 46, 53, 76, 77).

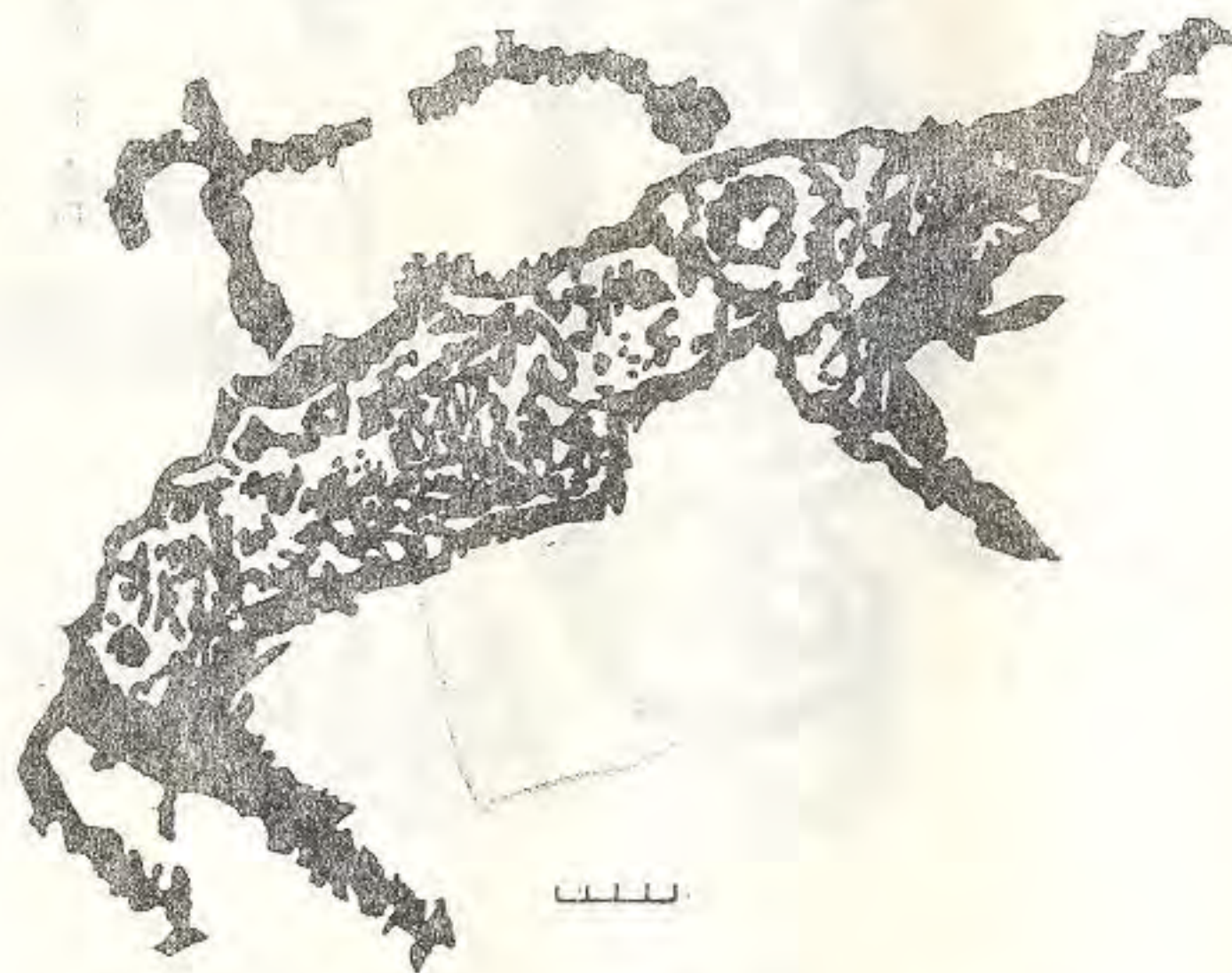

Рис. 77. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 78. Изображения людей в головных уборах и масках (?): 1—7 — Мойнак; 8—10 — Курчум; 11 — Окей; 12 — Ортаа-Саргол (Дэвлет, 1982); 13, 15 — Монголия (Окладников, 1981); 14 — Бага-Заря (Окладников, Запорожская, 1969); 16, 17 — Елангаш (Окладников и др., 1979)

Антропоморфные изображения (рис. 78—85) в петроглифах Мойнака весьма разнообразны. Они встречаются как в составе многофигурных композиций, так и в сценах охоты, танца, ритуально-обрядовых и эротических. Немало одиночных изображений человека в различных позах, костюмах.

На камне 270 запечатлена любопытная сцена (рис. 86): мужчина одной рукой с длинными пальцами, защищая, прикрывает мальчика (мужская фигура маленьких размеров). Рядом с ним, с левой стороны (от зрителя) находится женщина (на это указывает отсутствие признака пола, наличие серег с обеих сторон головы в виде оваль-

Рис. 79. Изображения ряженных: 1, 3, 5 — Мойнак; 2 — Зевакино; 4, 6, 8 — Доланалы; 7, 9 — Курчум

Рис. 80. Профильные изображения человека: 1—3 — Зевакино; 4, 7 — Мойнак; 5, 10 — Сагыр I; 6, 8, 9 — Окей

Рис. 81. Изображения человека: 1—3, 5, 7, 11 — Зевакино; 4 — Тулькуне; 6, 10, 13, 14 — Мойнак; 8, 16 — Никитинка; 9, 5 — Доланалы; 12 — Сагыр I

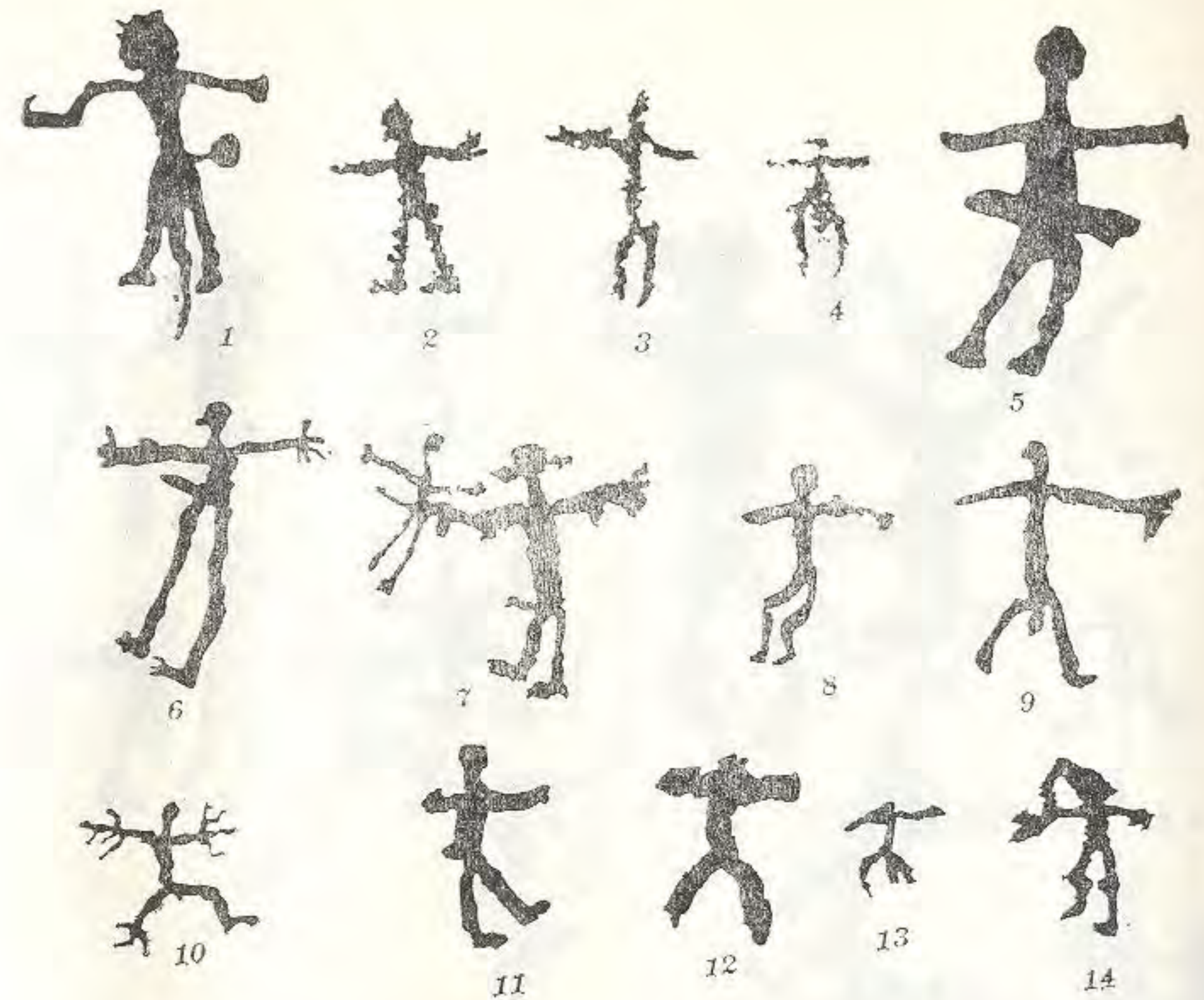

Рис. 82. Изображения человека: 1, 13, 14 — Доланалы; 2 — Окей; 3 — Меновное; 6—12 — Зевакино; 4 — Курчум; 5 — Тулькуне

ных пятен, а также расширение в области груди, относительно узкая талия и широкие бедра). Поверх головы горизонтально по отношению к нему изображен человек, держащий в руках длинный предмет (оружие?) с крючком на конце. Рядом в перевернутом положении запечатлен еще один человек. Несмотря на простоту композиционного решения, расшифровать смысл рисунка непросто. Самое тривиальное предположение — это иллюстрация нападения на семейную чету, гибель женщины.

На камнях 2, 36А изображены антропоморфные существа: на первом — в позе сражающихся, на втором — в танце (рис. 79, 5; 87). На голове последней фигуры показан убор в виде широкой развилки, одна рука вытянута вперед, вторая — вниз и заканчивается утолщением. Вполне вероятно, к этой категории изображений относится часть фигур, запечатленных в анфас, с широкими длинными полосами между ног, принимаемых нами за изображения мужчин.

Особую группу изображений составляют люди в грибовидных и

Рис. 83. Изображения человека: 1 — Тулькуне; 2, 9 — Доланалы; 3, 8 — Мойнак; 4, 5, 10 — Зевакино; 6 — Курчум; 7 — Окей

Рис. 84. Изображения человека: 1, 3, 8 — Мойнак; 2, 4 — Окей; 5, 10 — Тулькуне; 6, 9 — Сагыр II; 7 — Бестерек

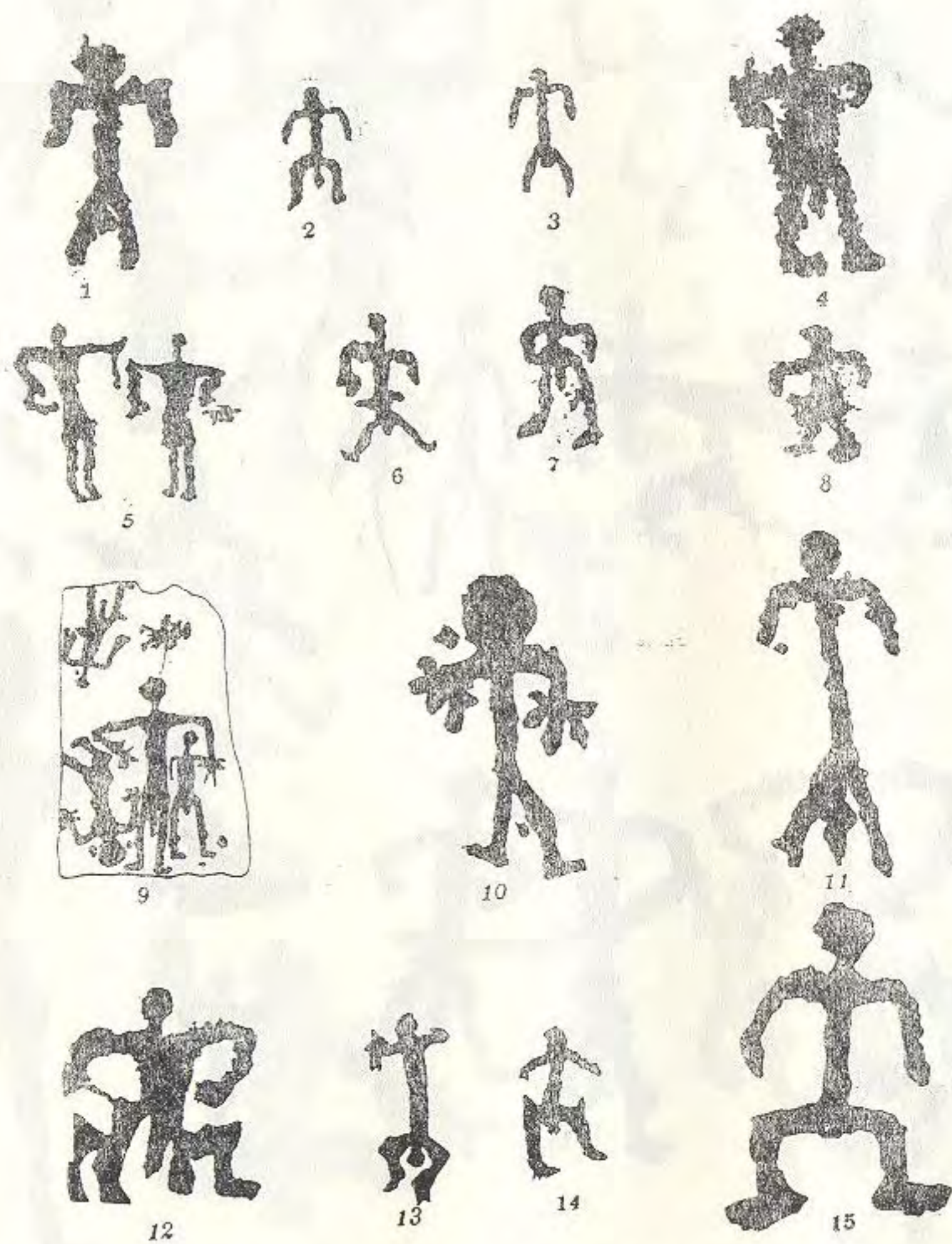

Рис. 85. Изображения людей с опущенными руками: 1, 6, 11, 13 — Зевакино; 2, 3, 12, 14 — Доланалы; 4, 9 — Мойнак; 5, 7, 8, 15 — Сагыр II; 10 — Черняевка

Рис. 86. Петроглифы урочища Мойнак

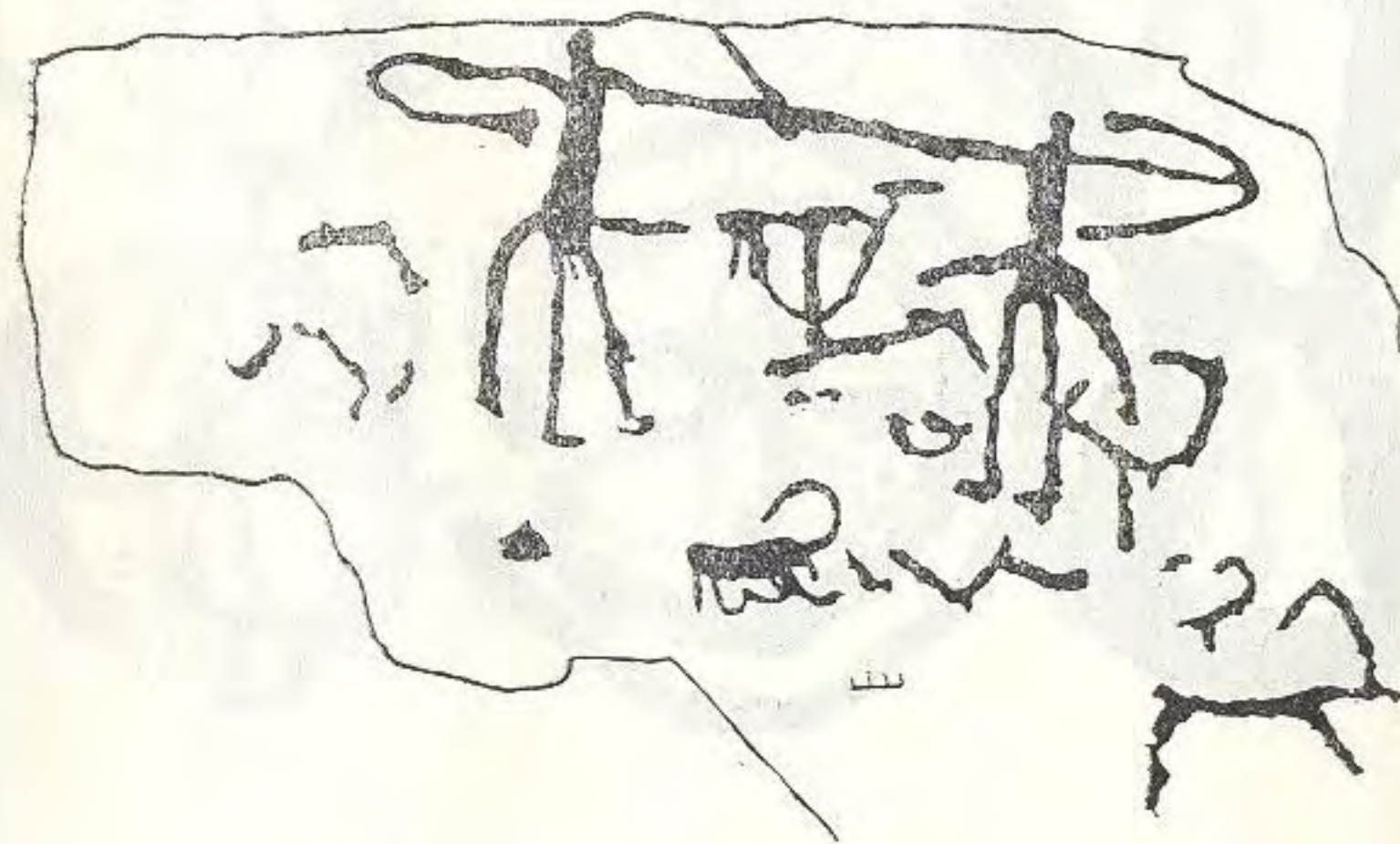

Рис. 87. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 88. Знаки и символы в петроглифах Восточного Казахстана: 1, 2, 9 — Сагыр I; 3, 7 — Доланалы; 4, 6 — Мойнак; 5, 8 — Зевакшино

Рис. 89. Изображения соляных знаков: 1, 3—8, 12 — Мойнак; 2 — Тулькуне; 9, 9 — Доланалы; 13—15 — Окей; 10, 11, 17, 18 — Нарбота; 16 — Камысты

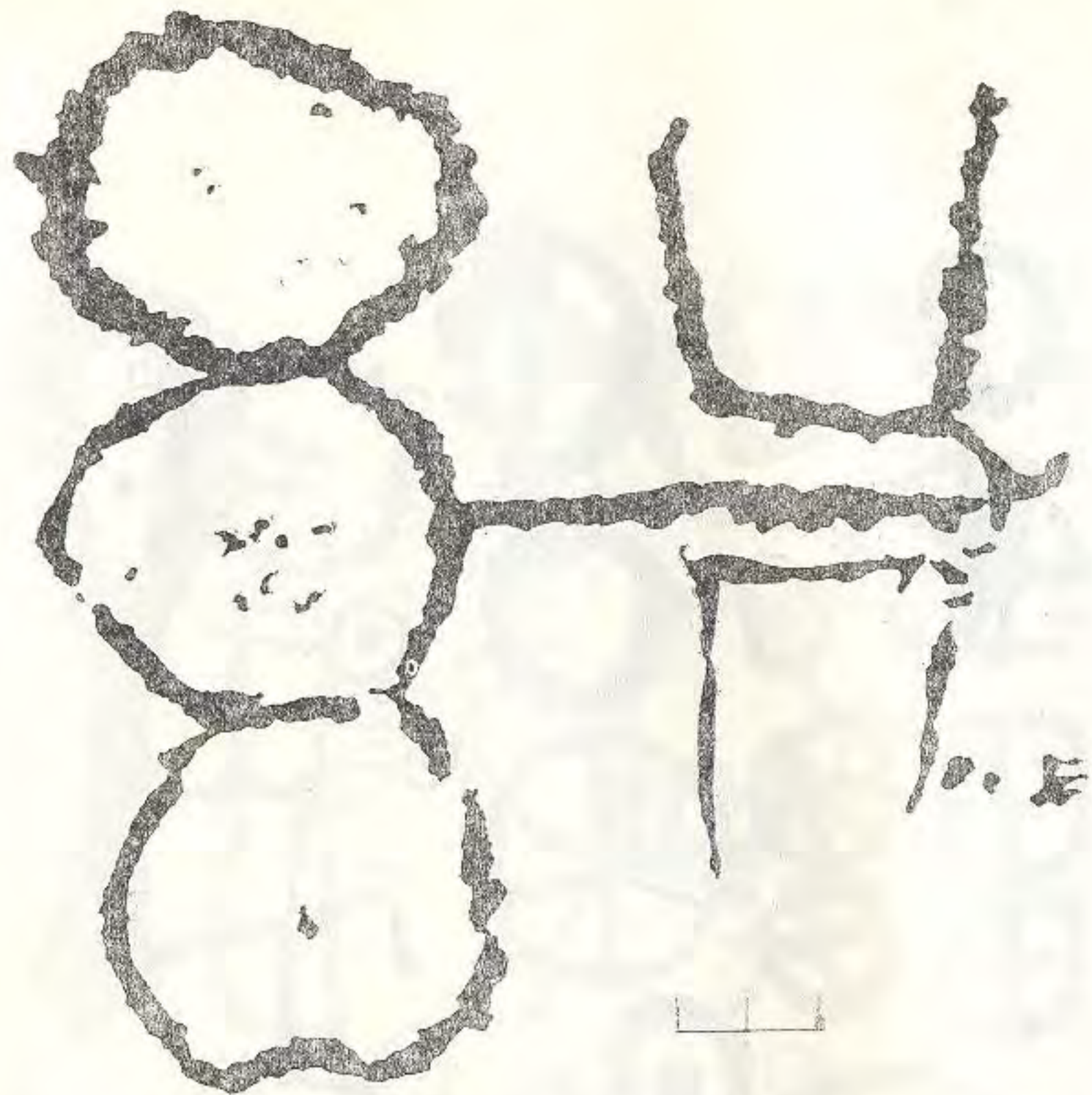

Рис. 90. Петроглифы урочища Мойнак

иных головных уборах или масках, найденные на камнях 244, 270 и др. (см. рис. 78).

Оригинальное изображение человека зафиксировано на камне 70 (рис. 88, 4). Он запечатлен во весь рост внутри концентрических кругов. Руки его распростерты и касаются внутреннего круга. Голова не соприкасается с кругом, изображена несколько расплывчато, шея очень длинная. Внешнее кольцо разомкнуто в нижней части.

Солярные символы (рис. 88, 89) встречаются нечасто, в сочетании с зооантропоморфными изображениями и поодиночке. В основном они представлены простыми или концентрическими кругами, иногда — в виде колес со спицами. Количество спиц четыре и более. Вполне возможно, что в ряде случаев основным семантическим элементом являются не круги, а вписанные в них кресты.

Среди различных знаков отметим редко встречающееся в петроглифах Казахстана изображение конского копыта на камне 314, трактованное в виде окружности, нижняя часть которой направлена внутрь под острым углом. Изображения конских копыт широко известны в Монголии (Окладников, Цэвандорж, Конопацкий, Гричан, 1978, с. 197—198; Окладников, 1981, с. 108, рис. 3; с. 192; Окладников, 1983, с. 311—328,

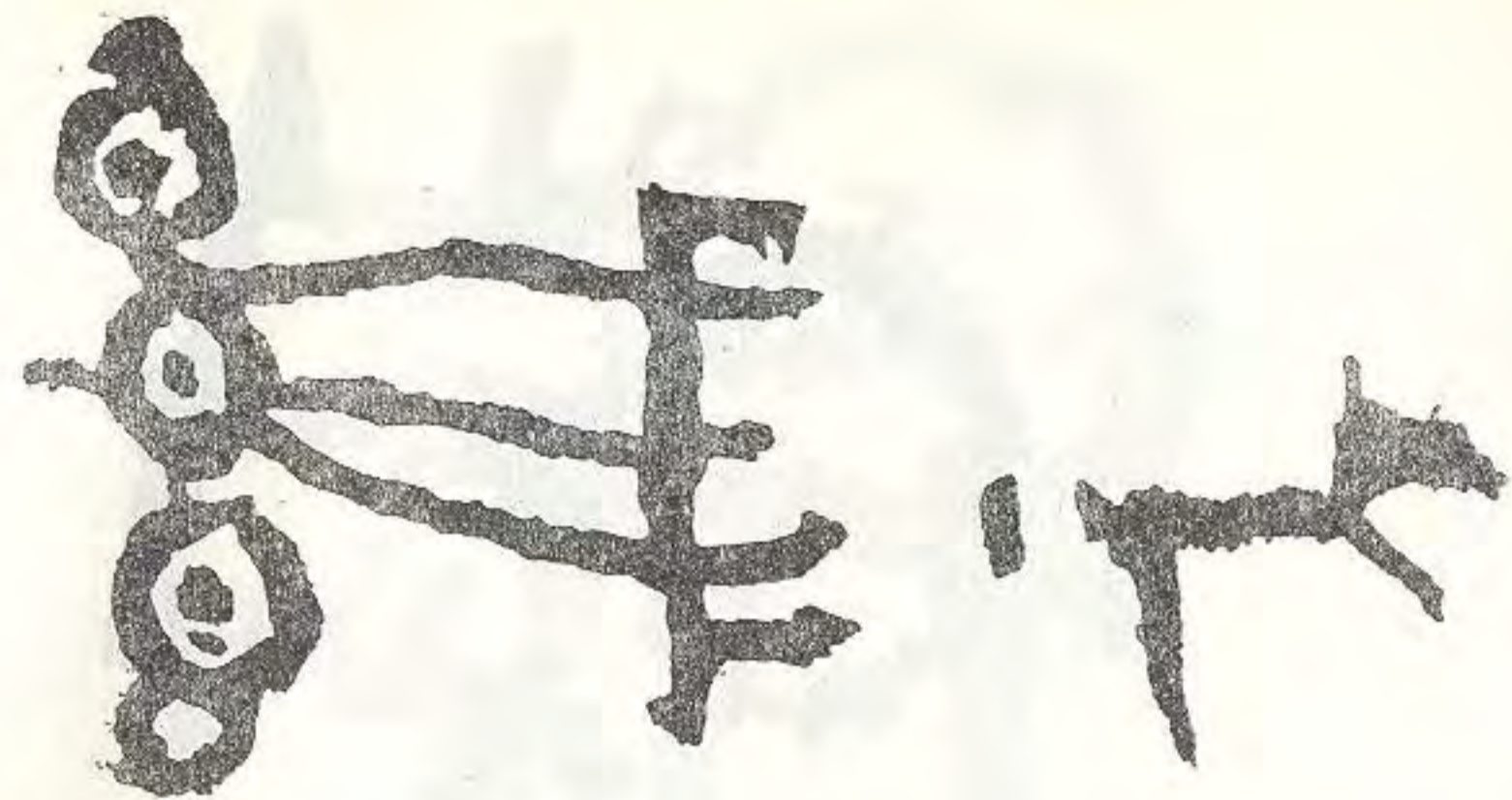

Рис. 91. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 92. Петроглифы урочища Мойнак

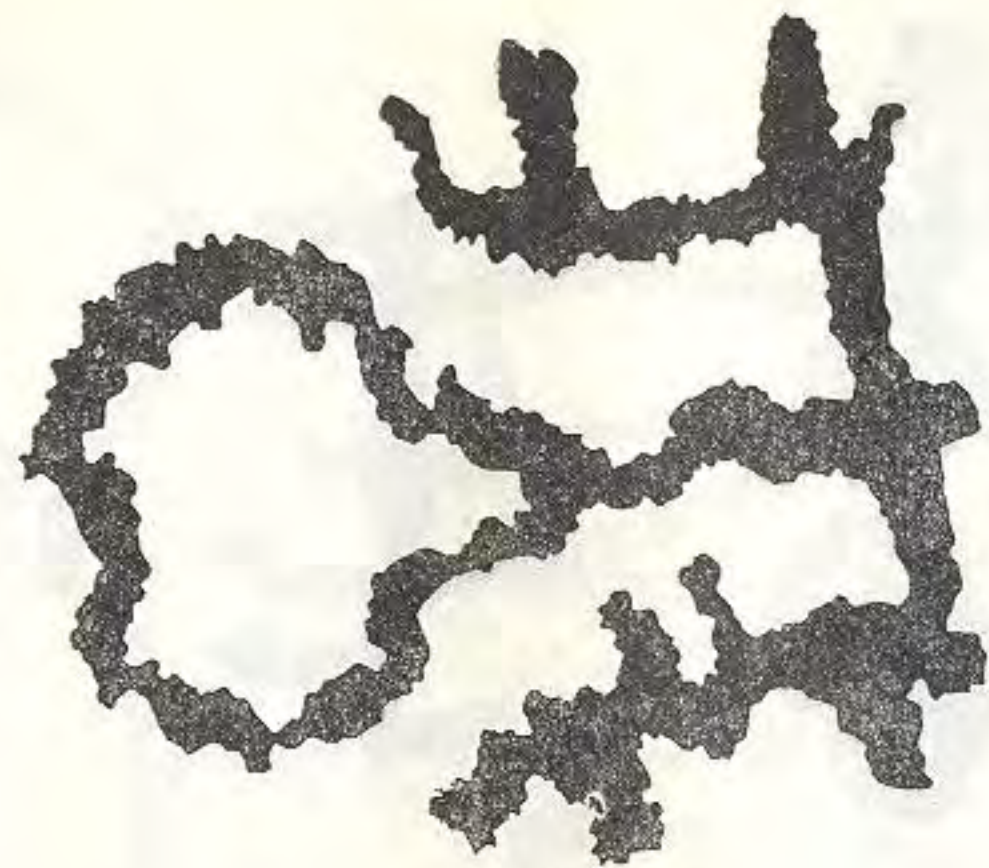

Рис. 93. Петроглифы сопки Тулькуне

362, рис. 40; Новгородова, 1983, с. 306—310, 388) и в памятниках других регионов раннего железа (Черников, 1947, с. 258, рис. 5, 3; Кадырбаев, 1966, с. 230, рис. 24, 2, 1984, с. 92, рис. 5, 2; Вишневская, 1973, с. 137, табл. 5, 11; с. 146, табл. XIV, 7; Пшеничнюк, 1983, с. 166, табл. XXXIII, 18; Завитухина, 1983, рис. 30, 31, 41, 71; Баркова, 1983, с. 25; Сорокин, 1978, с. 186, рис. 7).

Помимо отмеченных выше здесь найдены еще три рисунка колесниц (камни 29, 151, 176). Все пять изображений трактованы по-разному (рис. 46, 54, 90—92). Колесницы со сплошными колесами могут быть определены как повозки. У трех из них на концах дышел отчетливо видны ярма. Колеса со спицами и без них.

ТУЛЬКУНЕ (рис. 93—100). Петроглифы этого памятника достаточно подробно описаны С. С. Черниковым (1947, с. 253—258). Самое

Рис. 94. Петроглифы сопки Тулькуне

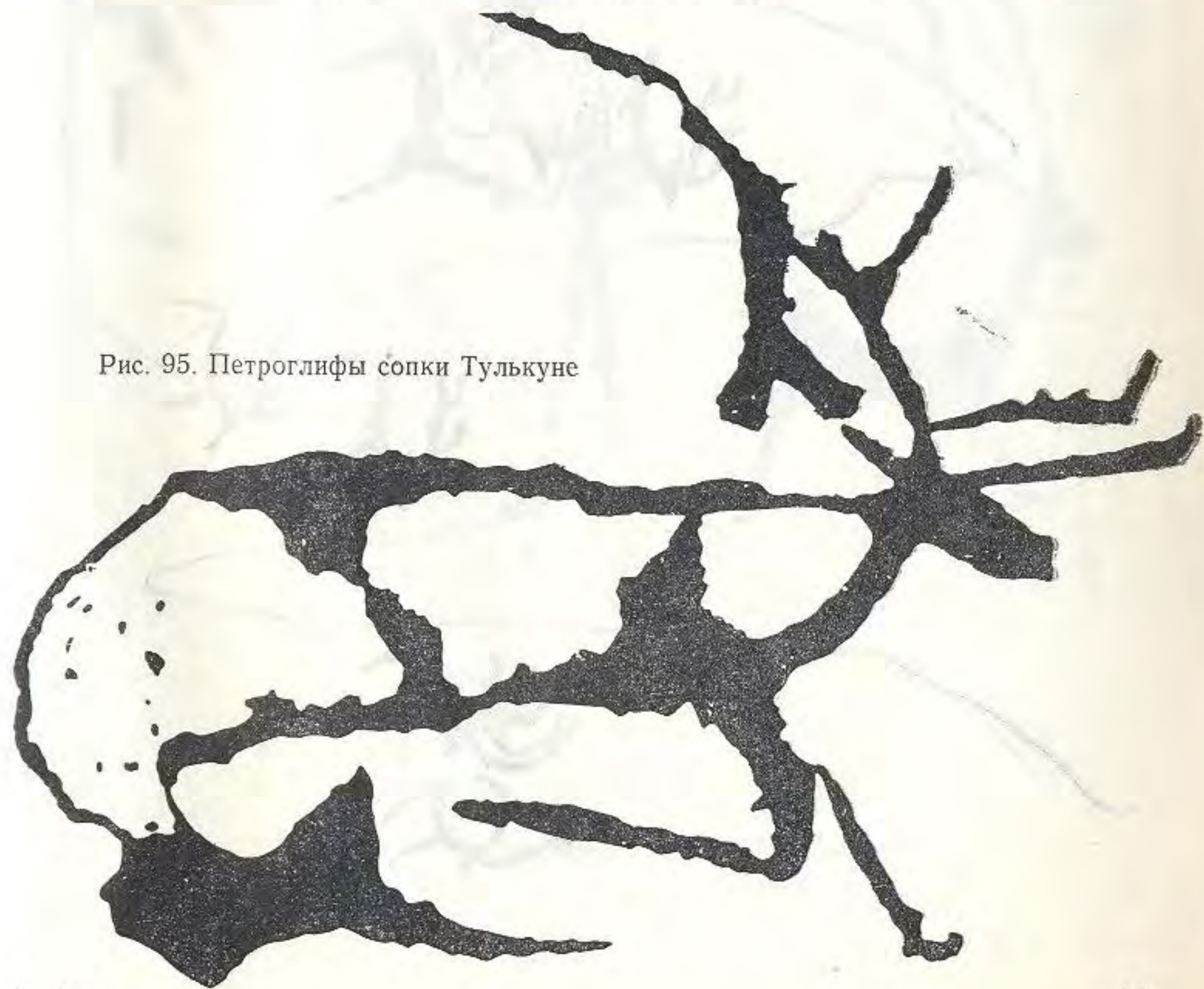

Рис. 95. Петроглифы сопки Тулькуне

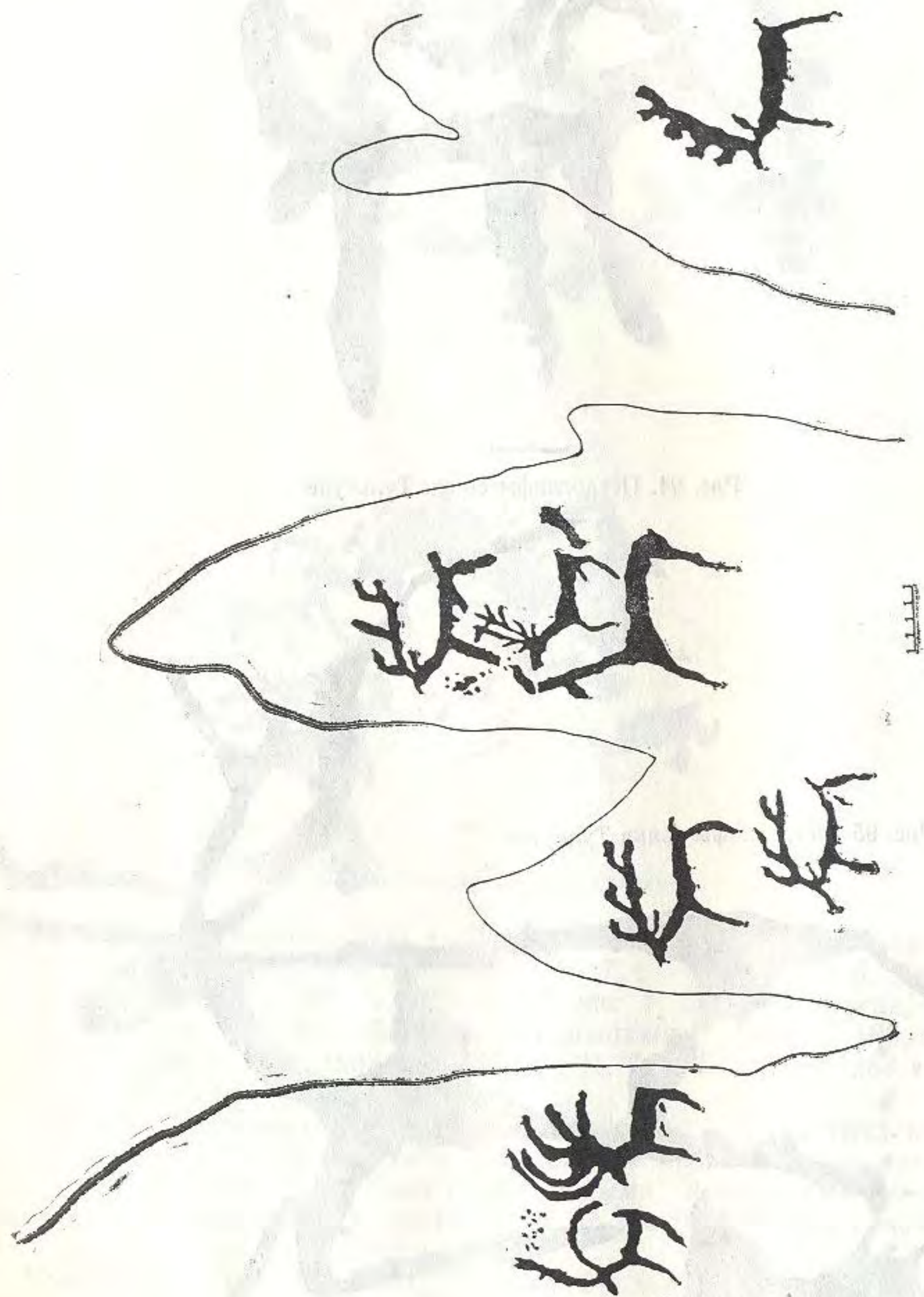

Рис. 96. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 97. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 98. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 99. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 100. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 101. Эротические сцены: 1 — Тулькуне; 2—4, 6 — Мойнак; 5 — Окей; 7 — Зевакино

ближайшее к местонахождению с. Пятилетка находится в 300 м к З. Рисунки разбросаны на площади радиусом 1,5—2 км. Петроглифы высечены в основном на горизонтальных и в редких случаях на вертикальных обнажениях сланцевых пород. Помимо опубликованных С. С. Черниковым на скале найдено большое количество новых изображений, однако полная фиксация их пока не закончена.

Тематически и хронологически петроглифы Тулькуне очень близки наскальным изображениям ур. Мойнак. Большую часть рисунков сопки составляют охотничьи сюжеты.

На одной плоскости найдено изображение оленя с поджатыми ногами. Туловище его выполнено контурной техникой и в двух местах пересечено вертикальными полосками (см. рис. 95). «Ажурные» изображения оленей известны в пределах казахстанского Алтая (Сорокин, 1967, с. 53—55) и в соседних регионах.

Среди петроглифов Тулькуне имеются несколько сцен, связанных с культом плодородия (рис. 16, 6; 101, 1). Зафиксированы два изображения колесниц (см. рис. 93, 100).

КУРЧУМ (рис. 160—168). Это название дано местонахождению по ближайшему поселку, расположенному в 21 км к ЮВ. В 1935—1937 гг. местность была осмотрена С. С. Черниковым, а материалы исследования выборочно опубликованы, в том числе рисунок наклонно расположенного на плоскости человека с поднятыми вверх двух-трех-

Рис. 102. Петроглифы Курчума

Рис. 103. Петроглифы Курчума

Рис. 104. Петроглифы Курчума

Рис. 105. Петроглифы Курчума

Рис. 106. Петроглифы Курчума

Рис. 107. Петроглифы Курчума

Рис. 108. Петроглифы Курчума

налыми руками, перекрывающего переднюю часть фигуры горного козла (Черников, 1947, с. 271, рис. 17, 3). Рога последнего намечены отдельными точками и при беглом осмотре не улавливаются. По этой причине С. С. Черников усмотрел в нем фигуру фантастического существа кентавра — получеловека-полузверя. При благоприятном освещении фигура человека резко выделяется более плотным загаром, кроме того, контур козла в нескольких местах подновлен.

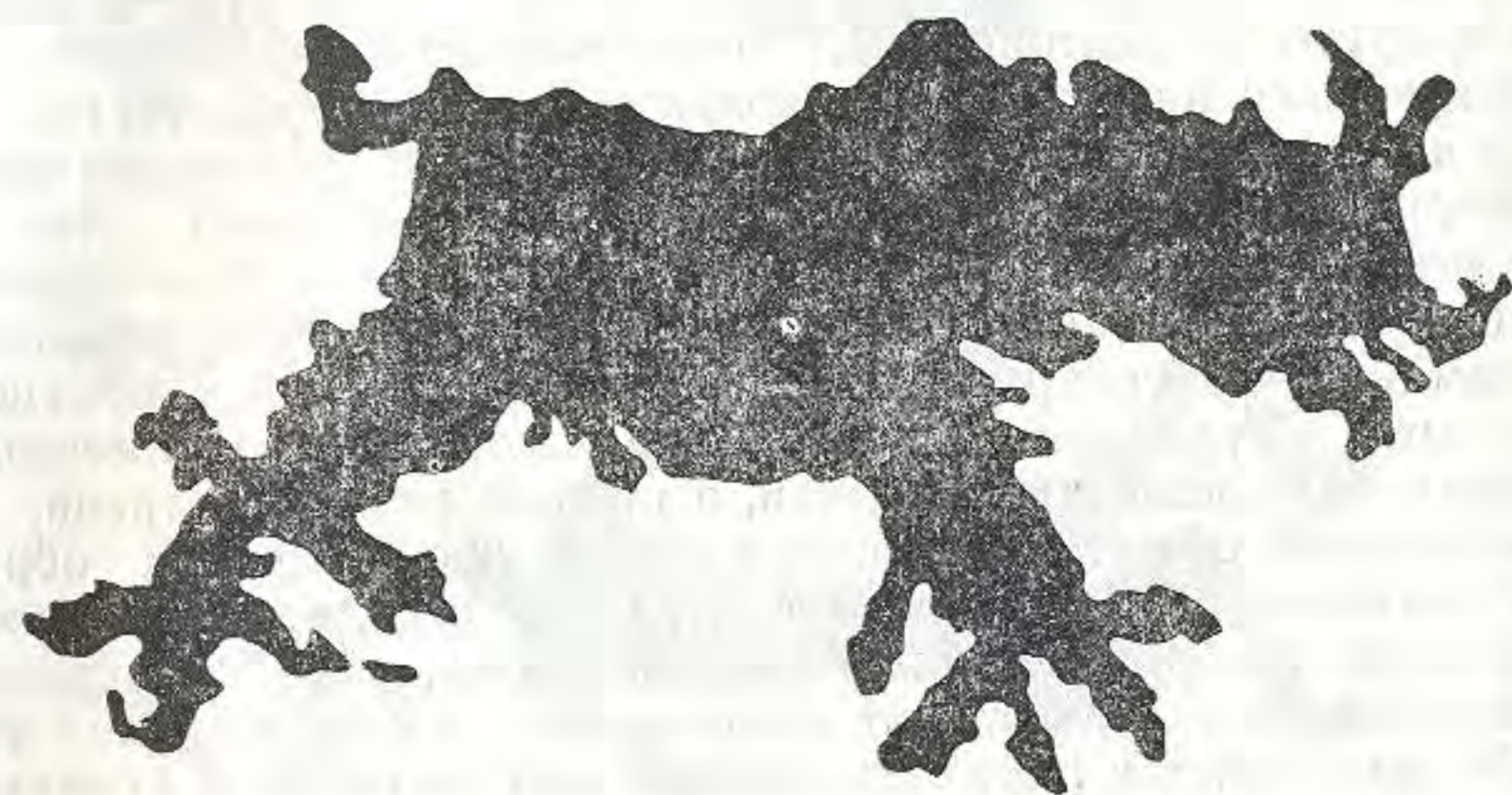

Рис. 109. Петроглифы Курчума

Одна из замечательных многофигурных композиций Верхнего Прииртышья запечатлена на вертикальном камне, плоскость которого обращена на ЮВ. Композиция имеет четко выраженную вертикальную структуру (см. рис. 107). В самом верху друг над другом расположены две незаконченные фигуры коней головами вправо; отчетливо сохранились намеченные резьбой ноги, туловище и шея. Справа, в верхнем углу — неясная фигура какого-то животного головой вверх, очевидно, появившаяся после создания всей композиции. Ниже лошади точечной техникой изображены два горных козла, скорее всего также втиснутые в свободное пространство позже.

Своеобразно трактованы фигуры двух людей, помещенные еще ниже. Они показаны в грибовидных головных уборах, со свисающими концами, причем один конец, сильно загнутый, больше напоминает клюв хищной птицы. Вполне возможно, что это птичьи маски. Туловища людей чрезмерно короткие, ноги, напротив, непропорционально длинные. Одна рука у каждого опущена вниз, другие соединены и образуют одну горизонтальную линию. Ступни ног направлены друг к другу. К ногам примыкают короткие горизонтальные полоски, возможно, означающие фаллос, но непонятно, почему они изображены почти на уровне колен и с внешних сторон ног. Одна из фигур показана несколько наклонно,

с заметным изгибом ног в коленях, словно в движении (танцует?). Левее этой пары расположена миниатюрная фигура коня, а рядом, несколько выше — неясное зооморфное изображение, очевидно, составляющее с ним композиционную и семантическую пару.

Следующую пару составляют неясное зооморфное изображение (передняя часть фигуры испорчена поздней выбивкой) и человек в птичьей маске; одна его рука вытянута прямо вперед, другая — согнута в локте и покоится на поясе. Подчеркнуты фаллос и направленные влево стопы ног. Далее изображены противостоящие фигуры хищника(?) и оленя с круто поднятой шеей, вертикально посаженными рогами. У животного ноги направлены несколько вперед, подчеркнуты хвост, глаз, ухо и короткий передний отросток рога. Ниже запечатлен верблюд с непропорционально длинными ногами (ноги спутаны?). Эта самая крупная в композиции фигура выполнена в единой манере с отмеченными выше изображениями людей в грибовидных головных уборах. Над верблюдом высечен солярный диск со спицами, справа — обращенные мордами друг к другу кони, привязанные к коновязи. Примечательно, что верхняя часть коновязи широкая, а нижняя резко заострена.

Аналогичный сюжет запечатлен внизу. В обоих случаях обращает на себя внимание особое изящество, тонкость исполнения конских фигур. Еще ниже изображен верблюд, а напротив, с правой стороны — конь головой вверх. Завершают композицию противостоящие фигуры собак. Из двух пластов рисунков, выделяемых по стилю и технике исполнения, более поздним является тот, где запечатлены кони и собаки.

В петроглифах Курчума найдено пока единственное в регионе изображение повозки с четырьмя дисковидными колесами без спиц. Повозка показана в плане, имеет двухстержневое дышло, заканчивающееся поперечным брусом — ярмом с занозами (см. рис. 102).

На разных участках местонахождения зафиксированы фигуры быков-туров, с характерными направленными вперед рогами. Чаще всего они одиночные, дважды встречаются в составе многофигурных композиций (см. рис. 103, 106).

Изображений хищников в Курчуме немного. На одном камне (см. рис. 109) изображен в профиль какой-то фантастический хищник с когтистыми лапами, коротким хвостом, массивной шеей, вогнутой, с острым горбом спиной. На голове торчат уши, пасть широко раскрыта, язык высунут.

Здесь же обнаружены две эротические сцены. Одна из женщин изображена в грибовидном головном уборе со свисающими концами (рис. 104, 110, 111).

Изображения предметов вооружения немногочисленны. На одном камне высечена фигура хвостатого воина в грибовидном головном уборе, в руках он держит копье с четко выделенным наконечником (см. рис. 105). Предметы вооружения в основном представлены луками.

НАРБОТА (рис. 112—115) расположена в 10 км к СЗ от с. Черняевка Маркакольского района, Камни с рисунками расположены на обоих склонах глубокого ущелья. Группа изображений зафиксирована на жиле, проходящей по восточному склону сопки. Среди них преобла-

Рис. 110. Эротические сцены: 1 — Курчум; 2, 3 — Женешке (Резниченко, 1928); 4, 6 — Саймалы-Таш (по Я. А. Шеру). Арпаузен III (Кадырбаев, Марьяшев, 1977); 5 — Монголия (Окладников, 1980); 7 — Монголия (Новгородова, 1981)

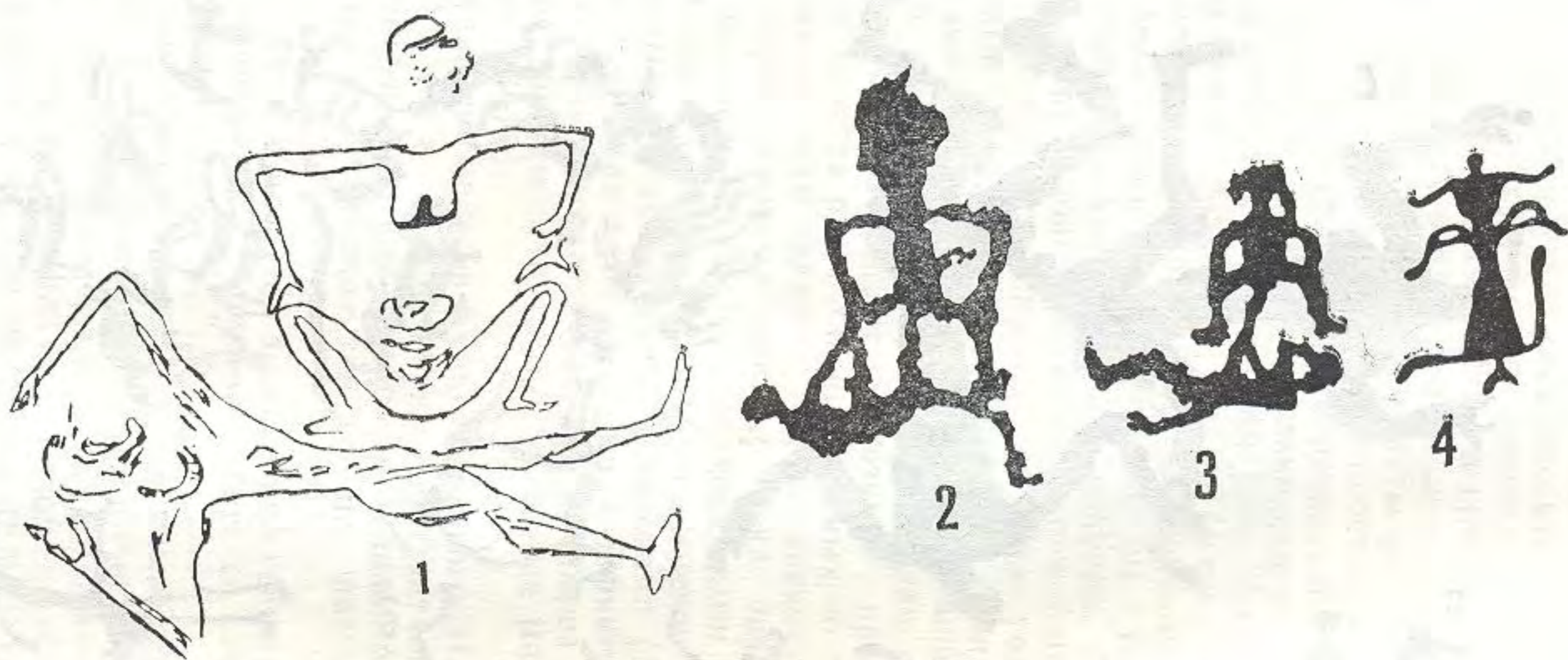

Рис. 111. Эротические сцены: 1 — Двуречье (Дьяконов, 1983); 2 — Мойнак; 3 — Курчум; 4 — Саган-Заба (Окладников, 1974)

Рис. 112. Петроглифы ущелья Нарбота

Рис. 113. Петроглифы ущелья Нарбота

дают в основном схематично выполненные горные козлы. Единичные экземпляры исполнены в сакском стиле. Отмечены несколько фигур хищников и антропоморфные изображения.

Более разнообразна группа изображений, зафиксированная на противоположном, северном, склоне ущелья. Из четырех имеющихся здесь солярных знаков три — это круги с точками внутри, причем в двух случаях они располагаются на концах узкой полоски, четвертый — круг с шестью спицами внутри. Все знаки сопутствуют зоантропоморфным изображениям (см. рис. 112, 115).

Изображения горных козлов разнообразны в стилистическом и композиционном отношении. На одном камне фигуры горных козлов расположены столбиком. Обращает на себя внимание козел с подчеркнутыми годовыми кольцами на рогах. Тело его устремлено вперед, тонкие ноги широко расставлены и заканчиваются острыми копытами (см. рис. 114). Еще один козел трактован аналогично, за исключением рогов (они показаны без годовых колец и сильно изогнуты). Ноги тонкие, без копыт, но сильно заострены.

Особенно интересны четыре фигуры горных козлов на камне 20, исполненные чрезвычайно изящно: фигуры полны экспрессии, грациозны и показаны в момент прыжка (см. рис. 113). У одного из них грудь широкая, мощная, голова удлиненная с раздвоенной мордой, рога слабоизогнутые. Подчеркнуты уши и хвост. Ноги очень тонкие, что придает всему силуэту особую легкость. Шея животного изогнута, резко сужается к голове. Рядом с такими исполненными высокого мастерства изображениями находятся крайне схематичные рисунки, судя по плотности загара и композиционному решению, одновременные с ними.

Фигура горного козла на одном камне интересна тем, что она показана в момент завершения прыжка (см. рис. 115), когда животное приземляется на передние ноги, а задние подобраны (Ермолова, 1980, с. 359, 362, рис. 4, 13—15).

Зафиксированы изображения восьми волков. Контурная линия выдержана по ширине. К ушам одного волка пририсованы козлиные рога. Семь из восьми волков запечатлены бегущими двумя рядами в левую сторону, один — в противоположную за безрогим козлом (или косулей).

Рис. 114. Петроглифы ущелья Нарбота

Рис. 115. Петроглифы ущелья Нарбота

ЧЕРНЯЕВКА. В 3 км к СЗ от одноименного села, на правом берегу р. Кальджир, возле каменно-земляного кургана сакского времени, на небольшом валуне высечены пять изображений: четыре козла и человек (рис. 116). Три козла показаны идущими друг за другом в правую сторону. Они выполнены в скифо-сибирском зверином стиле и находят широкие аналогии в предметах прикладного назначения. В совершенно ином стиле, крайне схематично, выполнена фигура четвертого козла, помещенная на плоскости в перевернутом положении. Фигура человека также трактована схематично, но с акцентированными пальцами рук.

ДОЛАНАЛЫ (рис. 117—132) находится в ущелье с таким же названием, расположенном перпендикулярно ущелью Нарбота, за перевалом. Камни с рисунками разбросаны по всему ущелью на протяжении

Рис. 116. Рисунки на валуне возле сакского кургана в окрестностях с. Черняевка

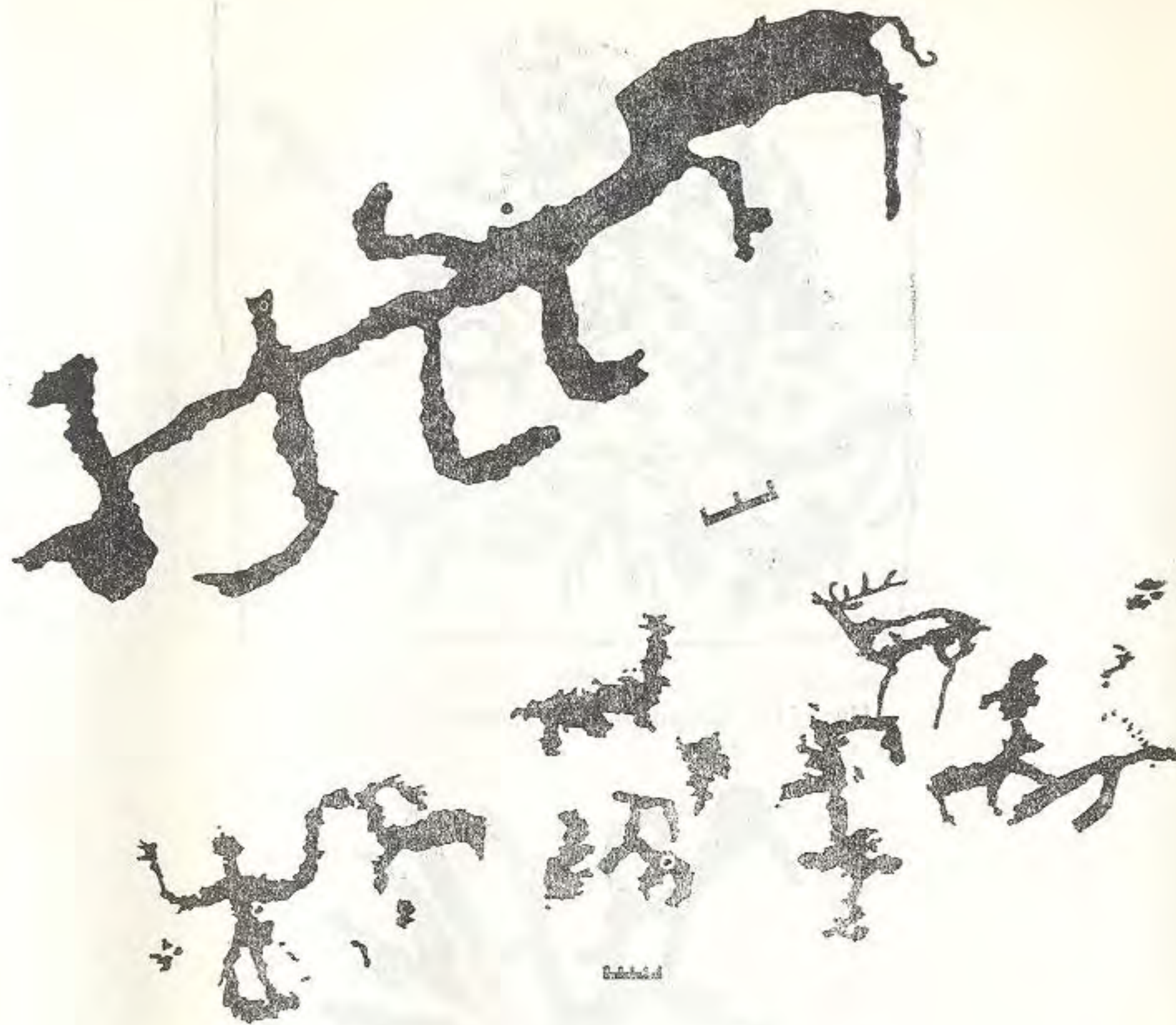

Рис. 117. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 118. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 119. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 120. Петроглифы урочища Доланалы

Рис. 121. Петроглифы ущелья Доланалы

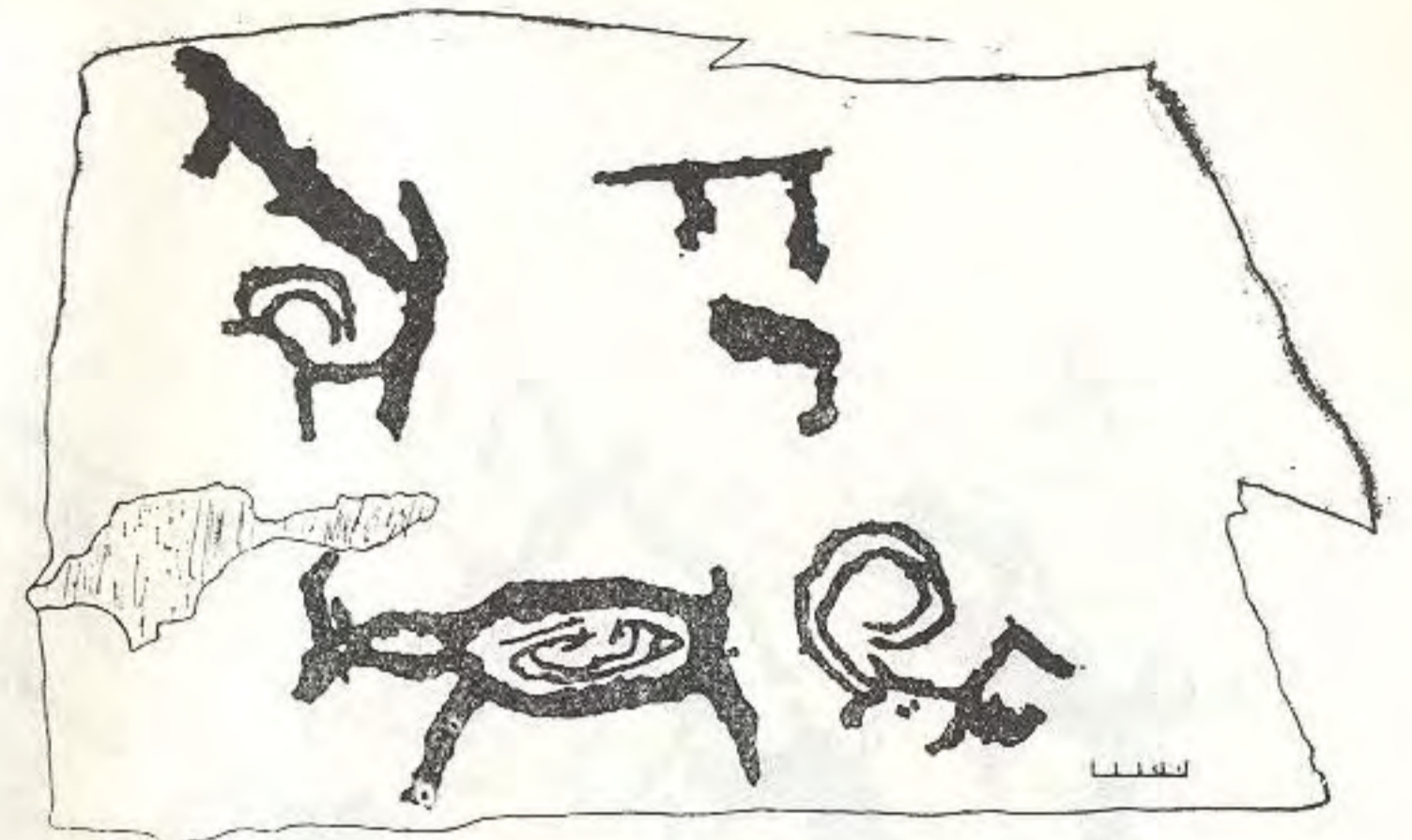

Рис. 122. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 123. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 124. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 125. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 126. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 127. Петроглифы ущелья Доланалы

1,5 км. Здесь больше рисунков, и они разнообразнее по видовому составу и тематике сюжетов, чем в ущелье Нарбота. «Лицо» данного местонахождения определяется тремя многофигурными композициями. Одна из них зафиксирована на камне 44 (см. рис. 129, 130). До нанесения рисунков горизонтальная плоскость камня имела широкую продольную трещину, безусловно повлиявшую на композицию.

Семантическим центром композиции является огромный солярный диск с десятью спицами (после выбивки внешнего круга внутреннее пространство полностью заполнено мелкими точками, затем поверх точек нанесены линии-спицы), слева к нему примыкают три маленьких сплошных пятна в виде дисков (два из них соединены черточкой) и квадратная фигура, справа — круг с вписанной извилистой линией. Выше диска выбито семь точек, которые в комплексе напоминают созвездие Большой Медведицы. В правом верхнем углу камня на фоне вытянутого прямоугольника изображен человек; в средней части композиции — два хвостатых лучника с наклонно показанными туловищами и с согнутыми в коленях ногами.

Во втором нижнем блоке, в самом его центре, изображен круг, внутри которого находится какая-то фигура, напоминающая антропоморфную (см. рис. 130). По сторонам круга запечатлены лошади, козлы, верблюды, люди, в том числе фигура хвостатого лучника, аналогичная описанной выше. На разных участках камня высечены лунки. Обилие лунок, высеченных отдельными группами или в составе многофигурных композиций, является одной из отличительных особенностей петроглифов Доланалы. Количество их варьирует от 2—3 до нескольких десятков.

Смысл и назначение лунок не вполне ясны; в ряде случаев можно уловить их композиционную связь с другими солярными символами. Очень часто они выбиты поверх изображений животных и людей (см. рис. 121, 127, 130).

Здесь же, в центре композиции, изображены два состыкованных круга с отходящими в стороны 12 лучами (см. рис. 127). Вокруг этого символа расположены лунки, фигуры животных, круг и сцена сражения двух людей: один из них, вооруженный луком, стреляет в мужчину,

Рис. 128. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 129. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 130. Петроглифы ущелья Доланалы

находящегося в горизонтальном положении. В руках последнего какой-то длинный предмет, а на голове остроконечный убор (?).

Третья многофигурная композиция запечатлена на вертикальной плоскости, испещренной продольными и поперечными трещинами (см. рис. 125, 126). Ближе к левому верхнему углу высечено изображение, напоминающее юрту с дымоходом. Справа от «жилища» снизу и сверху отдельными группами расположены фигуры животных: козлов, оленей, коскуль (или оленух), верблюдов и хищников. Один из козлов имеет лировидные рога.

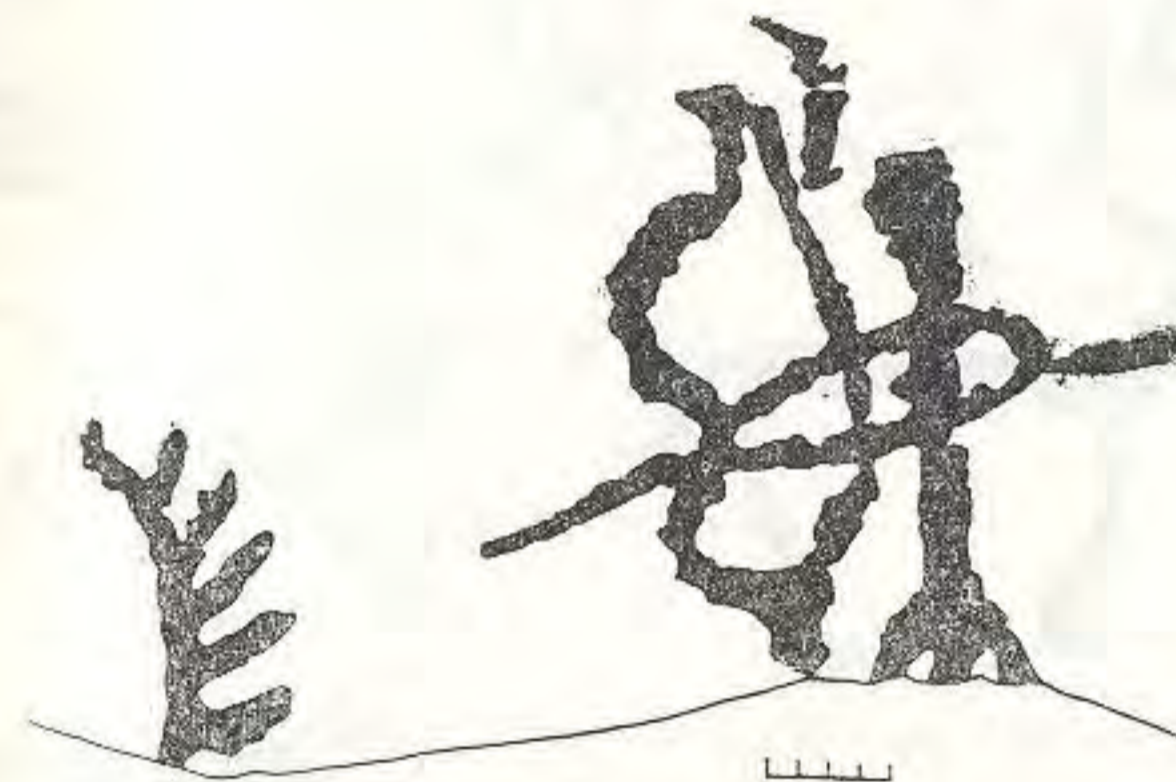

Рис. 131. Петроглифы ущелья Доланалы

Поблизости, на других камнях зафиксированы еще три подобных рисунка (см. рис. 123, 132). Их отличает лаконичность оформления тела, изящность, достигнутая благодаря необычной трактовке рогов. Особого внимания заслуживает фигура оленя с клювовидной мордой, раздвоенной на конце. На голове животного показаны два рога: один вертикальный и высокий с двусторонними отростками, другой направлен от затылка назад, тоже с отростками, но короткий (см. рис. 128).

В сходной манере выполнена другая фигура оленя с длинной клювовидной мордой, выступом на холке. Она зафиксирована в сцене нападения двух собак на травоядных (см. рис. 121). В петроглифах редко встречаются изображения оленей с направленными прямо вперед рогами, в позе защиты или бодания (см. рис. 117). Отмечена одна фигура оленя в раннесакском стиле: корпус выполнен контурной техникой, ноги тонкие. Животное стоит на кончиках копыт (копыта не выделены, но по характерному сужению линии ног их можно предположить), голова высоко поднята, пасть раскрыта, животное как будто трубит. Рога откинута назад, подчеркнут передний короткий отросток (см. рис. 117).

ТАКЫР — местонахождение, зафиксированное в ущелье, параллельном Нарботы, к В от с. Такыр. В 2 км от входа в ущелье, на речной террасе найдено 16 камней с рисунками. Рисунков здесь немного, в основном это горные козлы. Редко встречаются фигуры людей и оленей. Один олень изображен в статичной позе, в геометрическом стиле: ноги

прямые, почти перпендикулярные корпусу, переданному узкой горизонтальной полосой. Ствол рога вертикальный, отходит от массивной головы вверх непосредственно в месте стыка корпуса и передней ноги; отростки рога направлены вверх дугой. Шея не выделена, хвост подчеркнут. За исключением головы, все части тела выполнены линиями одинаковой ширины. Несмотря на схематичность и лаконичность исполнения, фигура животного достаточно выразительна (рис. 133).

Рис. 132. Петроглифы ущелья Доланалы

Рис. 133. Петроглиф урочища Мойнак

БОЛГАР-ТАБАТЫ. Рисунки обнаружены в 2 км к СВ от одноименного села, на склонах глубокого ущелья. Петроглифы высечены на плоскостях гранитных выходов. Скопировано несколько сюжетов, рассказывающих о нападении волков на травоядных. Особый интерес представляет иконография волков. Большей частью они изображены с раскрытой зубастой пастью (рис. 134). Преобладают контурные изображения, но есть и силуэтные. Кроме волков на разных плоскостях найдены изображения мелких хищников, травоядных животных, различные знаки и др.

АЛЕКСЕЕВКА. Петроглифы зафиксированы на гранитной скале в 2 км к ССВ от с. Алексеевка. Среди рисунков, выполненных красной

охрой, имеются фигуры горных козлов, несколько антропоморфных фигур. На вертикальной плоскости множество точек, расположенных несколькими рядами. Зафиксировано также несколько вертикальных коротких полосок. Поверхность скалы ровная и гладкая, но открытая, поэтому значительная часть рисунков пострадала от действия атмосферных и антропогенных факторов.

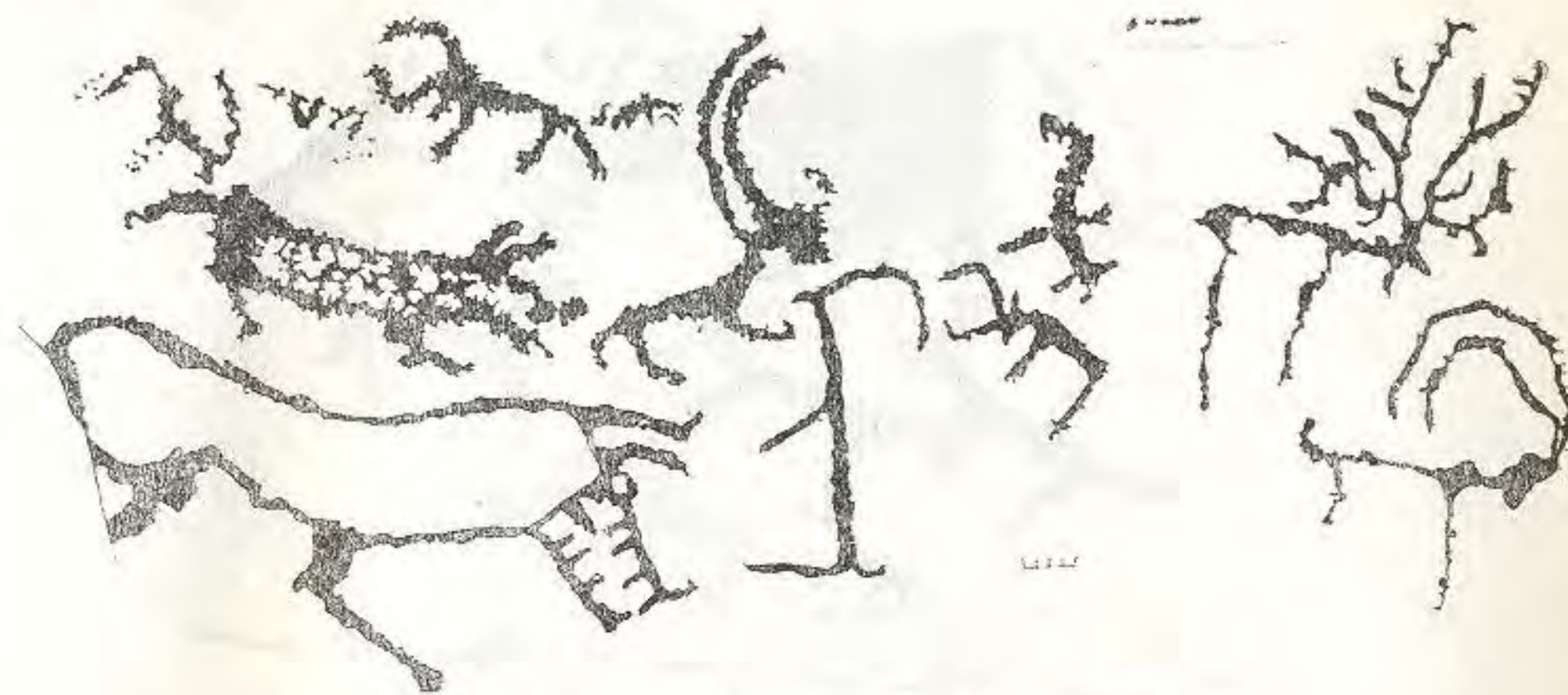

Рис. 134. Петроглифы урочища Болгар-Табаты

ОКЕЙ. Местонахождение обнаружено в отрогах хребта Манрак, в 35 км южнее г. Зайсан, в 3 км к СЗ от с. Талды (Самашев, Кулик, 1975, с. 493—494; Самашев, 1977, с. 520). Сопка с рисунками вытянута в широтном направлении и состоит из нескольких пологохолмистых участков (рис. 135). С западной и восточной сторон она ограничена глубокими ущельями, а с южной — неширокой межгорной впадиной.

Рисунки выполнены сплошной выбивкой, редко — техникой шлифовки. Плоскости с рисунками имеют в основном вертикальную и

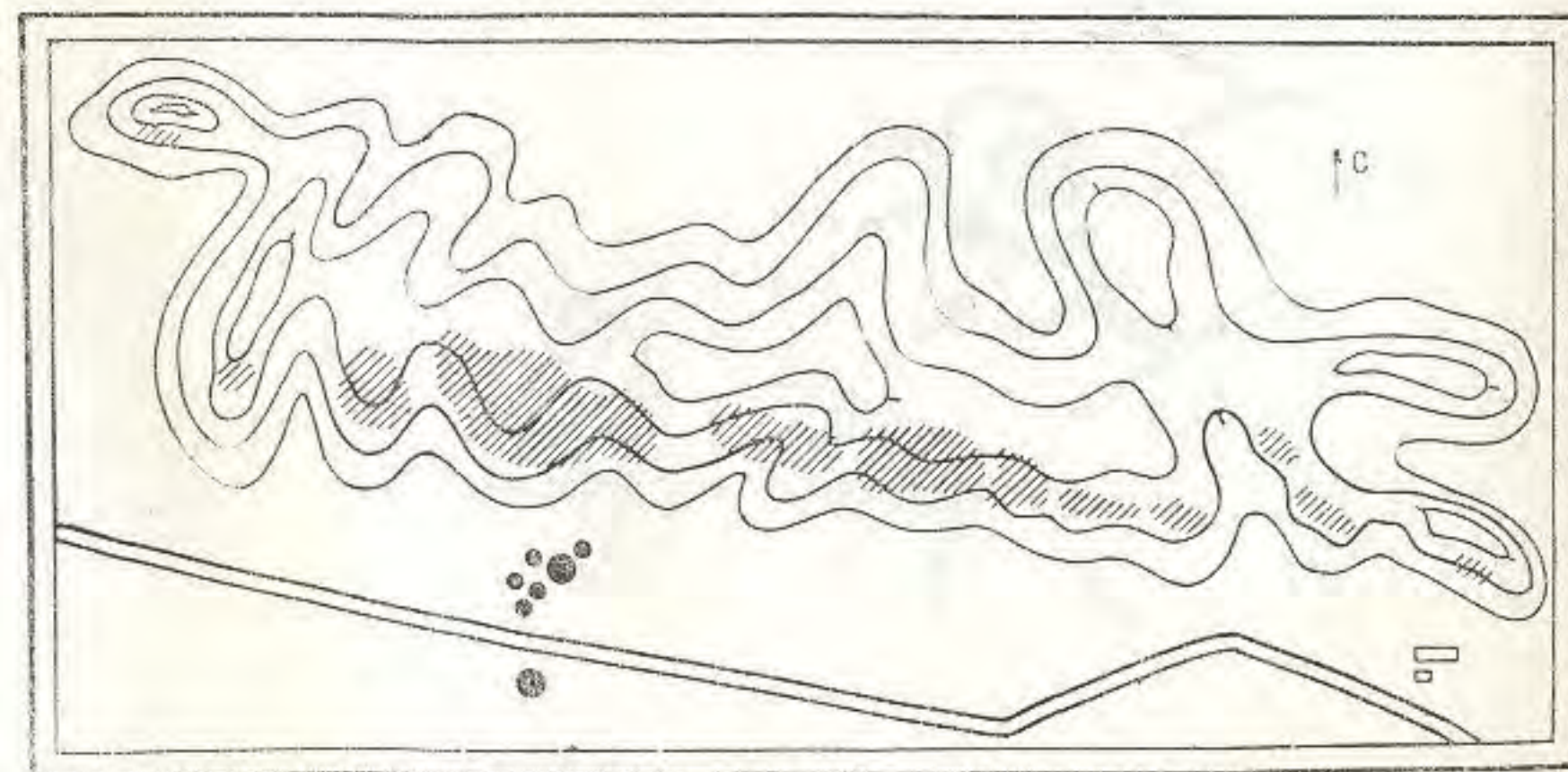

Рис. 135. Расположение камней с рисунками в урочище Окей

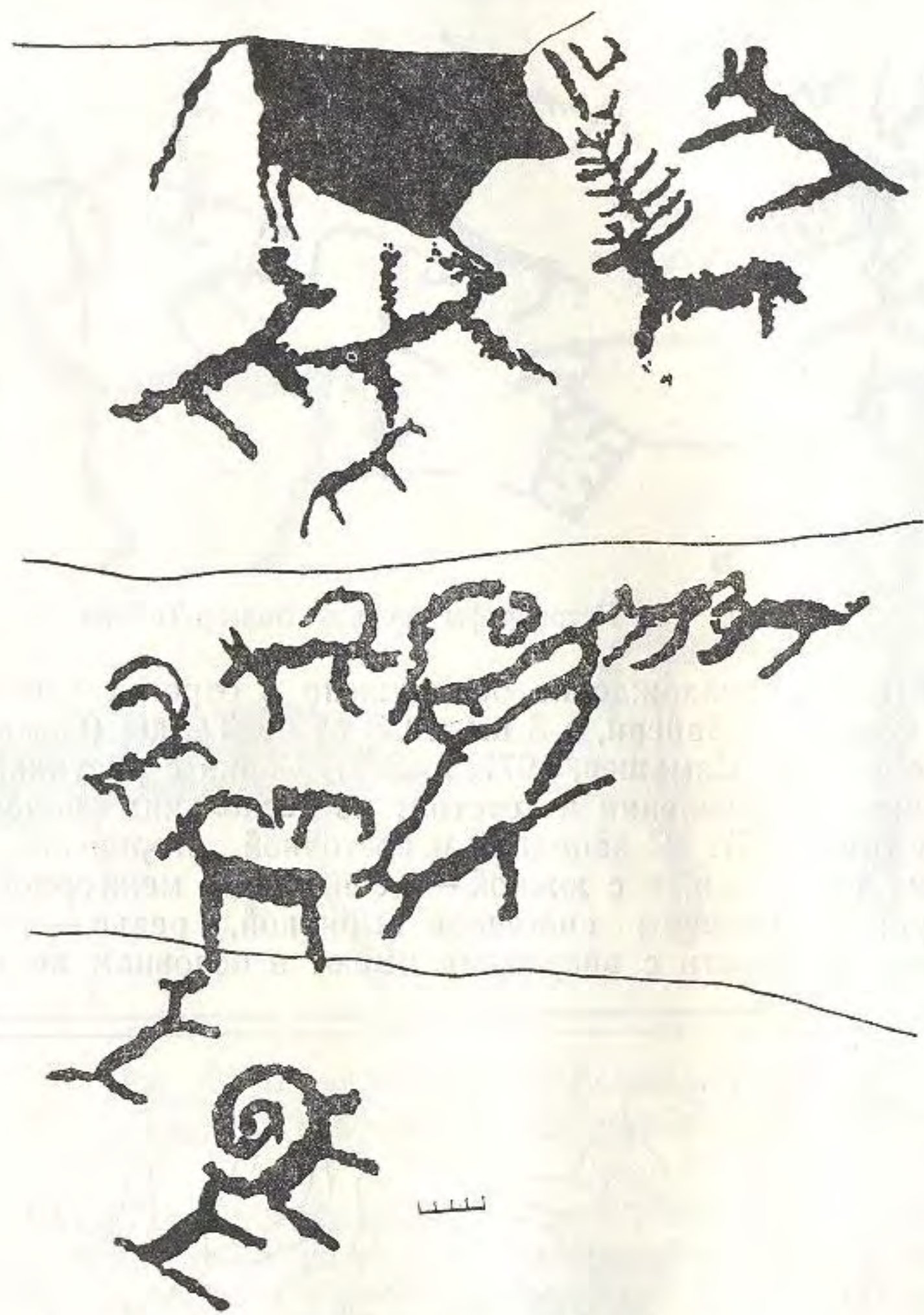

Рис. 136. Петроглифы урочища Окей

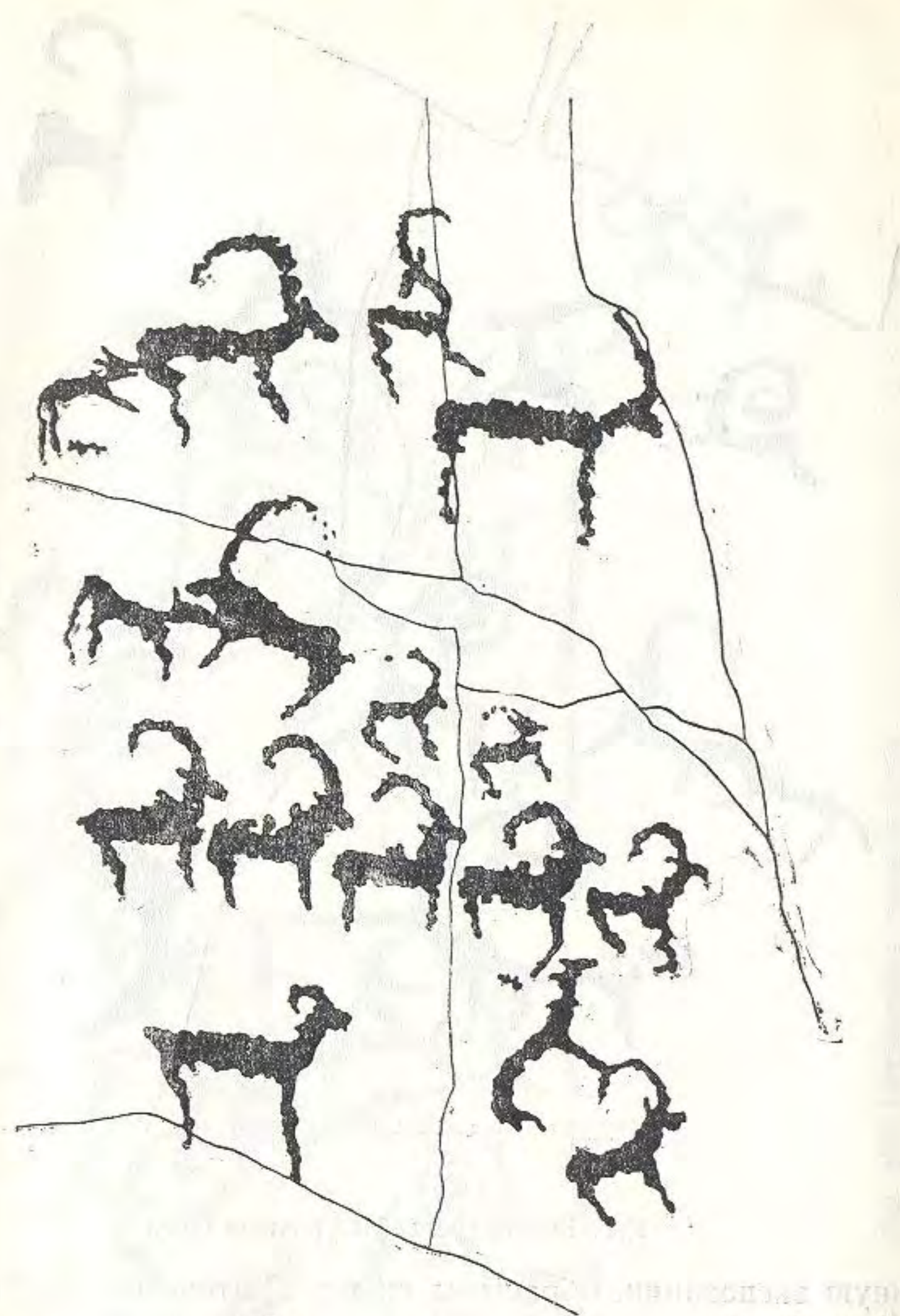

Рис. 137. Петроглифы урочища Окей

Рис. 138. Петроглифы урочища Окей

наклонную экспозиции, обращены на юг. Учтено более 350 камней с почти 2 тысячами петроглифов. По степени концентрации изображений Окей занимает в регионе второе место после Мойнака.

Камни с рисунками разделены на 13 условных групп, имеющих естественные границы в виде лощин.

По насыщенности камней с изображениями группы не равнозначны: самые малочисленные из них — I, II, XIII — насчитывают по четыре камня, самые крупные — VII и X — 54 и 99. На отдельных камнях высечено до ста изображений. Видовой состав петроглифов Окей типичен для подобных памятников Казахстана.

Своеобразие комплекса состоит в преобладании многофигурных композиций, запечатлевших сцены охоты и преследования собаками стада горных козлов (рис. 136—139). Сцены охоты с помощью собак

Рис. 139. Петроглифы урочища Окей

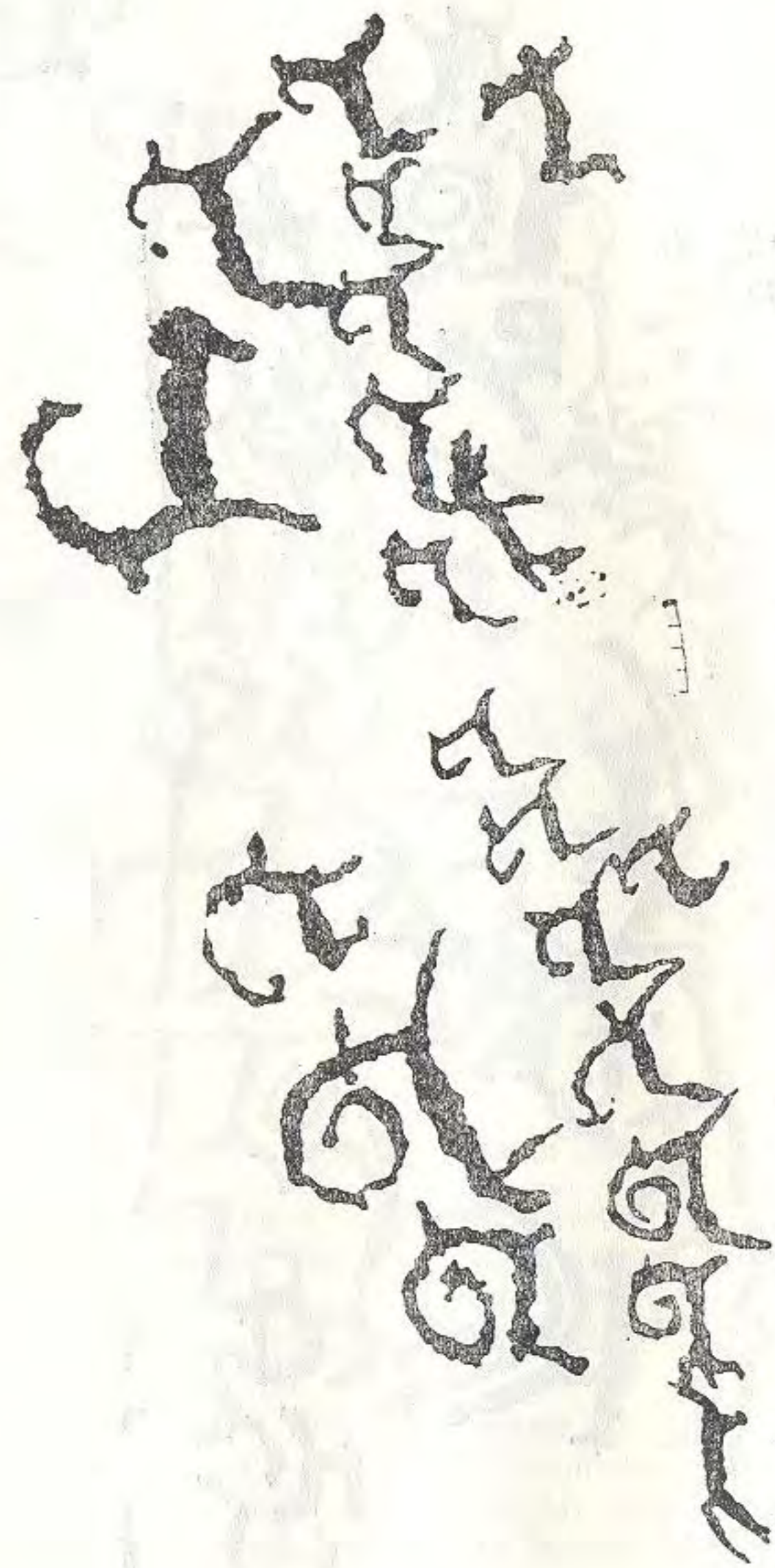

Рис. 140. Петроглифы урочища Окей

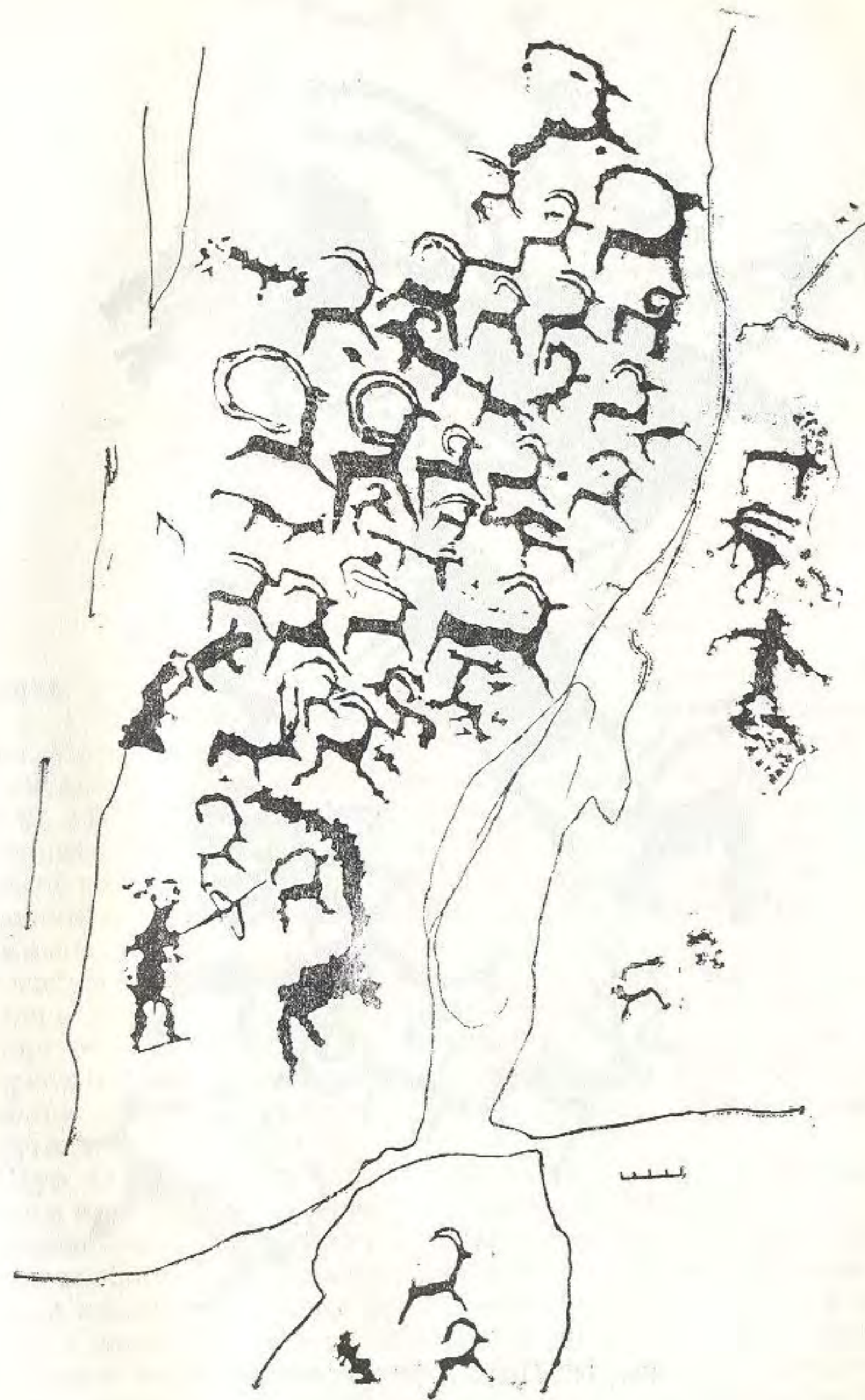

Рис. 141. Петроглифы урочища Окей

Рис. 142. Петроглифы урочища Окей

Рис. 143. Петроглифы урочища Окей

являются, как и для петроглифов Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 175), канонизированным сюжетом, повторяющимся неоднократно. Преследуемые горные козлы, как правило, показаны вереницами. Таковы, например, изображения на камнях 90, 123, 261 и др. (рис. 139, 140, 141). Характерно, что изображения козлов в большинстве многофигурных композиций выполнены в одинаковой манере: с высоко поднятой головой, короткой мордой и в стремительном беге. Несмотря на лаконичность передачи, фигуры животных очень выразительны и динамичны.

Особую стилистическую группу составляют изображения козлов, туловища которых трактованы в виде прямоугольных фигур. В основном они выполнены контурно, а внутриконтурное пространство заполнено редкими выбоинами или же шлифовано (рис. 142—148). К этой категории рисунков относится фигура пешего лучника, выполненная битреугольником.

В ур. Окей встречаются традиционные сцены, изображающие животных в момент коитуса (рис. 16, 2, 5, 9, 10; 149, 150).

Любопытная композиция имеется на камне 235 (рис. 151). Основным содержанием ее является какое-то ритуально-обрядовое действие двух пар людей. Одна пара людей показана с «хвостами» и в головных уборах; к поясу подвешены неопределенные предметы. Один человек изображен с поднятыми руками и растопыренными пальцами. Другая пара противостоящих «танцующих» мужчин иконографически и семантически напоминает некоторые южно-казахстанские и среднеазиатские сюжеты. В композицию входят крупная фигура жеребца и несколько

Рис. 144. Петроглифы урочища Окей

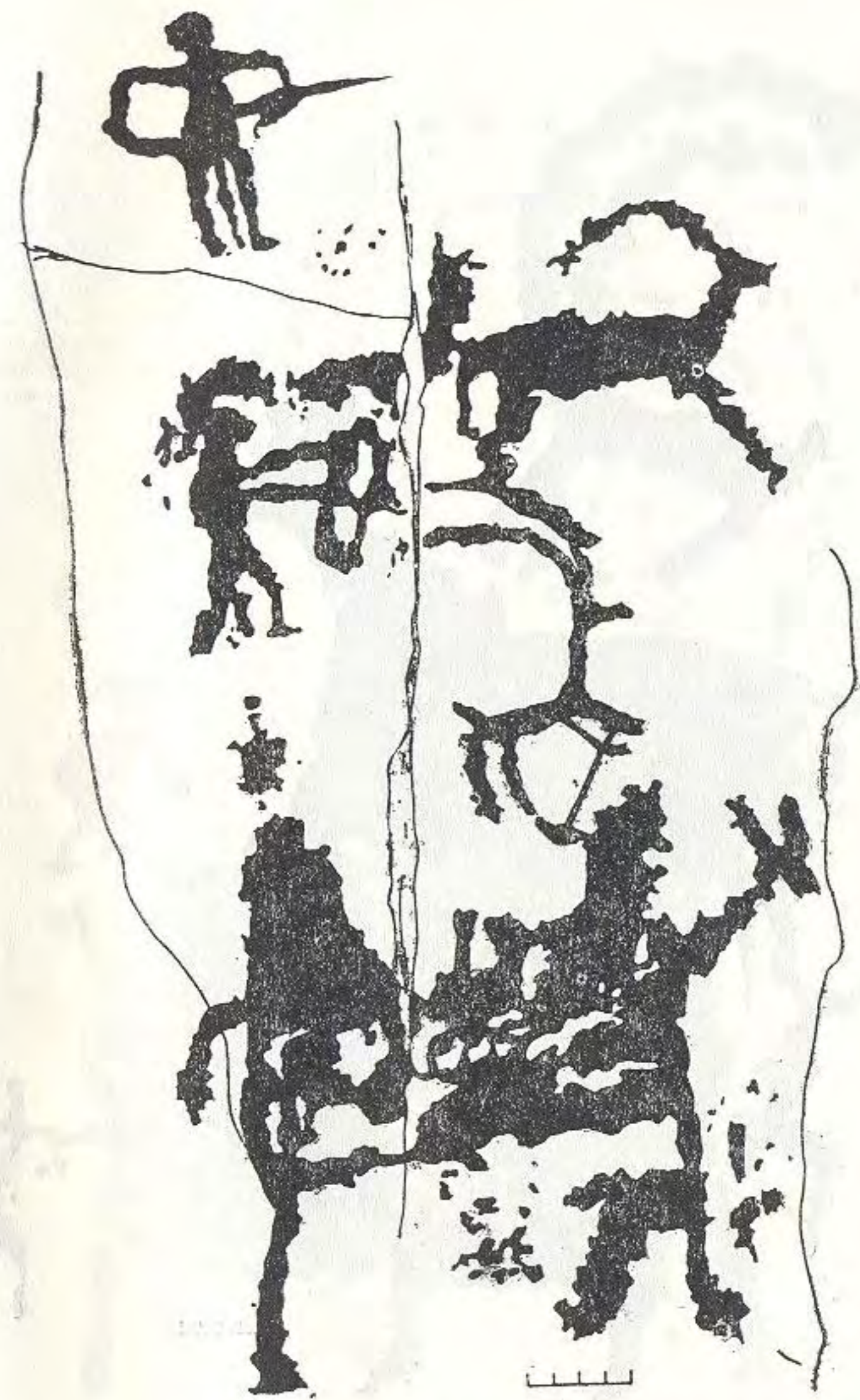

Рис. 145. Петроглифы урочища Окей

Рис. 146. Петроглифы урочища Окей

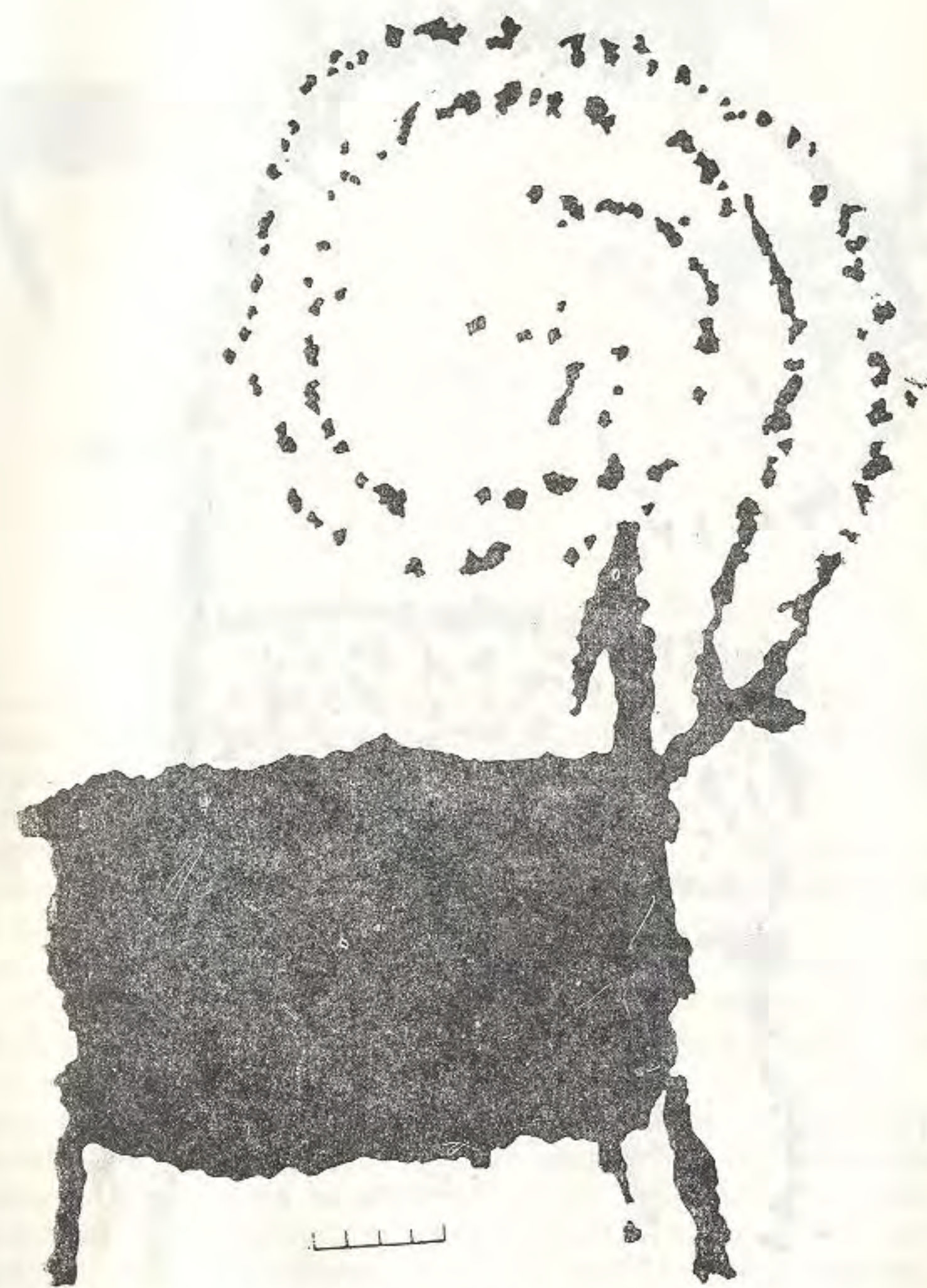

Рис. 147. Петроглифы урочища Окей

Рис. 148. Петроглифы урочища Окей

Рис. 149. Петроглифы урочища Окей

мелких изображений горных козлов. В нижней части камня, за трещиной помещены изображения лошади, козлов и неясная фигура.

Из предметов вооружения в петроглифах урочища Окей помимо традиционных луков имеются копье и палица.

Солярных знаков здесь мало: на камне 137 высечены рядом три концентрических круга (см. рис. 89, 13—15), а на соседнем камне 137А — круг с шестью спицами, исходящими из одной точки.

Среди наскальных изображений урочища обнаружена джунгарская надпись, передающая ламаистскую молитву «Ом мани пад ме хум».

ЗЕВАКИНО (рис. 152—164) зафиксировано на правом берегу Иртыша, в 3 км к З от с. Зевакино Шемонаихинского района. Камни с рисунками расположены на южном склоне сопки, на ЮЗ окраине Зевакинского могильника. Здесь изучено около 300 изображений, сделанных главным образом на наклонных (25), вертикальных (18), реже — на горизонтальных плоскостях, обращенных чаще всего на юг (23). Почти все рисунки выполнены техникой выбивки, единичные экземпляры — граффити. Явных следов шлифовки не обнаружено. Максимальная глубина выбоин 1 см, но значительная часть их выполнена неглубокой выбивкой, фиксирующейся иногда только при благоприятном боковом освещении утром или на закате солнца.

По видовому составу зевакинские петроглифы не отличаются от других местонахождений данного региона, но здесь преобладают антропоморфные фигуры. Их в комплексе 72, а с учетом изображений луч-

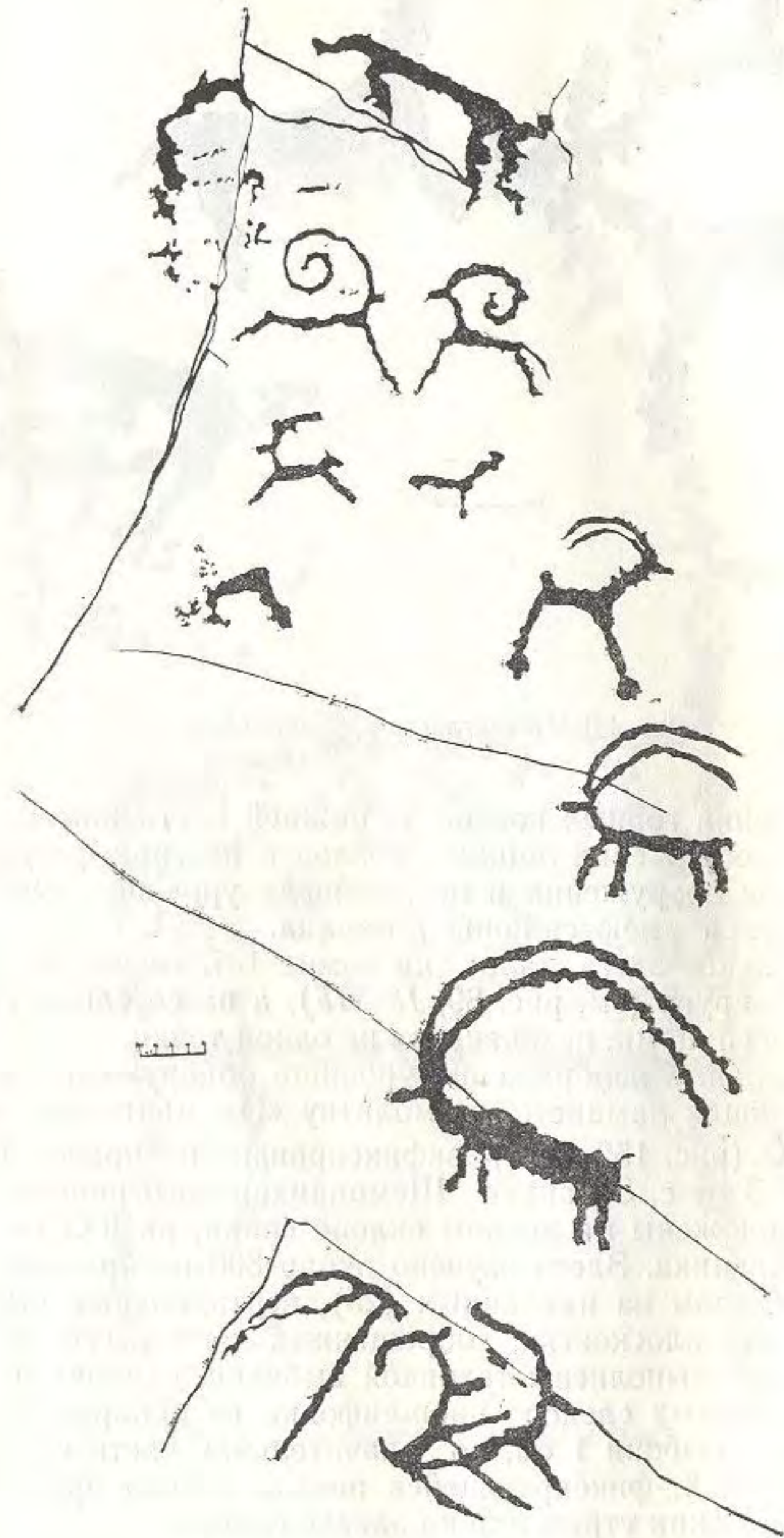

Рис. 150. Петроглифы урочища Окей

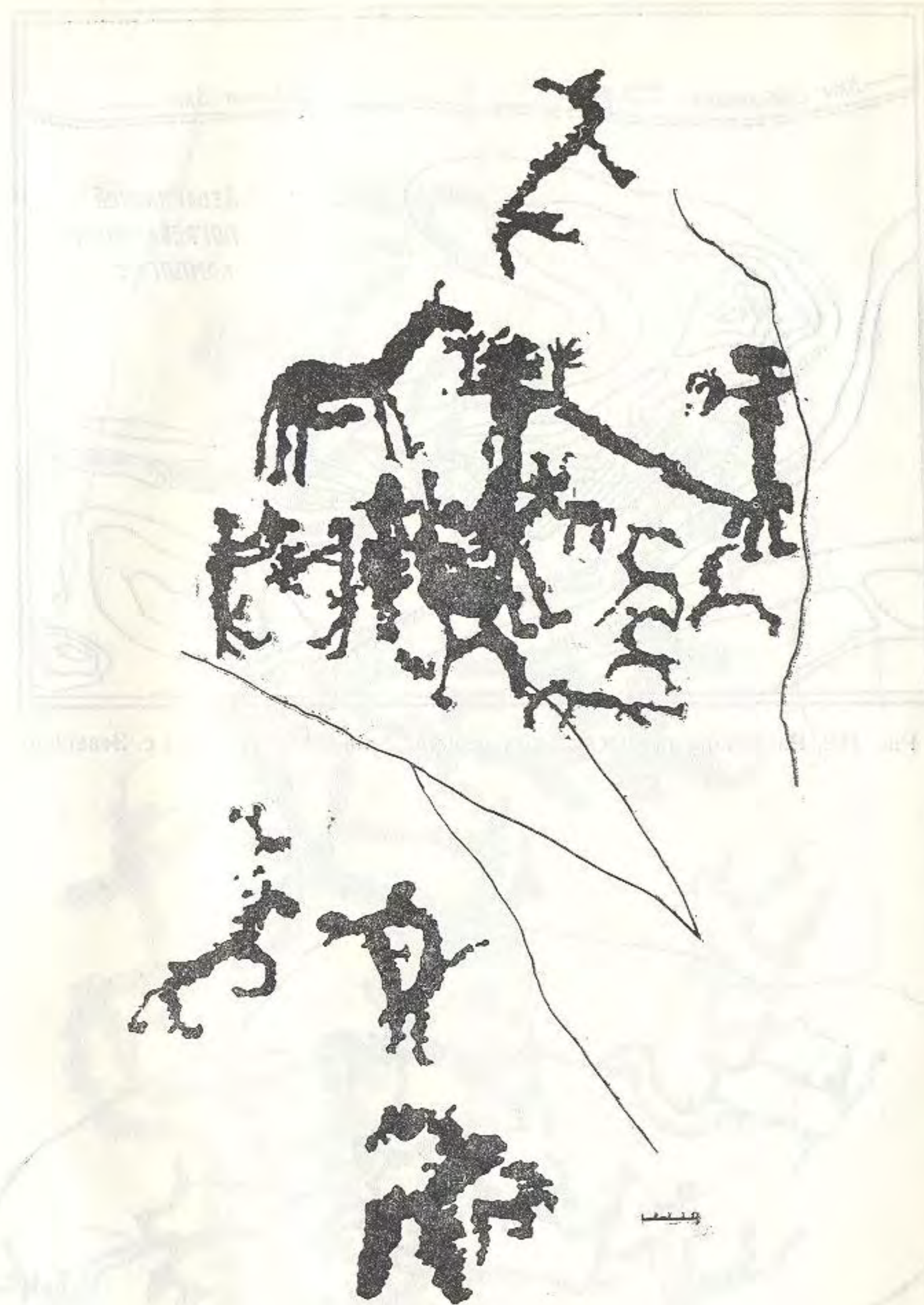

Рис. 151. Петроглифы урочища Окей

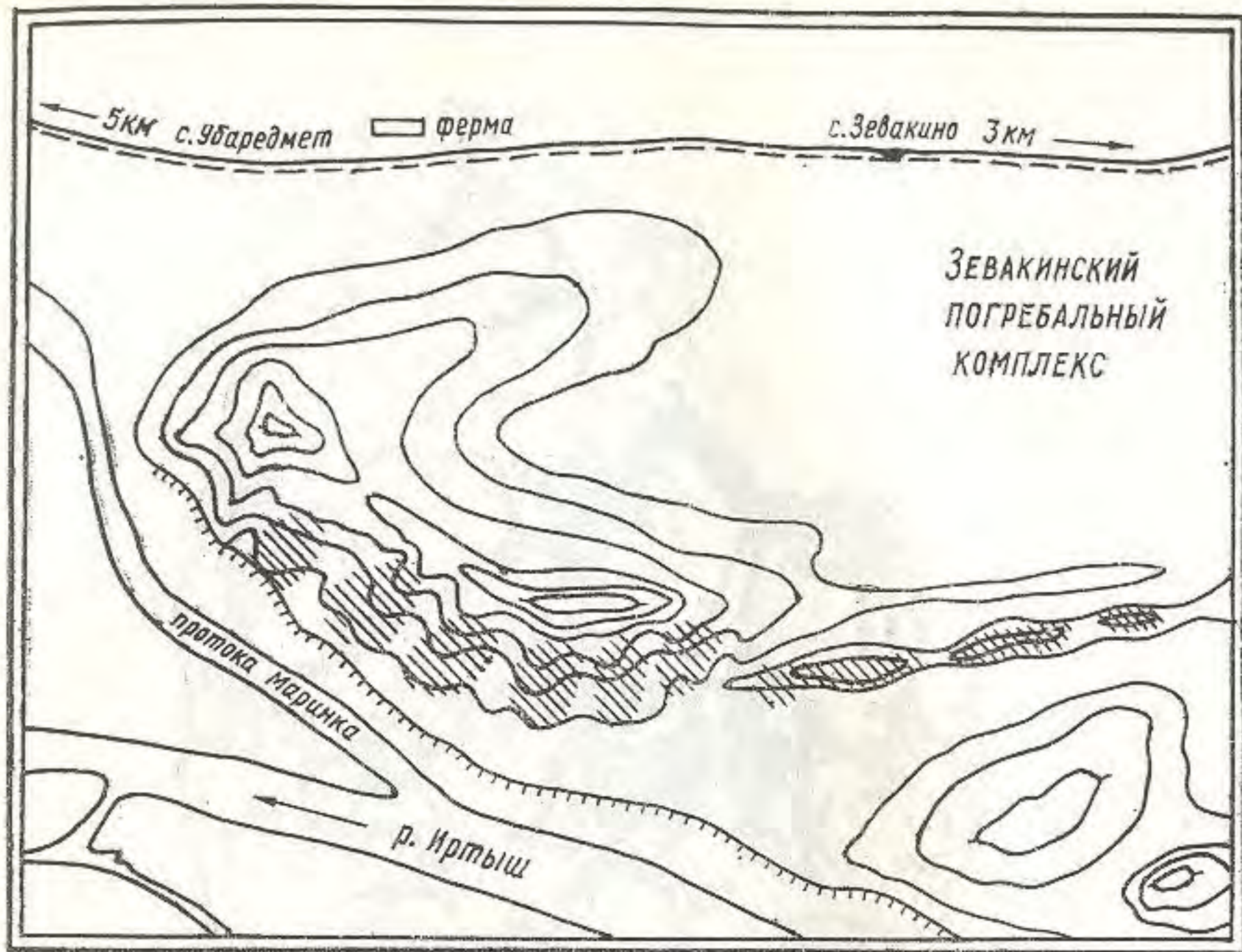

Рис. 152. Расположение наскальных изображений в окрестностях с. Зевакино

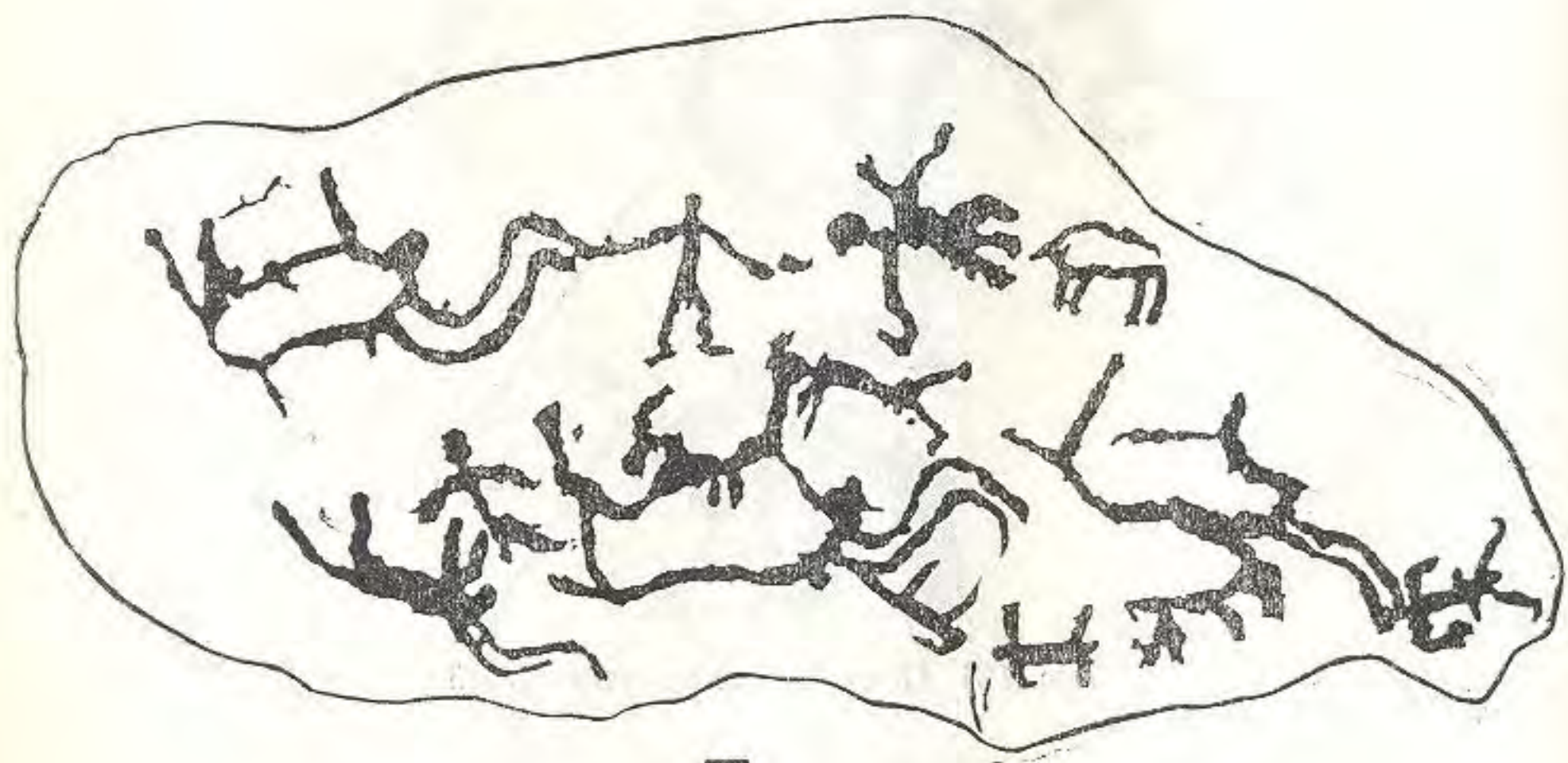

Рис. 153. Петроглифы Зевакино

Рис. 154. Петроглифы Зевакино

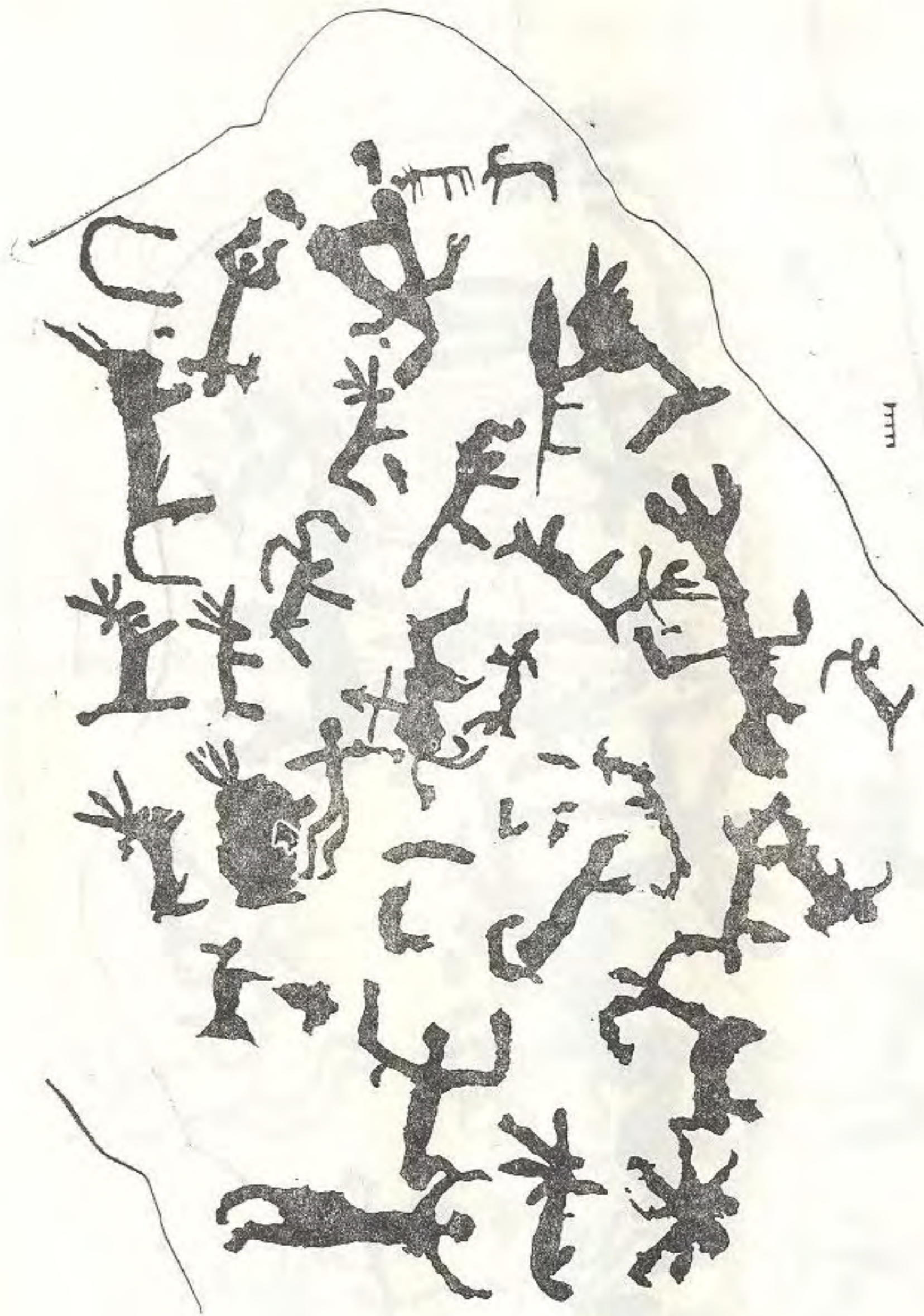

Рис. 155. Петроглифы Зевакино

Рис. 156. Петроглифы Зевакино

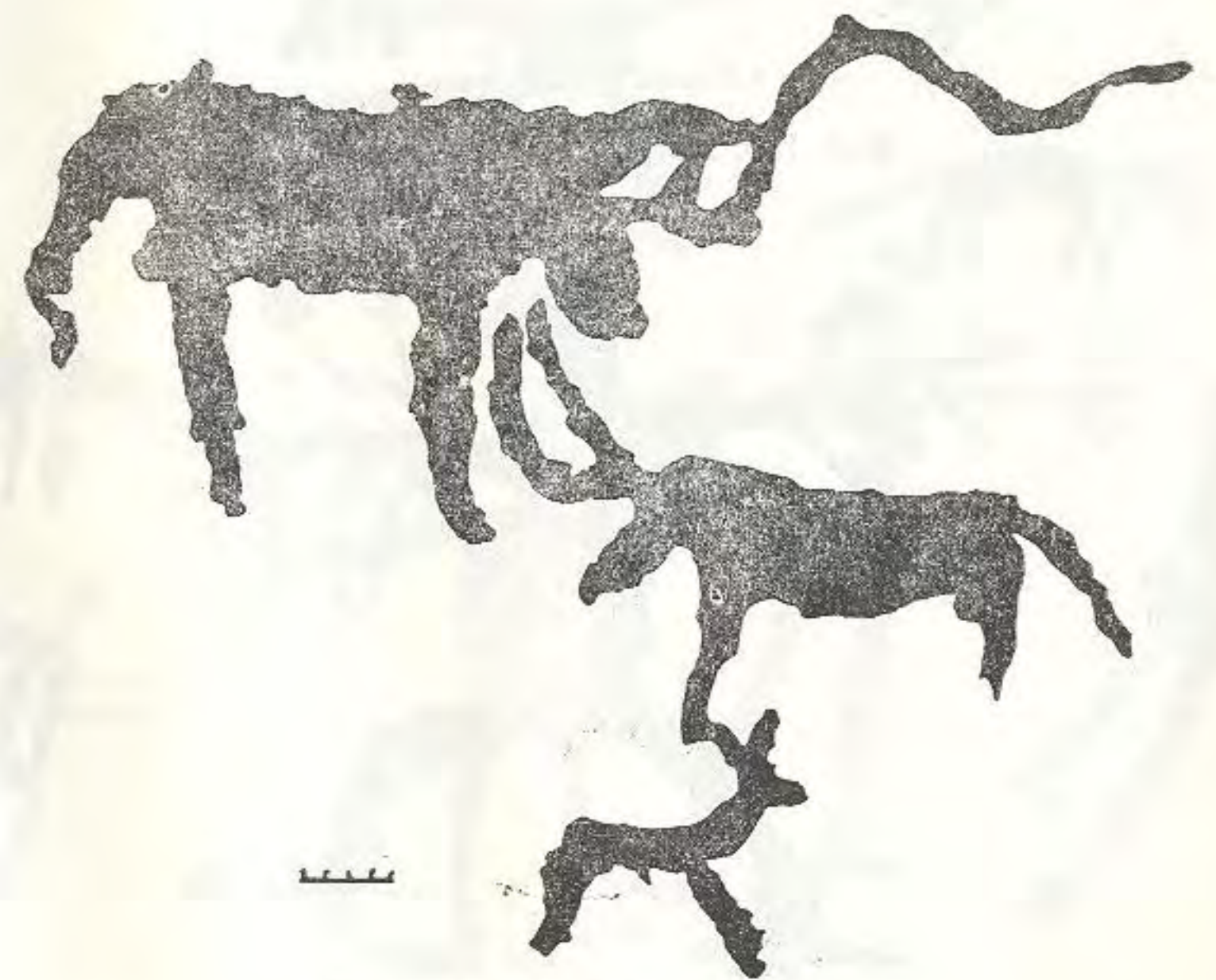

Рис. 157. Петроглифы Зевакино

Рис. 158. Петроглифы Зевакино

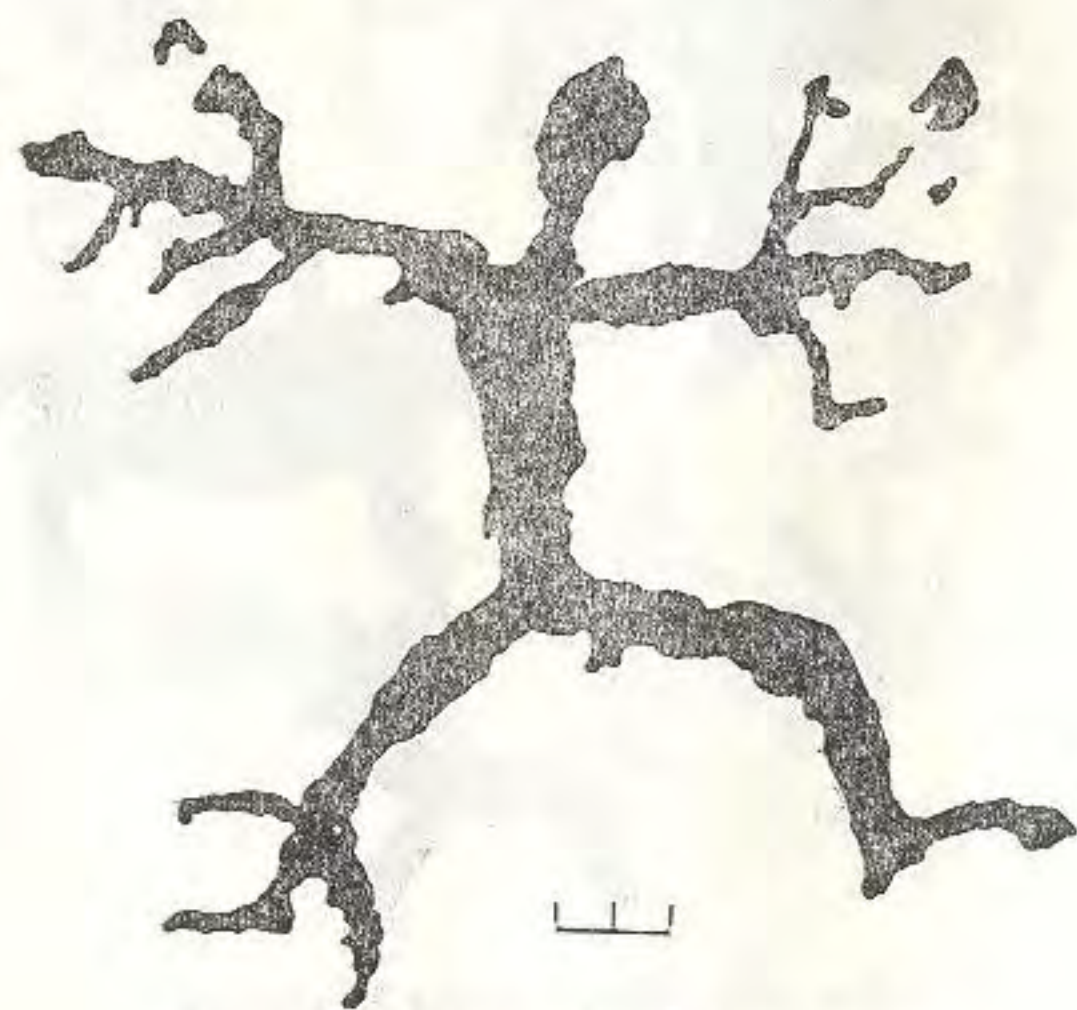

Рис. 159. Петроглифы Зевакино

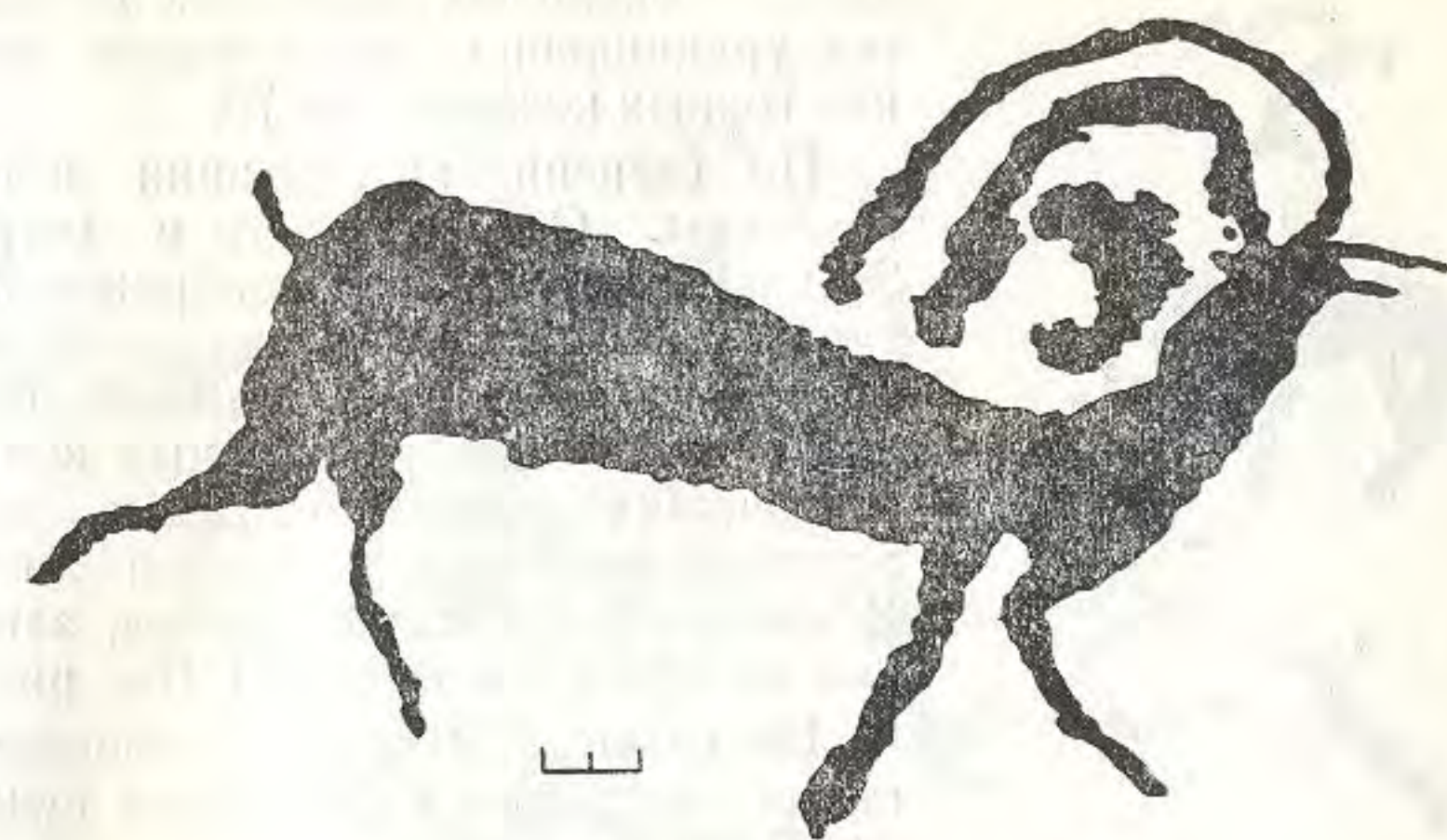

Рис. 160. Петроглифы Зевакино

Рис. 161. Петроглифы Зевакино

ников — около 80, тогда как во всех пунктах традиционно преобладают изображения горных козлов — до 79.

По степени патинизации петроглифы различны. Особое место в петроглифах Зевакино занимают 15 изображений быков-туров, выполненных главным образом выбивкой по контуру. Чаще всего быки входят в состав многофигурных композиций, отразивших весьма сложные, обряды и ритуалы, связанные с этими животными. К числу их относятся сцены, запечатленные на плите 5 и камне 51 (см. рис. 153).

На камне 12 имеется изображение хвостатого мужчины с воздетыми руками (см. рис. 158).

Среди петроглифов Зевакино имеется группа рисунков раннесакского периода. К ним, в первую очередь, относится фигура кабана, стоящего на кончиках копыт с опущенной вниз головой и оригинально трактованным загривком (см. рис. 161).

Редко встречаются предметы вооружения. Исключительный интерес представляет сцена «военного танца» на вертикальной плоскости, обращенной на запад. К поясу человека подвешен кинжал (или меч) с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и горит со сложносоставным луком. Комплекс вооружения явно свидетельствует о раннесакском периоде (см. рис. 164).

Излюбленным мотивом петроглифов Зевакино является двугорбый верблюд. Изображения верблюда здесь занимают третье место в количественном отношении. Великолепно исполнены изображения бактрианов на камне 32; наряду с упомянутой фигурой кабана они тоже относятся к раннесакскому времени (см. рис. 164).

Здесь зафиксировано одно изображение змеи. Крайне редки также фигуры конных всадников и охотников. Обнаружены лишь три чрезмерно упрощенные фигуры конных всадников, причем в одной композиции (см. рис. 163).

Петроглифы, относящиеся к раннему средневековью, здесь четко не выделяются — ни по стилю, ни по технике исполнения, ни по степени

Рис. 162. Петроглифы Зевакино

Рис. 163. Петроглифы Зевакино

патинизации. С большой долей вероятности к древнетюркскому времени можно отнести одно изображение козла или барана на четырех ногах в позе стремительного бега (см. рис. 160). Именно эта поза, прием передачи ног сопоставимы с петроглифами эпохи средневековья.

Наблюдение над топографией рисунков приводит к выводу, что наиболее древние петроглифы выбиты на удобных широких и гладких плоскостях коренных выходов, образующих вытянутую в широтном направлении жилу. Причем здесь сделаны наиболее интересные по содержанию и композиционному построению рисунки. Вероятно, самые ранние петроглифы Зевакинского комплекса относятся к неолиту, во всяком случае, они появились не позже эпохи бронзы. Петроглифы по-

Рис. 164. Петроглифы Зевакино

следующих периодов, хотя и отличаются более совершенной техникой исполнения и динамичностью, располагаются на менее удобных плоскостях — на торцах коренных блоков, упавших плитах и отдельных валунах.

В некоторых случаях заметны палимпсесты. Вероятно, между взаимно перекрывающимися изображениями не существует большого хронологического разрыва. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что по технике выбивки и плотности загара они не отличаются друг от друга.

Таким образом, наскальные изображения Зевакино, хотя и немногочисленны, в плане хронологической атрибуции и семантической интерпретации оказались весьма ценными.

Рис. 165. Петроглифы у с. Меловное

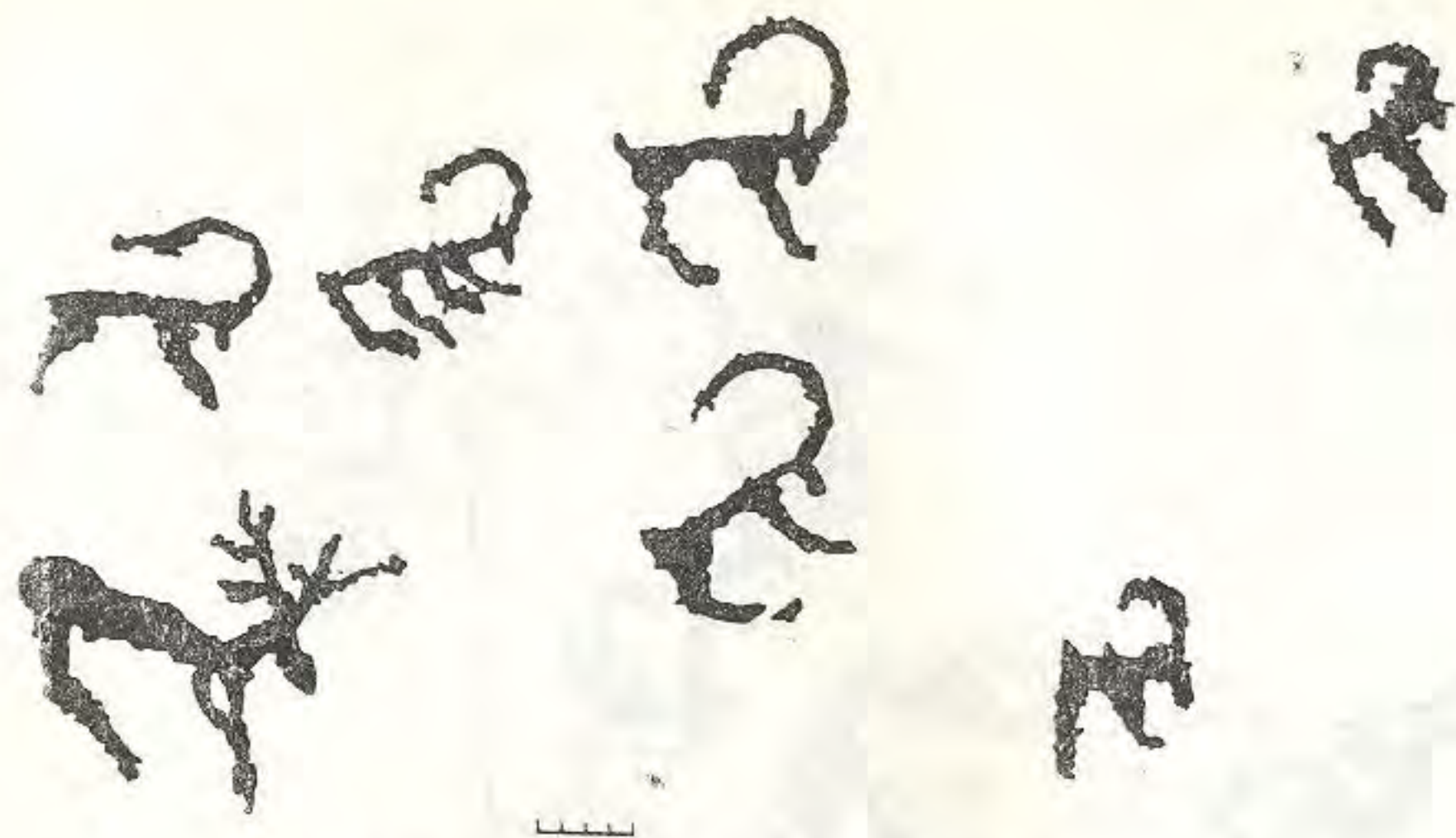

Рис. 166. Петроглифы у с. Меновное

МЕНОВНОЕ. На левом берегу р. Иртыша, в 5 км к югу от г. Усть-Каменогорска отмечено небольшое скопление петроглифов, объединенных в многофигурные композиции (рис. 165, 166). Основная часть петроглифов здесь относится к раннему железному веку, хотя отмечены и изображения более раннего времени — эпохи поздней бронзы. Они выделяются как по технике исполнения, так и по стилю (см. рис. 165, изображения лошадей и антропоморфной фигуры). В верхней части этой композиции выбиты две крупные фигуры животных (олень и кабан?) в стиле древнейших оленных камней Центральной Азии. В количественном отношении на скалах местонахождения Меновное преобладают петроглифы более поздних периодов вплоть до средневековья. Однако дифференциация их в настоящее время затруднена ввиду стилистического и сюжетного однообразия.

Глава III

ХРОНОЛОГИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Первая и исходная задача исследователя в изучении наскальных изображений заключается, как известно, в установлении их возраста и распределении рисунков по определенным хронологическим группам, т. е., говоря иными словами, в разработке своего рода хронологической шкалы писаниц. «Имея такую шкалу, можно приступить и к решению дальнейшей задачи, к использованию наскальных изображений как исторического источника, позволяющего восстановить историю и культуру этого древнего населения, которым они оставлены», — писал А. П. Окладников (1966, с. 107).

В результате целенаправленных исследований наскальных изображений в нашей стране к началу 80-х гг. сложились основные методические принципы их периодизации и хронологической атрибуции. Они изложены в обобщающих трудах А. П. Окладникова, А. А. Формозова, В. Н. Чернецова, Ю. А. Савватеева, Я. А. Шера, А. И. Мартынова, М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева, М. А. Дэвлет, А. Д. Грача, Е. А. Окладниковой, а также многих других исследователей, занимающихся проблемами изучения наскальных изображений. Это такие принципы: этнокультурный, сюжетный, стилевой, стратиграфический, историко-технический, сравнительно-исторический, регионально-топографический (Кожин, 1982, с. 100—103; Подольский, 1973, с. 265—275). При датировке используют все эти принципы в совокупности.

В зависимости от конкретных условий и задач учитывается и степень плотности пустынного загара, особенно при определении относительной хронологии петроглифов, расположенных на одной плоскости¹.

Анализ наскальных изображений Восточного Казахстана, а также всех имеющихся на сегодняшний день материалов по Казахстану в целом показывает, что мы не располагаем еще достаточно четким критерием выделения наиболее древних пластов рисунков, относящихся к каменному веку. Палеолитический возраст наскальных рисунков из Караунгура и Тесиктаса (Медоев, 1979, с. 156) сомнителен, и об этом справедливо писали специалисты (Формозов, 1969, с. 14; 1983, с. 11;

¹ Еще в 30-е гг. на этот фактор обратил внимание А. М. Линевский (1939, с. 11).

Шер, 1980, с. 184—185). Такие рисунки, характерные для эпохи бронзы, особенно для ее завершающего этапа, можно встретить и в раннесакское время. Но это вовсе не означает, что в Казахстане не может быть рисунков каменного века (вплоть до энеолита). Напротив, десятки стоянок (пещерных или открытого типа) человека каменного века, известных в ряде регионов республики, позволяют предполагать наличие подобных памятников.

Отсутствие наскальных рисунков эпохи камня на территории Казахстана и Средней Азии проще было бы объяснить неравномерным распространением памятников первобытного искусства (Формозов, 1969, с. 213—228; 1983, с. 5—13; 1970, с. 194). Однако специальные поиски палеолитических рисунков здесь не проводились, и методы такого поиска еще не выработаны. Ряд других объективных причин (Шер, 1980, с. 176—181) пока не позволяет говорить о наличии палеолитических наскальных изображений на указанной территории.

Интересно, что А. А. Формозов, допуская возможность развития палеолитического изобразительного искусства только в отдельных областях и культурах, писал, что «в пещерных мезолитических стоянках Крыма, Кавказа и Средней Азии нет сколько-нибудь выразительных образцов художественного творчества. А так как их не было и в верхнепалеолитических комплексах той же территории, мы вправе говорить об определенной культурной традиции, характерной для этой области» (Формозов, 1970, с. 194).

В Средней Азии найдены достаточно выразительные изображения мезолитической эпохи, выполненные охрой, в частности на стенах гротов Зараут-Камар, Шахты (Ранов, 1961, с. 70—81; 1967, с. 115—122) и пещеры Ак-Чункур (Мосолова, 1983, с. 27—28). Следуя логике А. А. Формозова, можно допустить, что наличие мезолитических «росписей» в Средней Азии предполагает развитие этого вида искусства в эпоху палеолита, поскольку их следует рассматривать как результат развития культурной традиции последних. То же самое можно сказать о писаницах и петроглифах южных, восточных и северо-восточных районов Казахстана, известных в настоящее время и относящихся к энеолиту и более отдаленным хронологическим периодам. Однако и то и другое пока больше догадка, чем научный факт.

Что касается наскальных изображений Восточного Казахстана, то, прежде чем ответить на вопрос: когда изображено? — следует проанализировать, как изображено. И здесь важно объяснить наше отношение к понятию «стиль», поскольку этот термин воспринимается авторами по-разному. Констатируя этот факт, некоторые авторы при анализе изображений показали, что иногда можно обойтись и без данного термина (Столяр, Савватеев, 1976, с. 151—156; Столяр, 1976, с. 110—126).

Наиболее удачный подход к понятию «стиль» нашел Я. А. Шер. По его мнению, «применительно к петроглифам понятие «стиль» обозначает систему (в смысле — упорядоченное множество) таких фрагментов изображения, которые, отвечая на вопрос: «Как выполнен рисунок?» — устойчиво повторяются и мало зависят от содержания образа» (Шер, 1977, с. 130). «Под стилистическим анализом произведений первобыт-

ного искусства следует понимать в основном анализ плана выражения. Суть такого анализа состоит в том, что образ расчленяется на составляющие его элементы плана выражения, которые затем сравниваются с элементами плана выражения других изобразительных памятников» (Шер, 1980, с. 42). Сходное понимание стиля обнаружила Е. Е. Кузьмина (1983, с. 95—96; см. также: Лосев, 1973, с. 6—15). При анализе и классификации наскальных изображений очерченной нами территории мы также придерживались данного методического принципа.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Анализ стилистических элементов группы изображений **быков** выявил, что из 34 фигур быков, зафиксированных в разных районах Восточного Казахстана, наиболее архаичными выглядят 4 (см. рис. 58, 2, 3, 4). У трех фигур слабоизогнутые и направленные вверх рога сочетаются с треугольной мордой (см. рис. 58, 2, 3). У четвертой фигуры рога сколоты, но трактовка морды, как у предыдущих (см. рис. 58, 4). По трактовке корпуса они различаются: у первого быка он укороченный, массивный, у четвертого — массивный и геометризованный, но в обоих случаях передняя часть значительно шире, чем задняя. Вторая и третья фигуры (см. рис. 58, 3) высечены на одной плоскости. Туловища трактованы в виде вытянутых прямоугольников, но резко отличных от формы туловища предыдущих: они менее грузны и без расширения. Морды всех четырех быков непосредственно примыкают к корпусу, не выделены шеи. Поза трех животных статичная: у каждого показано по две прямые ноги. Четвертый бык запечатлен в момент движения: задние ноги сдублированы, слегка согнуты в суставах и непропорционально тонкие (см. рис. 58, 4). Передняя нога прямая, выброшена вперед. По манере изображения ног и хвоста последняя фигура значительно отличается от предыдущих трех, у которых эти элементы обнаруживают полное сходство. Первый из анализируемых быков имеет высокую треугольную холку. У остальных ровная или почти ровная линия спины. Таким образом, рассмотренные изображения быков имеют больше стилистических совпадений, нежели различий.

Все четыре фигуры быков выполнены техникой сплошной выбивки. У первой фигуры выбоины глубокие (до 3 мм), края неровные, рваные, заметны следы инструмента с острой граненой рабочей площадкой (см. рис. 58, 2). Вторая и третья фигуры (см. рис. 58, 3) воспроизведены более аккуратно, глубина выбивки до 4—5 мм, края также неровные (техника — крупноточечная). Четвертая фигура выполнена путем снятия скальной корки с последующей шлифовкой, глубина практически едва улавливается по более светлому в сравнении с фоном плоскости оттенку (см. рис. 58, 4). Таким образом, по технике исполнения первые три рисунка близки друг другу. Изображение первого быка покрыто темно-коричневым загаром и лишайником, высечено на наклонной плоскости, обращенной на юг; второе и третье изображения находятся на горизонтальной плоскости и были покрыты слоем земли, поэтому лишены пустынного загара, а фигура четвертого быка выбита

на вертикальной плоскости, загар — светло-коричневый, т. е. светлее фона камня. Наблюдения над плотностью загара в данном случае ничего не дают, так как солнечный свет на камни падает под разным углом, а сами камни находятся на расстоянии сотен километров друг от друга и, следовательно, пребывают в разных природно-климатических условиях.

Каждой из фигур сопутствуют различные изображения. Рядом с первой высечена зооморфная фигура, одновременность их не вызывает сомнений (см. рис. 156, 157). Возле двух следующих — незаконченное зооморфное изображение (см. рис. 18). Блок, где был изображен четвертый бык, отвалился от коренного массива и упал вниз. Вполне вероятно, что рисунки выбивали до того, как камень упал вниз, в рамках тогда уже образовавшихся трещин, поэтому 16 фигур, изображенных рядом с быком, четко делятся на группы (см. рис. 136), объединенные одной общей темой — преследуемые хищниками парнокопытные животные. Все изображения, кроме быка, выполнены в одинаковой манере. По плотности загара фигура быка не выделяется среди других рисунков на этом блоке. Судя по размещению на плоскости и манере исполнения, фигура быка появилась здесь раньше, чем остальные. На это указывает и то обстоятельство, что она слабо вписывается в общую сюжетную линию. По своим стилистическим особенностям данная фигура близка к изображениям различных животных из этого же урочища, выполненным в геометрическом стиле. Она ненамного древнее, чем остальные рисунки.

Итак, предполагаемый допалеометаллический возраст изображения четвертого быка отвергается анализом техники исполнения, степени пустынного загара, сопутствующих фигур и в какой-то степени стилистических элементов и топографической раскладки.

Во многом уникальны изображения быков из ур. Сагыр; абсолютных аналогий им нет. Изображению быка из Зевакино, особенно фигуре рядом с ним (рис. 237), найдены любопытные иконографические параллели среди наскальных изображений ур. Сагыр. Это зооморфные фигуры с укороченными массивными корпусами и гривами (см. рис. 28, 29). Видовая принадлежность их трудноопределима. По технике исполнения они близки друг другу, но у зооморфных фигур она идентична с техникой выбивки рассмотренных выше изображений быков из того же урочища (расстояние между ними — 200—300 м).

Некоторое сходство отдельных элементов изображения быка из Курчума (см. рис. 58, 9; 106) с фигурой из Зевакино и общее иконографическое сходство также не дает полного основания для их синхронизации, так как на одной плоскости с ней изображены сакские олени и лучник со сложным «скифским» луком. Единственность последней композиции подчеркивается чрезвычайной компактностью рисунков, взаимосвязанностью (в прямом смысле и сюжетном), техникой выбивки и одинаковой плотностью загара. На этом же камне изображен еще один бык, как бы стоящий на кончиках копыт. Рога его трактованы в виде несомкнутого кольца, направленного вперед (см. рис. 58, 6; 106). Совершенно одинаковое с ним по стилю и иконографии изображение бы-

ка находится в окрестностях с. Болгар-Табаты (см. рис. 58, 5, 7; 134). Рядом с ним изображены волки в характерном сакском стиле, с раскрытой пастью, с оскаленными зубами и глазом. Судя по технике исполнения и плотности загара, они несомненно одновременны.

При учете сопутствующих изображений (всадники на лошадях, олени с древовидными рогами, колесницы, фигуры в стиле оленных камней и др.) большая группа изображений быков оказывается не древнее эпохи поздней бронзы или раннесакского времени. Несколько отличается от всех предыдущих изображение быка из окрестностей с. Никитинка. У него прямоугольная морда, овальное ухо; два параллельных рога изогнуты и направлены вверх, несколько сужаются к концу. Холка подчеркнута плавным выступом, спина вогнута и соответственно выгнута линия живота. Хвост опущен под углом, его кисточка подчеркнута утолщением. Ноги прямые, слегка сужаются к кончикам. Справа в быка стреляет пеший лучник с хвостом (или колчаном?). Лук большой, сегментовидный, вместе со стрелой выполнен резной техникой. Ниже изображены козлы, верблюд, лошади, одинаковые по технике исполнения, глубине выбивки и плотности скального загара (см. рис. 43) с фигурой быка. Изображения этих животных, особенно лошадей, стилистически сходны с аналогичными фигурами, встречающимися в совокупности с выполненными в манере оленных камней и сопутствующих им рисунков изображениями. Следовательно, и данная фигура быка не может датироваться древнее эпохи поздней бронзы.

На камне 11 имеются еще две силуэтные фигуры этого животного (см. рис. 157). Они композиционно не связаны с предыдущей и отличаются от нее по технике выбивки. Если рассмотренное выше изображение быка высечено крупноточечной техникой, то последние — средне-точечной. Судя по трактовке рогов, морд и туловищ, это, вероятно, изображения диких туров. В данном случае степень плотности загара не играет никакой роли для определения относительной древности изображений, потому что наклонная плоскость этого камня в силу шероховатости густо покрыта лишайником, под которым лежит плотный слой пыли.

Еще девять изображений быка из Зевакино единовременные с другими двумя фигурами этого же местонахождения (см. рис. 157), хотя они выполнены выбивкой по контуру (см. рис. 59, 2—8, 11, 13). У всех быков изогнутые рога направлены вперед, их концы загнуты вверх, морды под определенным углом опущены вниз, ноги в зависимости от композиционного замысла прямые или прогнуты в суставах и широко расставлены. Лишь одно животное показано с копытами. Хотя все девять фигур выполнены в одно время, в изображении рогов и туловищ древний художник проявил мастерство. Например, рога одного из быков (см. рис. 59, 11) направлены вперед, а кончики их — слегка вверх. Зеркально повторенный, этот же контур рогов придал другому быку (см. рис. 59, 13) совершенно иной вид. Туловища всех быков из Зевакино более или менее геометризированы — есть овальные, прямоугольные и трапециевидные.

Некоторое стилистическое сходство обнаруживается при сопостав-

лении контурных изображений быков из Зевакино с фигурами на окуневских плитах, использованных в качестве строительного материала. Сейчас в Минусинской котловине известно более 30 контурных и силуэтных изображений этих животных (Рыгдылон, 1959, с. 186—202; Грязнов, 1960, с. 85—89; Леонтьев, 1970, с. 265—270; 1980б, с. 27—34; Подольский, 1973, с. 265—275; Пшеницына, Завьялов, Пяткин, 1975, с. 228—230; Шер, 1980, с. 216—229 и др.). Сходство с зевакинскими обнаруживается в трактовке рогов: изогнутые, направленные вперед, с концами, загнутыми вверх. Корпус животного в большинстве случаев изображен контурно. Позы динамичные (хотя это не может относиться к числу ведущих признаков вообще), подчеркивание иногда изгибов суставов, препуций. Ряд сходных стилистических элементов изображений быков зевакинских и окуневских позволяет предположить их синхронность. Пути и направления контактов, а также механизмы взаимодействия между носителями окуневской традиции Минусинской котловины и верхнеприиртышскими племенами могут быть выяснены в будущем.

Самое первое впечатление при осмотре изображений быков в окрестностях с. Васильевка — их глубокая архаичность (см. рис. 33; 58, 1). Комолые, с едва намеченными ушами животные выполнены выбивкой по контуру. Туловища слегка геометризированы, передняя часть расширена; сужаясь к основанию шеи, она образует своего рода треугольник. Шея массивная, чрезмерно короткая, можно сказать, специально не выделена. У всех трех фигур круп показан вертикальной линией, хвоста нет, за исключением одной. Вполне возможно, что хвост наметили несколько позже. Справа от быков размещены незаконченная антропоморфная фигура, олень и козел. По манере передачи задней части туловища, крупа фигура оленя близка изображениям животных, относящимся к раннесакскому, сакскому периодам (см. рис. 33). Совершенно очевидно, что быки и остальные изображения выполнены в разных стилистических манерах, но если судить по технике выбивки, то различия между ними нет. Плотность загара, глубина выбоин, следы инструмента одинаковы. Поэтому они, скорее всего, синхронны им или даже моложе зевакинских быков. Конечно, заманчиво сопоставлять их с древнейшими изображениями Сибири, Забайкалья (Мазин, 1985, с. 17—24) и в первую очередь с некоторыми рисунками грота Куюс на средней Катунь — территориально самыми близкими памятниками подобного рода (Окладникова, 1984, с. 73—75), а также с росписями пещеры Хойт-Цэнкер в Монголии (Окладников, 1972). Однако в настоящее время нет полного основания относить фигуры быков с. Васильевка к периодам, предшествующим эпохе бронзы. Если же признать синхронность фигур быков и животных, находящихся рядом, то они могут быть датированы концом эпохи бронзы или раннесакским временем.

Анализ изображений быков из Восточного Казахстана показал, что большинство из них относится к разным этапам эпохи бронзы. Часть из них, возможно, можно датировать предсакско-раннесакским временем. Лишь три фигуры быка — одна из Зевакино (см. рис. 58, 2) и два из ур. Сагыр (см. рис. 58, 3) — на фоне остальных выглядят более

архаичными (по общему облику, технике выбивки и другим признакам). При этом наиболее архаичным кажется зевакинский бык, ассоциирующийся с фигурами бизонов или зубров и высеченный, судя по «рваности» и неровности, а также по глубине выбоин, каменным орудием. Сагырские изображения быков, по нашим наблюдениям, не имеют точных аналогов среди петроглифов Казахстана и сопредельных территорий. Только по трактовке отдельных деталей они похожи на зевакинского быка. Признаком архаичности данных изображений быков является, пожалуй, их «изолированность», отсутствие композиционности. Рядом с зевакинским быком находятся еще фигуры этого животного, но, как показано выше, они выполнены в иной манере и другой техникой и значительно моложе. Возле сагырских быков вовсе отсутствуют какие-либо изображения, если не считать непонятную незаконченную фигуру. Косвенным свидетельством архаичности, возможно, является статичность позы животных.

Таким образом, изображения трех быков производят впечатление древнейших среди подобных сюжетов и, вероятно, могут быть отнесены ко времени, предшествующему эпохе бронзы. Сейчас трудно сказать, к какой именно эпохе они относятся: к палеолиту, неолиту или энеолиту. Для конкретизации даты в настоящее время нет веских оснований и четких критериев. Более предпочтительной представляется датировка их неолитом или энеолитом.

На фоне многочисленных археологических памятников каменного века, представленных материалами из окрестностей аула Канай (мустьерская эпоха), стоянок Шульбинка (начало верхнего палеолита), Усть-Нарым, Малокрасноярка (неолит) и др., наскальные изображения, предположительно отнесенные к этим эпохам, выглядят более чем скромно. В непосредственной близости с зевакинскими рисунками найдены отдельные изделия неолитического облика, а в 35—40 км к западу — двухслойная палеолитическая стоянка Шульбинка. Кремневые изделия неолитического облика известны и в урочище Сагыр. Эти находки служат ориентиром для дальнейших поисков древних рисунков.

Повозки и колесницы. Существует две концепции о происхождении и распространении колесного транспорта: моноцентрическая и полицентрическая. Наиболее популярной является моноцентрическая концепция В. Гордона Чайлда, согласно которой древнейшим центром возникновения колесного транспорта является Шумер (Childe, 1951, р. 177—194; Чайлд, 1956). Стюарт Пиггот считал таким центром кавказский регион, включая некоторые прилегающие к нему районы (Piggott, 1969, р. 226—318; 1983).

В отличие от сторонников моноцентрической концепции Е. Е. Кузьмина выделила четыре зоны распространения колесного транспорта: Древний Восток, Юго-Восточная Европа, Кавказ и Юго-Восточный Прикаспий (1974, с. 76). Последние три, по ее мнению, относятся к зонам цивилизации второго порядка, где, как и в Месопотамии, в III тыс. до н. э. существовали одинаковые экономические предпосылки для изобретения колесного транспорта (Кузьмина, 1974, с. 72). Для нас же важно, что в III тыс. до н. э., особенно во второй его половине, двух-

четырёхколесные повозки с парной бычьей упряжкой получают широкое распространение в «зонах цивилизации второго порядка» и в евразийских степях.

Древнеземледельческие культуры юго-восточной Европы содержат многочисленные находки моделей колес и повозок, относящихся ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. (Гудкова, Черняков, 1981, с. 46—47). Наибольшее количество их зафиксировано в погребениях ямного и катакомбного типов, датированных концом III — началом II тыс. до н. э. Большая часть их опубликована (Кузьмина, 1974, с. 68—87; Гудкова, Черняков, 1981, с. 38—50; Романовская, 1982, с. 102—108; Шапошникова, 1980, с. 132—146; Шилов, 1978, с. 13—14; Anati, 1960, p. 50—63; Potratz, 1966; Littauer, Crowel, 1979; Cordier, 1975, p. 451—482).

На Кавказе и в прилегающих к нему районах повозки и их модели известны начиная с энеолитической куро-аракской культуры (Куфтин, 1941, с. 7, 81, 95, 97, 98, табл. CVII; Козенкова, 1973, с. 61—62, 64; Котович, Котович, Магомедов, 1980, с. 139, 142—151; Мнацаканян, 1960, с. 43, 46, 47, 50, 54), в Южной Туркмении — с первой половины III тыс. до н. э. (четырёх- и двухколесные открытого типа).

Среди многочисленных наскальных изображений колесного транспорта на северо-восточных склонах Ферганского хребта (Саймалы-Таш) имеются повозки на сплошных колесах малого диаметра, которым сопутствуют изображения животных (быки и козлы), выполненные в битреугольном стиле и в профиль (Шер, 1980, с. 200—210).

Сопоставив изображения животных с битреугольными туловищами из Саймалы-Таша, Сармыша, Намагута и других местонахождений с аналогичными росписями на керамике из Переднего Востока (Сузы А, Гиана, Сиалк и т. д.) и юга Средней Азии (Карадепе, Гиссар, Намазга III), Я. Шер предположил, «что битреугольный стиль изображения животных на древнеиранской керамике проник в Фергану и Центральный Тянь-Шань не намного позже того времени, когда в конце IV — начале III тыс. до н. э. произошла инфильтрация племенных групп из Центрального Ирана в предгорья Копетдага и, возможно, несколько далее на северо-восток» (1980, с. 205—207). По всей вероятности, саймалыташские племена задолго до II тыс. до н. э. через южно-среднеазиатские народы поддерживали тесные культурно-экономические контакты с Передней Азией. Оттуда через предгорья и оазисы колесный транспорт проник сначала в Фергану, Северное Притяньшанье и далее, возможно, через предгорья Заилийского и Джунгарского Алатау в Саяно-Алтай и Минусинскую котловину.

Однако наскальные изображения животных в битреугольном стиле к северу от Ферганского хребта встречены только в Чу-Илийских горах (Тамгалы). Быть может, они еще будут найдены в горах Джунгарского Алатау. Немногочисленные экземпляры подобных изображений на Тарбагатае, по-видимому, значительно моложе, чем саймалыташские и тамгалинские. Тем не менее не исключены контакты горно-степных племен Верхнего Прииртышья и Тарбагатая через Семиречье и юг Казахстана с древними поселенцами северо-восточной окраины Средней Азии (Шер,

1980, с. 121—122). Не исключаются, конечно, и другие пути контактов прииртышских и других степных племен (в конце III — начале II тыс. до н. э.) с земледельческими и скотоводческими народами Средней Азии. В любом случае надо исходить из того, что распространение колесного транспорта в этом регионе шло с юга (Иванов, 1983, с. 36; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 950—951).

Конструктивно отличается акбаурская повозка (см. рис. 6), показанная в плане, на двух дисковидных колесах. Грузовая платформа смещена назад по отношению к оси, на конце дышла имеется ярмо с вертикальными притыками (занозами).

Аксиомой является то, что дисковидные колеса предшествуют колесам на спицах, но этот факт сам по себе еще не указывает на архаичность первых. Дело в том, что повозки на дисковидных колесах тысячелетиями сосуществовали с колесами на спицах, вплоть до этнографической современности. Более изменчивым во времени и пространстве элементом колесного транспорта, видимо, является ярмо со всевозможными приспособлениями. Конструктивное его решение позволяет ответить на некоторые вопросы о хронологической и этнической атрибуции.

Сочетание сплошных дисковидных колес и ярм с вертикальными притыками для бычьей упряжки подтверждает предположение о древности этой повозки. Расположение платформы позади оси также подкрепляет эту догадку. Существует мнение, что грузовые повозки с отодвинутым назад кузовом древнее, чем остальные (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 164).

Саймалыташские повозки на сплошных колесах малого диаметра выглядят даже более усовершенствованными, чем акбаурская: в большинстве случаев они показаны с треугольными рамами, выдвинутыми перед осью; от морды животных к руке погонщика идут линии, обозначающие средство управления; на ярмах четко не обозначены притыки (Шер, 1980, с. 195—196, рис. 107—108).

Южно-среднеазиатские модели в основном двух-четырёхколесные, открытого типа, но судить о деталях ярма трудно из-за чрезмерной общности в трактовке или их полного отсутствия.

Дата акбаурской повозки определяется не только по общему сходству основных конструктивных элементов со среднеазиатскими, переднеазиатскими, кавказскими и ямно-катакомбными повозками и их моделями, но и на основании анализа символических знаков, сосредоточенных вокруг нее и имеющих близкие соответствия в изображениях на керамике, на терракотовых статуэтках и других материалах вышеупомянутых регионов (см.: Энеолит СССР, 1982; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 86—88, 240—255; Кирчо, 1976, с. 48—55; Зайберт, Мартынюк, 1984, с. 81—90; Массон, Сарияниди, 1973, рис. 14; Массон, 1981; Станкевич, 1978, с. 17—31; Антонова, 1981, с. 5—21, рис. 1—7; Стоколос, 1984, с. 22—42; Абдулганеев, Кирюшин, Қадиков, 1982, с. 52—77, рис. 9.11 и др.). Исходя из этих данных акбаурская повозка (и сопутствующие им знаки) может быть датирована концом III — началом II тыс. до н. э., хотя не исключен и несколько более ранний возраст (вторая половина III тыс. до н. э.).

Слабая изученность памятников энеолита и ранней бронзы в Казахстане препятствует выявлению направлений этнокультурных контактов верхнеприиртышских племен в рассматриваемую историческую эпоху. Однако можно допустить, что благодаря удобному географическому расположению этот регион был зоной интенсивных связей между Южной Сибирью и Средней Азией. Такие контакты археологически прослеживаются достаточно четко в андроновскую и последующие эпохи; они имели место, вероятно, и в энеолите, и в эпоху ранней бронзы, т. е. во время существования афанасьевской и окуневской культур Южной Сибири.

В Минусинской котловине изображения повозок, помимо стел из Знаменки и Красного камня обнаружены на плитах с личиной из Усть-Бюре (Кызласов, Кызласов, 1973, с. 223) могильника Разлив X (Пшеницына, Завьялов, Пяткин, 1974, с. 228) и из окрестностей с. Аскиз (Леонтьев, 1980а, с. 68). Все они отнесены исследователями к окуневскому времени (первая половина II тыс. до н. э.). Факт вторичного использования знаменской стелы в качестве перекрытия окуневского погребения допускает и более ранний ее возраст (Шер, 1980, с. 226—227). В Хакасии недавно зарегистрировано еще несколько изображений повозок эпохи бронзы (Севастьянова, 1980, с. 103—107).

Определить пути распространения колесного транспорта в Южной Сибири нелегко, ибо связи афанасьевских и окуневских племен с синхронными памятниками юга Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии и более отделенными западными (ямными, катакомбными) стадияльно близкими культурами изучены недостаточно (Грязнов, Вадецкая, 1968, с. 159—165; Максименков, 1968, с. 165—172 и др.). Сейчас радиоуглеродными и другими методами нижняя дата афанасьевских памятников соседнего Горного Алтая устанавливается в пределах конца IV — начала III тыс. до н. э., а верхняя еще не уточнена. Ю. Ф. Кирюшин высказал предположение, что эта культура существовала вплоть до раннескифского времени (1985, с. 47), согласно С. В. Цыбу — до первой четверти II тыс. до н. э. (1984, с. 13, 18), а по данным Э. Б. Вадецкой — до середины четвертой четверти III тыс. до н. э. (1979, с. 98—100).

В последнее время С. В. Цыб обосновывает гипотезу, согласно которой так называемый алтайский вариант афанасьевской культуры Южной Сибири, образующий самостоятельную культурно-археологическую единицу раннего бронзового века, возник в результате переселения части раннескотоводческих племен восточно-европейских степей — носителей синхронной древнейшей культуры (1980, с. 38—51; 1984, с. 12—18). Им выделены две хронологические группы афанасьевских памятников Алтая (конец IV — первая и вторая четверть III — первая четверть II тыс. до н. э.), которые стадияльно близки культурам других регионов: Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Верхнего Приобья и Прибайкалья. Некоторые исследователи не отрицают наличия культурных контактов племен Западно-Сибирского региона с населением Средней Азии через племена населявшие в конце III — начале II тыс. до н. э. степи Казахстана (Матющенко, 1977, с. 92—95),

Энеолитические памятники Казахстана стали интенсивно изучаться только в последние годы. В северных районах открыты и исследованы целые поселения этого времени (Ботай) и комплексы эпохи ранней бронзы, сопоставимые с энеолитическими памятниками Алтая и Западной Сибири в целом (Зайберт, Мартынюк, 1984, с. 81—90; Зайберт, 1983, с. 88—90). В Восточном Казахстане памятники энеолита и ранней бронзы изучены недостаточно; по сути дела, здесь не проводились поиски памятников типа афанасьевских. На возможные контакты позднепалеолитических усть-буконьских племен Восточного Казахстана с афанасьевцами Енисея указывал С. С. Черников (1957, с. 28—33), правда, эта точка зрения пересмотрена им и другими исследователями (Максименков, 1978, с. 78—79). Афанасьевские черты имеют парные погребения из камня и случайные находки бронзовых изделий из Восточного Казахстана (Черников, 1960, с. 32—34, 94—97). Отмечая раннее появление металлических изделий у афанасьевских племен Горного Алтая, С. В. Цыб объясняет этот факт «расселением афанасьевцев в непосредственной близости от медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая» (1984, с. 15).

Таким образом, можно предполагать, что в конце III — начале II тыс. до н. э. племена Верхнего Прииртышья имели контакты с населением Горного Алтая, Енисея и других северных и восточных регионов. Связи восточноказахстанских племен с населением Средней Азии, видимо, осуществлялись по различным направлениям, судя по петроглифам, через Тарбагатай, предгорья Джунгарского Алатау и Притяньшанье.

Поскольку самым близким к нашему региону, где колесный транспорт получил широкое распространение задолго до начала II тыс. до н. э., являлась Средняя Азия, логичнее было бы предположить проникновение средств передвижения в Минусинскую котловину из Средней Азии через Верхнее Прииртышье — Горный Алтай в конце III — начале II тыс. до н. э. К сожалению, еще нет достаточно полных археологических данных, подкрепляющих это предположение.

Совершенно иной тип колесного транспорта изображен на камне из Курчума (см. рис. 102). Повозка показана в плане. Кузов прямоугольный, четыре сплошных колеса без спиц расположены как бы плашмя по его углам и соединены попарно линиями, пересекающими кузов и обозначающими оси. Особенно интересны две линии, обозначающие, по всей вероятности, стержни двусоставного дышла. О том, что в данном случае показаны не оглобли — они появились не ранее начала второй половины I тыс. до н. э. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 144—145), а архаический дышловой способ управления бычьей упряжкой, свидетельствует ряд фактов. На концах стержней показана перекладина с двумя парами вертикальных «заноз», а это означает, что тут изображено ярмо для бычьей упряжки, но, судя по этнографическим данным (Шрамко, 1984, с. 251—255), без подшеек, т. е. без нижней перекладины. Последняя была изобретена позже и просуществовала без значительных изменений вплоть до этнографической современности. Двухстержневые дышла характерны для повозок лчашенского погребального комплекса в Армении, датируемого серединой II тыс. до н. э. (Мар-

тиросян, 1964, с. 98—101; Мнацаканян, 1960, с. 139—152). Аналогичные конструкции дышел, относящихся к различным периодам эпохи бронзы, зафиксированы и в Минусинской котловине. Они так же, как закавказские и верхнеприиртышские, имеют на концах ярма с занозами (Леонтьев, 1980а, с. 78, рис. 5; с. 80, рис. 6; Севастьянова, 1980, с. 104, рис. 1—3), но в отличие от первых колеса у них не дисковидные, а на спицах.

Итак, двухстержневые дышла и крепящиеся к ним разными способами перекладыны ярма характерны для грузовых повозок в бычьих упряжках. Вполне возможно, что они появились задолго до II тыс. до н. э., но археологически фиксируются с первой половины — середины II тыс. до н. э. вплоть до начала I тыс. до н. э. Появление таких дышел исследователи объясняют необходимостью безопасного передвижения по пересеченной местности.

Наиболее вероятная дата курчумской повозки — первая половина II тыс. до н. э. Конструктивно и территориально к ней наиболее близки повозки из окуневских памятников Енисея. Несколько более ранним временем датируются модели повозок в Средней Азии (середина III — начало II тыс. до н. э.), а часть саймалыташских повозок типа «профильные» — концом III — первой половиной II тыс. до н. э., т. е. еще синхронны с нашей (Шер, Голендухин, 1982, с. 21—23). По конструкции курчумская повозка сопоставима также с восточноевропейскими образцами, упомянутыми выше.

Третье изображение повозки в Восточном Казахстане обнаружено в ур. Мойнак (см. рис. 91). Она также показана в плане. Колеса и платформа, одинаковые по размеру, трактованы в виде кругов с точкой в центре и расположены на одной линии. На конце дышла — ярмо с четырьмя попарными занозами для пары упряжных животных, скорее всего, быков. От ярма к платформе по краям дышла идут две линии, обозначающие вожжи. Сочетание сплошных дисковидных колес, дышла и ярма с занозами придает повозке в целом архаичный облик, сближающий ее в определенной степени с вышеописанными. Это позволяет датировать мойнакскую повозку первой половиной II тыс. до н. э.

Колесницы. Приблизительно в середине II тыс. до н. э. в петроглифах Казахстана появляются изображения легкой конной колесницы, созданной на базе повозок со сплошными дисковидными колесами. Сейчас известны сотни изображений колесниц, исходящих из Семиречья, Южного Казахстана, Средней Азии, Горного Алтая, Южной Сибири, Монголии и других территорий. Зафиксированы погребения эпохи бронзы с колесницами (Зданович, 1983, с. 54—56), изображение на керамике срубной культуры (Галкин, 1977, с. 189—196). В Восточном Казахстане пока известно всего восемь изображений повозок и колесниц, из них три — с лошадиной упряжкой. В двух случаях упряжные кони показаны в профиль, в одном — ногами друг к другу (см. рис. 54, 90, 92, 93, 100) (Самашев, 1977, с. 520).

Аналізу колесниц и их изображений посвящено огромное количество работ (библиографию см.: Кожин, 1966в, с. 176—178; 1966б, с. 92—95; 1966а, с. 76—81; 1929, с. 29—40; 1977, с. 178—187; 1985, с. 169—182;

Жуков, Ранов, 1974, с. 62—68; Кузьмина, 1974, с. 68—87; Кучера, 1977; Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 52—66; Комиссаров, 1985, с. 86—111; Кожанов, 1984, с. 67—75; Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Массон, 1973, с. 102—112; Новгородова, 1978, с. 192—206; Novgorodova, 1980; Шер, 1980; Дэвлет, 1982а, с. 22—31; Чередниченко, 1976, с. 135—150; Littauer, Clowel, 1979; Cordier, 1975, p. 451—482; Anati, 1960, p. 50—63; Балонов, 1980, с. 69—85; Горелик, 1985, с. 183—202 и др.).

По существующей классификации наскальные изображения конных колесниц датируются серединой — концом II тыс. до н. э. Изображения колесниц с упряжными животными, показанными в профиль, считаются в указанном отрезке времени наиболее ранними (Шер, 1980, с. 202—205). Изображения колесниц с лошадиной упряжкой, где животные показаны обращенными друг к другу спинами, судя по нашим наблюдениям над петроглифами Жалтырак Таша (Таласский Алатау, ущ. Урмарал), могут быть датированы раннесакским временем. Здесь они сопутствуют изображениям пантер, копытных животных, выполненным в раннесакском зверином стиле. Несмотря на обилие публикаций по колесницам, до сих пор актуальной остается проблема их относительной хронологии.

ПЕТРОГЛИФЫ ПРЕДСАКСКОГО И РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ

Особый интерес для синхронизации некоторых стилистических особенностей петроглифов предсакского времени представляет большая композиция на скале в ур. Мойнак (см. рис. 46, 50—53). По плотности загара и единообразию технических приемов одновременность этой композиции не вызывает сомнений. Здесь в одном комплексе сосредоточены изображения, встречающиеся поодиночке в других районах Казахстана, Центральной и Средней Азии. Это позволяет использовать традиционный археологический способ хронологических привязок одних изображений к другим по их взаимовстречаемости.

Центральным является небольшое изображение оленя, за которым гонятся два хищника (см. рис. 51). Его трактовка полностью совпадает с изобразительной манерой поздних вариантов оленей с клювовидными мордами и является промежуточным звеном между изображениями оленей типа иволгинского и Ушкийн-Увера, с одной стороны, и Аржана — с другой. Таким образом, если датой Иволги и Ушкийн-Увера принять XII—IX вв. до н. э. или самое начало I тыс. до н. э. (Грязнов, Мапнай-оол, 1974, с. 195; Волков, Новгородова, 1975, с. 84), а Аржана — VIII в. до н. э. (Грязнов, 1980, с. 53—54; Марсадолов, 1985, с. 10), то мойнакская композиция по изображению оленя может быть датирована в промежутке между X и VIII вв. до н. э. Анализ других сопутствующих ему изображений, как представляется, может уточнить эту датировку.

В мойнакской композиции есть еще по крайней мере пять типов изображений, заслуживающих специального рассмотрения.

В левой части композиции помещены две фигуры лошадей с сильно прогнутыми спинами и отвислым животом (см. рис. 51; 167, 16). Близ-

кие по стилю изображения лошадей видны в правой части композиции, а также внизу центральной части. Причем здесь за тремя расположенными одна за другой лошадьми запечатлена колесница с парной упряжкой (см. рис. 46). Сам факт наличия колесницы с пароконной упряжкой является достаточным, чтобы в указанном выше интервале времени выбрать его более раннюю часть, т. е. примыкающую к X в. до н. э., а если дата Ушкийн-Увера немного завышена, то, возможно, и к еще более раннему времени. Данная манера изображения лошадей не являет-

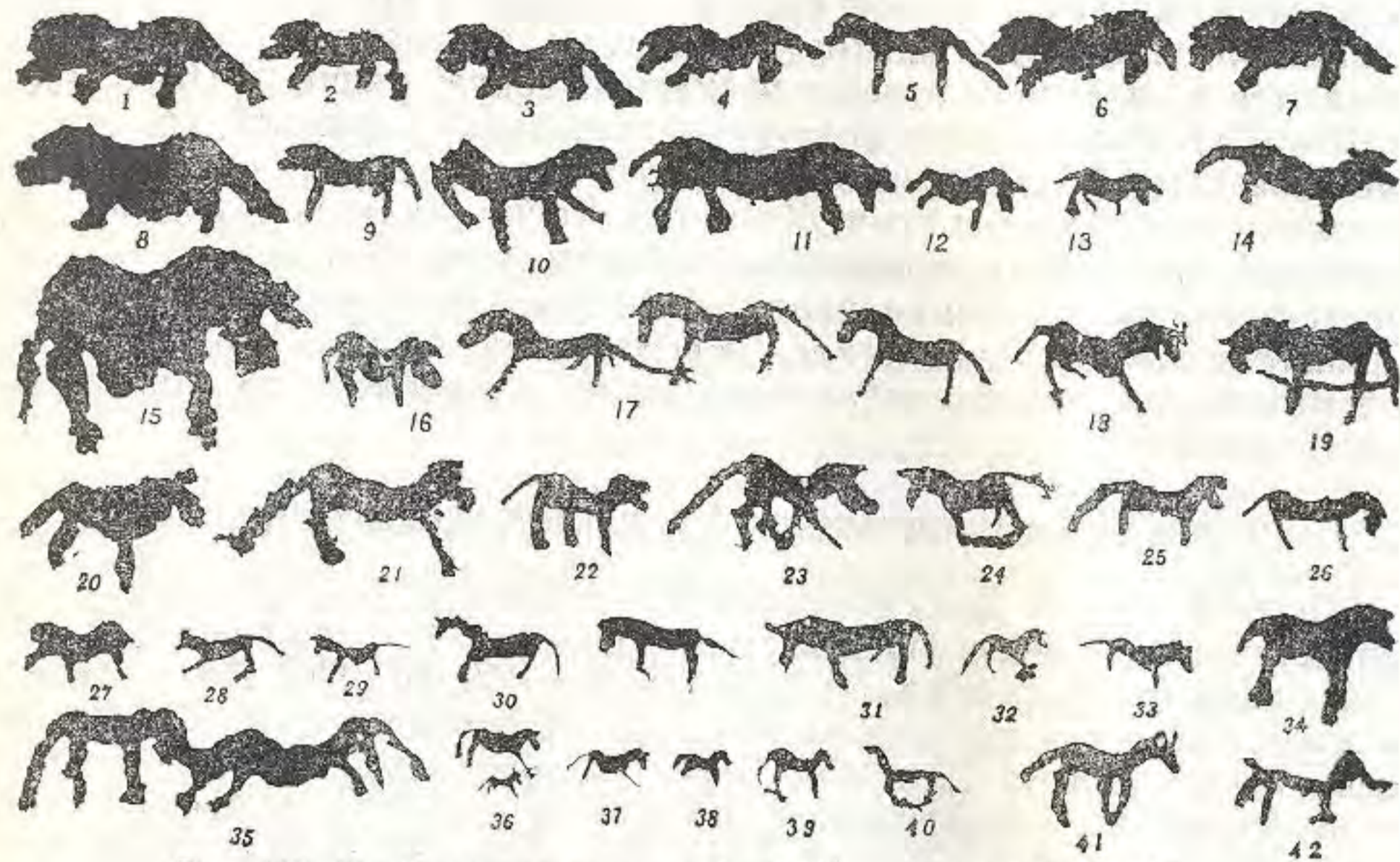

Рис. 167. Изображения лошади: 1—8, 21 — Каратюбе; 9—11, 14, 20, 22, 25, 27, 34 — Сагыр II; 13, 15—18, 19, 24, 28, 29, 32, 33, 36—40 — Мойнак; 12, 35, 41, 42 — Зевакино

ся чем-то уникальным. Эта устойчивая традиция прослеживается и в других местах Восточного Казахстана (рис. 167, 168) и Средней Азии. Насколько нам известно, самое южное изображение такого типа зафиксировано в Саймалы-Таше (Шер, 1980, с. 106, рис. 34), причем тогда не было достаточных оснований для его датировки.

Также в левой части композиции достаточно четко прослеживается силуэтное изображение **кинжала** с зооморфным навершием (см. рис. 51; 56, 1). Датировка таких кинжалов сейчас не вызывает трудностей. По соответствующим параллелям на оленных камнях его можно отнести к завершающему этапу эпохи бронзы. Анализируя изображения кинжалов на оленных камнях Монголии, В. В. Волков обратил внимание на «отсутствие среди них классических форм скифо-сибирских акинаков и несомненно карасукский облик изображенных кинжалов» (1981, с. 102). По его классификации, разработанной для подобного оружия на оленных камнях, наш экземпляр может быть отнесен к группе древнейших, для которых характерны короткие подтреугольной формы лез-

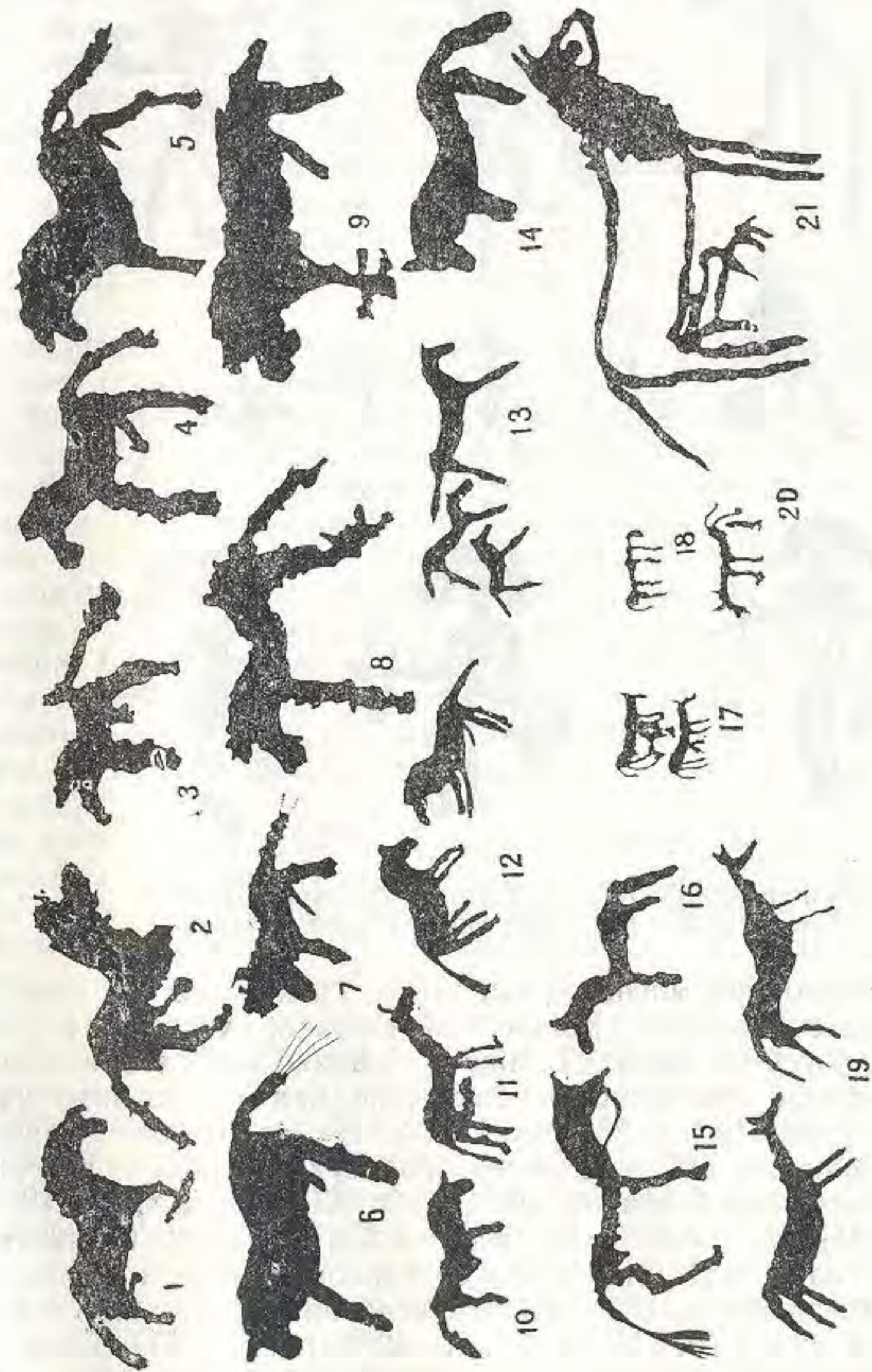

Рис. 168. Изображения лошади: 1, 3—9 — Сагыр I; 2, 12, 14 — Мойнак; 10, 13 — Тулькуне; 15 — Курчум; 11, 16 — Окей; 17, 18, 20 — Меновное; 19 — Доланалы; 21 — Зевакино

Рис. 169. Изображения ряженных: 1—3 — Монголия (Окладников, 1981); 4—8 — Елангаш (Окладников и др., 1981); Ортаа-Саргол (Дэвлет, 1982)

вия без специально оформленного выступом перекрестия (Волков, 1981, с. 104). С ними сближается мойнакский кинжал, у которого ножны также расширяются на конце. Только у мойнакского изображения зооморфное навершие показано не так четко, как на оленных камнях Монголии (Волков, 1981, с. 230, рис. 1—12). Из Восточного Казахстана происходит значительное количество карасукоидных и предсакских бронзовых кинжалов (Черников, 1960, табл. XIV, XV, XX, XXXVI; Членова, 1976, с. 45—50, табл. 8), но все они без зооморфных наверший. Нам известен только один экземпляр бронзового кинжала с навершием в виде барана или козла, поступивший недавно в Восточно-Казахстанский областной музей (ВКОМ, КПО 26—8284; рис. 32, 21). Итак, можно считать, что дата изображения кинжала не противоречит предложенной выше датировке оленей с клювовидной мордой, а также лошадей.

Антропоморфные фигуры в мойнакской композиции подразделяются на два типа. Лучник в грибовидном головном уборе с согнутыми

коленями имеет довольно точные параллели в петроглифах Тувы и Монголии. Здесь они широко датируются эпохой бронзы (Дэвлет, 1976а, с. 22—23; 1980, с. 233; 1982б, с. 19—20; Новгородова, 1984, с. 83, рис. 28; Васильевский, Волков, 1985, с. 9, рис. 2). По нашим исследованиям изображений Мойнака, Курчума (рис. 78; 169), Тамгалы и Джунгарского Алатау, эту датировку можно сузить.

Одновременность всей мойнакской композиции позволяет отнести к той же эпохе и изображение людей в «рогатых» головных уборах или в зооморфных масках (см. рис. 49, 51).

Изображения волков, которые как бы гонятся за оленем, находят четкие параллели на оленных камнях Монголии и Восточного Алтая (Волков, 1981, с. 240; Кубарев, 1979а, с. 79, рис. 26). Это служит дополнительным аргументом в пользу предложенной датировки всей композиции.

Чаще всего в наскальных рисунках всего евразийского пояса степей независимо от хронологической принадлежности встречается горный козел. Изображения горного козла относятся к числу так называемых сквозных сюжетов. Тем не менее во многих случаях по стилистическим особенностям можно определить их хронологию. Это касается рисунков, выполненных в типично скифо-сакском зверином стиле. Здесь выделяются две группы горных козлов: с закрученными рогами и выполненные схематично. По технике исполнения и плотности загара обе группы одновременны с остальными рисунками скалы. Фигуры козлов второй группы стилистически в некоторой степени напоминают изображения этих животных, относящиеся к древнетюркскому времени. Это еще раз свидетельствует о более раннем формировании данного стиля, но одновременно требует более осторожного подхода к датировке таких изображений.

Аналогичные изображения зафиксированы на других камнях из урочища Мойнак и других местонахождений данного региона.

На камне 120 (см. рис. 65) изображены два оленя, имеющие те же стилистические элементы, что и животные на оленных камнях: узкое длинное туловище, длинную, плавно изогнутую шею, подчеркнута острый горб над лопатками, чрезмерно вытянутую морду (Самашев, 1981, с. 71—72). У одного показан огромный круглый глаз, характерный для гравюр на оленных камнях. В трактовке ног также наблюдаются сходные черты: они либо коротки, как бы обрублены, либо слегка согнуты в суставе. В отличие от изображений на оленных камнях, имеющих длинные идущие вдоль спины рога, в Мойнаке (камни 120, 171, 174А) ствол рога, лишенный пышных отростков, посажен на голову животного строго вертикально либо рогов вовсе нет (см. рис. 62, 63). Эти различия в деталях скорее всего хронологического порядка, но в пределах одной исторической эпохи.

Относительно хронологии оленных камней существуют различные точки зрения (Волков, Новгородова, 1975, с. 78—84; Диков, 1958, с. 43—44, 80; Дэвлет, 1976а, с. 33; 1980, с. 240—241, 1982а, с. 47—53; 1982б, с. 23—25; Гришин, 1975, с. 73—75; Кызласов, 1978, с. 25—30; Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 195; Грязнов, 1978а, с. 15—18; 1978б, с.

226—230; Членова, 1962, с. 277—35; Кубарев, 1979а, с. 91; Савинов, 1979, с. 120—124; Окладников, 1954, с. 210—220; 1980, с. 91; 1984, с. 55; Окладников, Запорожская, 1970, с. 86—88; Вайнштейн, 1974; Килуновская, 1985, с. 60—62 и др.). Если абсолютная хронология оленных камней определяется большинством исследователей в пределах конца эпохи бронзы и первых веков 1 тыс. до н. э., то относительная хронология их еще не разработана, хотя по стилистическим особенностям изображений животных, в первую очередь оленей, выделяется несколько разновременных групп. Более ранними считаются изображения оленей с клювовидными мордами и треугольными выступами на спине (Савинов, 1979, с. 121, 123), но они характерны в основном для Монголии и Забайкалья, в меньшей степени для Тувы и Горного Алтая. В Восточном Казахстане известно несколько изваяний типа Ушкийн-Увера с изображениями оленей рассматриваемого типа. Что касается мойнакских и других экземпляров (аналогичные фигуры известны в петроглифах ущелья Доланалы) (см. рис. 128), то они стилистически близки изображениям оленей третьего варианта (Грязнов, 1978б, с. 226—231) и поэтому могут быть датированы самым концом бронзы — началом 1 тыс. до н. э.

Помимо оленных камней подобные изображения встречаются на скалах Монголии (Волков, 1967, с. 69—87; Окладников, 1980, с. 239—241, табл. 139—141; 1981, табл. 5, 6, 7, 11, 13—144; Новгородова, 1984, рис. 35—36, 39—41, 46), Тувы (Дэвлет, 1976а, 1982а), Горного Алтая (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1979, 1980; 1981; 1982; Кадиков, Скрипин, 1980, с. 148—152; Кубарев, 1979а, с. 109, табл. XI). Тожественные фигурам на оленных камнях изображения оленей обнаружены автором на юге Казахстана — в районах хребта Каратау, Таласского Алатау (Самашев, 1984, с. 464). Однако западнее и южнее Горного Алтая они встречаются крайне редко.

К предсакскому периоду относятся еще две антропоморфные фигуры и сопутствующие им изображения различных животных на камне 181 (см. рис. 49), образующие сложную многофигурную композицию. В данном случае одновременность всей композиции не вызывает сомнения. По форме головного убора (или «рогатой» маски), а также по иконографии в целом антропоморфные фигуры на камне почти тождественны изображениям людей в «рогатых» головных уборах на камне 171. Многофигурные композиции на этих расположенных близко друг от друга камнях выполнены представителями одной этнокультурной группы в одно время. Особую ценность представляют три фигуры косуль или оленух с поджатыми под брюхо ногами (рис. 49; 170, 1, 2). Передние ноги животных положены на задние. Этот признак характерен для иконографии раннескифского времени (Савинов, 1979, с. 122).

Фигуры горных козлов в данной композиции стилистически сходны с изображениями этих животных на камне 171. Это козлы с закрученными рогами.

Многочисленные аналогии из других регионов позволяют датировать ряд сопутствующих лошадям сюжетов концом эпохи бронзы. Это «хвостатые» антропоморфные существа (рис. 78, 79, 169, 171, 172). Часть таких изображений, вероятно, относится к более древнему времени и

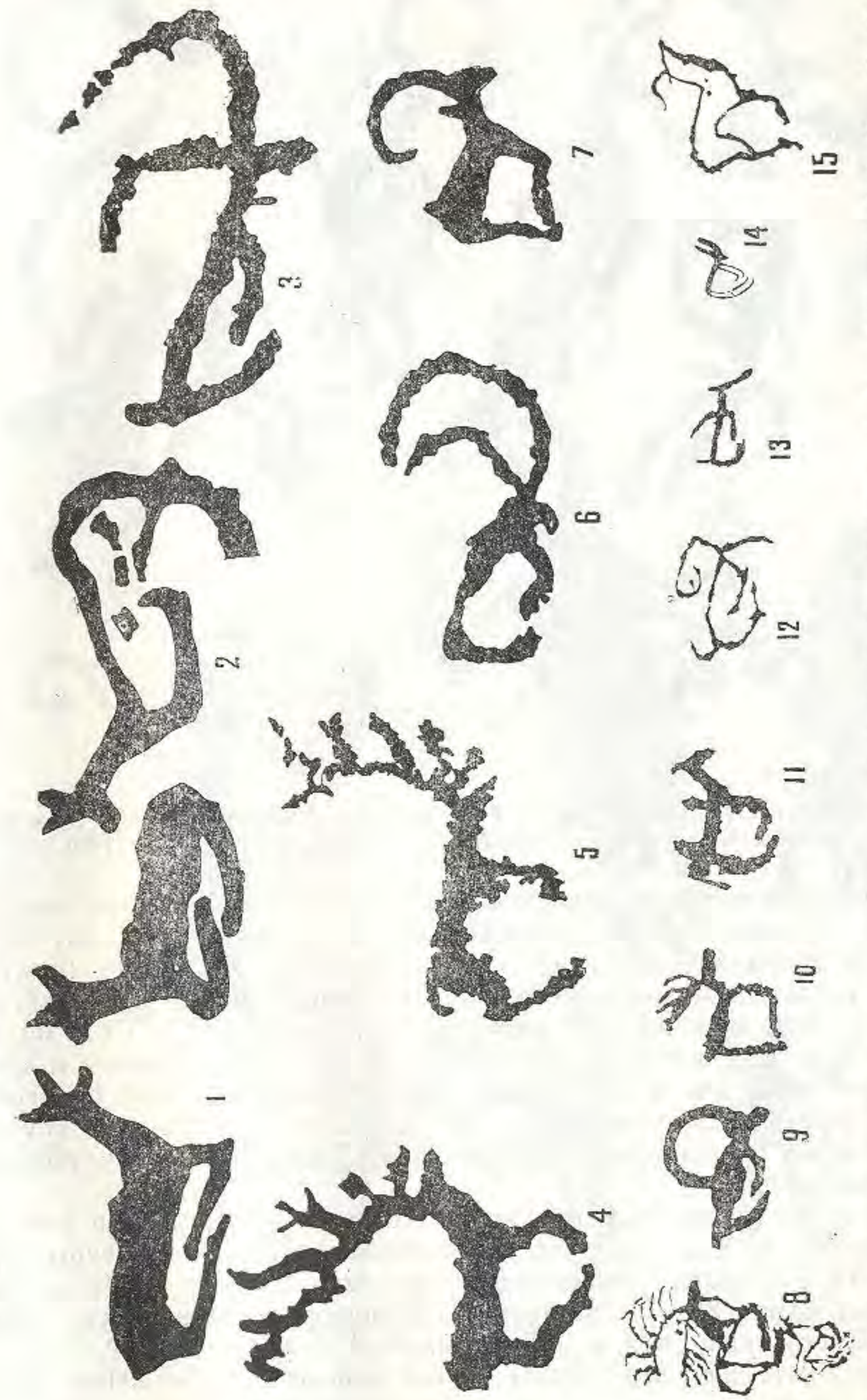

Рис. 170. Изображения животных с подогнутыми ногами: 1, 2, 8, 12, 13 — Мойнак; 3, 6 — Зевакино; 4, 5, 15 — Окей; 7 — Доланалы; 9, 10 — Никитинка; 11, 14 — Меновное

Рис. 171. Изображения ряженных: 1, 4—6 — Тамгалы (Максимова, 1958; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985); 2, 3, 7, 8 — Саймалы-Таш (Шер, 1980)

может быть синхронна древнейшим повозкам и зооантропоморфным изображениям, выполненным в битреугольном (или прямоугольном) стиле. Но три «хвостатых» лучника на камне 44 из уш. Доланалы (см. рис. 129, 130) имеют композиционные связи с изображениями лошадей, выполненных в том же стиле, что и на камне 171 из Мойнака. Судя по интенсивности загара и технике исполнения «хвостатые» лучники и лошади одновременны, как и все остальные изображения этой плоскости, среди которых круги со спицами и без спиц, прямоугольные и круглые знаки, а также зооморфные фигуры (всего на камне насчитывается около 40 петроглифов).

К этому же времени, вероятно, относятся и изображения «хвостатых» лучников из Елангаша, вблизи которых высечены фигуры дерущихся коней, по стилю и иконографически очень близкие рисункам двух лошадей на камне 80 ур. Мойнак (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1979, с. 125, табл. 84, 1, 2; табл. 92, рис. 2).

Может быть, несколько позже возник еще ряд изображений. Выделяющийся среди них силуэтный рисунок кабана из Зевакино (рис. 173,

Рис. 172. Изображения ряженных людей с жезлами: 1 — ур. Карасай, Киргизский хребет; 2—6 — Тамгалы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985); 7 — Валкамоника (Хлобыстина, 1967, с. 249, рис. 2)

Рис. 173. Изображения кабана раннесакского времени: 1 — Зевакино; 2 — Тамураши (Черников, 1947); 3—6 — Чиликтинский курган (Черников, 1965); 7—14 — Тува (Дэвлет, 1976; Кызласов, 1979); 15 — Ур-Марал (Гапоненко, 1963); 16—18 — Джунгарский Алатау (Марьяшев, 1980); 19 — Монголия (Волков, 1981)

1) принадлежит к раннему этапу скифо-сибирского звериного стиля. На это указывает общая компоновка изображения, характерная для реалистического искусства, особенно трактовка ног, глаза, загривка, клыков.

Аналогии «позднекарасукскому» и скифо-сибирскому звериному стилю последующих этапов имеются на других оленных камнях и в петроглифах Монголии (Волков, 1981, с. 139, 228, рис. 6; Новгородова, 1981, с. 166, рис. а, б), Алтая (Кубарев, 1979а, с. 107, табл. IX, 3), в петроглифах Тувы (Дэвлет, 1982а, с. 61, табл. 11), Семиречья (Марьяшев, 1980а, с. 307, рис. 2; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, рис. 65),

Южного Казахстана (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 208, рис. 107; Медоев, 1979, табл. 20, 22, 28). Известны они и в произведениях прикладного искусства соседних регионов (Кадырбаев, 1966, с. 397, рис. 1; 1974, с. 43, рис. 11; Членова, 1967, с. 273, табл. 23; с. 282; Савинов, Членова, 1978, с. 88, рис. 4, 3; Завитухина, 1983, рис. 50—88). Изображения кабанов, выполненные в аналогичной манере, встречаются и в петроглифах Мойнака. Так, на центральном блоке камня 171, рядом с изображениями лошадей и козлов запечатлена фигура кабана со слегка опущенной мордой, мощным корпусом (см. рис. 53). На камне 138 (см. рис. 77) корпус кабана выполнен выбивкой по корпусу, затем внутреннее пространство заполнено выбоинами. Показан круглый глаз, ноги слегка направлены вперед, животное зафиксировано в позе внезапной остановки. Наконец, еще на одном камне изображены пять фигур кабана, принадлежность которых к ранним образцам звериного стиля не вызывает сомнений, хотя техническое исполнение несколько небрежно (см. рис. 76).

Благодаря изображению зевакинского кабана мы имеем возможность датировать и некоторые другие, сопутствующие ему, а также рисунки на других камнях. Ниже фигуры кабана на этом же камне (см. рис. 161) изображено животное, у которого мышца предплечья и круп показаны в виде округлого просвета, не тронутого выбивкой. Аналогичная зооморфная фигура (верблюд?) изображена на камне 8. Мышцы передних ног трактованы, как в предыдущем случае. Туловище, переданное контуром, декорировано вертикальными и горизонтальными полосами. Обычно на фигурах животных и зверей, сделанных из металла, кости и других материалов в раннескифском стиле, такие элементы подчеркиваются выпуклостями, дополнительными линиями и другими доступными приемами. На плоскости скалы такие приемы исключаются (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 190—192). Художник же стремился оттенить эти существенные с точки зрения изобразительного канона элементы. Такой прием характерен и для некоторых изображений кабанов на оленных камнях Тувы (Кызласов, 1979, с. 48, рис. 29, 1; Дэвлет, 1976а, с. 36, рис. 19, 1).

Изображение горного козла на камне 8 имеет самостоятельный датирующий признак. Морда животного моделирована, как у многих раннескифских бронзовых скульптур, в виде круглой ямки, шея круто поднята (см. Мартынов, 1979, с. 197—198, табл. 44—45; Завитухина, 1983, рис. 1—39).

Судя по приведенным аналогиям, изображения кабанов зевакинского типа характерны как для предсакского, так и для раннесакского времени. В раннесакское время они сосуществовали с другими вариантами изображений этого зверя (Гапоненко, 1963, с. 102—109; Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 194). Вероятно, в этот период появляются изображения кабанов с четырьмя ногами при сохранении общей моделировки позы и других элементов, характерных для «позднекарасукского» этапа скифо-сибирского звериного стиля.

Зевакинские петроглифы интересны и в аспекте установления связи между наскальными изображениями и погребальными памятника-

ми, расположенными рядом с ними. Иными словами, можно ли говорить в таких случаях об их синхронности и принадлежности какой-то одной этнической группе. Предсакский или раннесакский возраст рассмотренной фигуры кабана и сопутствующих изображений не вызывает сомнений. На северном склоне сопки с рисунками находится погребальный комплекс, состоящий из овальных и прямоугольных в плане оград, к которым примыкают от 2 до 12 пристроек. Они содержали одиночные и коллективные захоронения, совершенные в грунтовых ямах. Погребенные лежали в скорченном положении, преимущественно на правом боку, головой на юго-запад и юг.

Среди сопровождающего инвентаря имеется глиняный сосуд бачоной формы, орнаментированный по шейке косыми линиями и «жемчужником». Аналогичные по форме сосуды есть в памятниках могильника Карасук в Южной Сибири, и датируются они IX в. до н. э. (Арсланова, 1974, с. 51).

Хронологические же рамки погребального комплекса определяются набором 17 бронзовых ножей. По классификации Ф. Х. Арслановой, основанной на анализе форм наверший и очертаний лезвия, эти ножи отнесены к числу карасукско-тагарских, т. е. к VIII—VII вв. до н. э. (Арсланова, 1974, с. 60). Анализ другого инвентаря — украшений, орудий труда — подтверждает предложенную датировку (Арсланова, 1974б, с. 58—59). Соглашаясь с такой датой, Н. Л. Членова относит весь комплекс к андроновским памятникам федоровского типа (1983, с. 30—32). Однако с учетом современного представления о сложении сакской культуры комплекс может быть удревнен. Во всяком случае, верхняя граница может быть определена VIII или, скорее всего, IX в. до н. э.

Таким образом, между определенной группой петроглифов и погребальным комплексом существуют конкретные хронологические и топографические связи, позволяющие говорить с принадлежности этих археологических памятников представителям одной этнической группы, поддерживавшей тесные этнокультурные контакты с соседними племенами.

Предметы вооружения как один из важнейших компонентов материальной культуры народа служат в большинстве случаев хронологическим индикатором для целого ряда петроглифических комплексов благодаря относительно лучшей разработанности типологии их реальных прототипов. Кроме того, «они могут привлекаться для реконструкции комплекса вооружения, определения родов войск и тактики ведения боя, для общей характеристики уровня развития военного искусства» (Окладников, Худяков, 1981, с. 22).

Изображенный в окрестностях с. Курчум воин в грибовидном головном уборе и с «хвостом» держит в руках копьё с четко выделенным наконечником треугольной формы, что является редкостью в памятниках этого круга (рис. 105; 174, 7). Предсакско-раннесакской датировке этого изображения, на первый взгляд, не противоречит анализ сопутствующих изображений оленя и сайги (?). Оба животных показаны в момент внезапной остановки: задние ноги согнуты и направлены вперед.

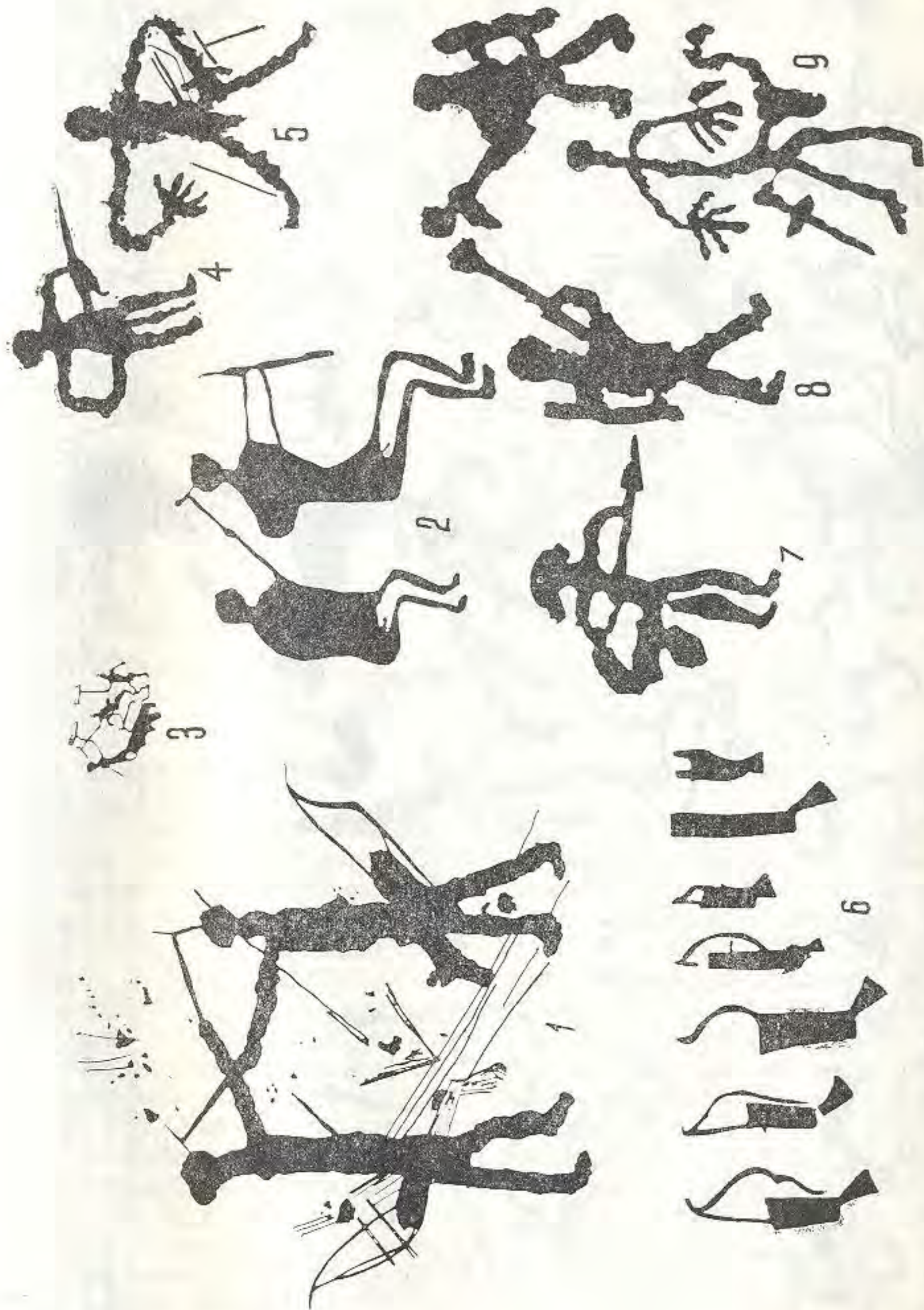

Рис. 174. Изображения людей и оружия: 1, 5, 8 — Сагыр I, II; 2 — Монголия (Новгородова, 1978); 3 — Арлаузен VIII (Кадырбаев, Марьяшев, 1977); 4 — Окей; 6 — оленные камни Монголии (Волков, 1981); 7 — Курчум; 9 — Зевакино

Рис. 175. Изображения раннесакского времени: 1 — Тулькуне; 2, 23 — Мойнак; 3 — Доланалы; 4 — Нарбота; 5, 9 — Окёй; 6 — Меновное; 7, 8 — Зевакино; 10 — Майэми; 11 — Аржан; 12, 17 — Ур-Марал; 13 — Верхний Енисей (Дэвлет, 1982); 16 — Монголия (Волков, 1981); 18 — Тамураши II (Черников, 1947); 19, 20, 22 — р. Терс, Малый Каратау; 21 — Елангац (Окладников и др., 1979); 24 — Бураты (Ешелкин, 1974); 25 — Сакар-Чага III, Северная Туркмения (Яблонский, 1984); 26 — Арпаузен V (Кадырбаев, Марьяшев, 1977)

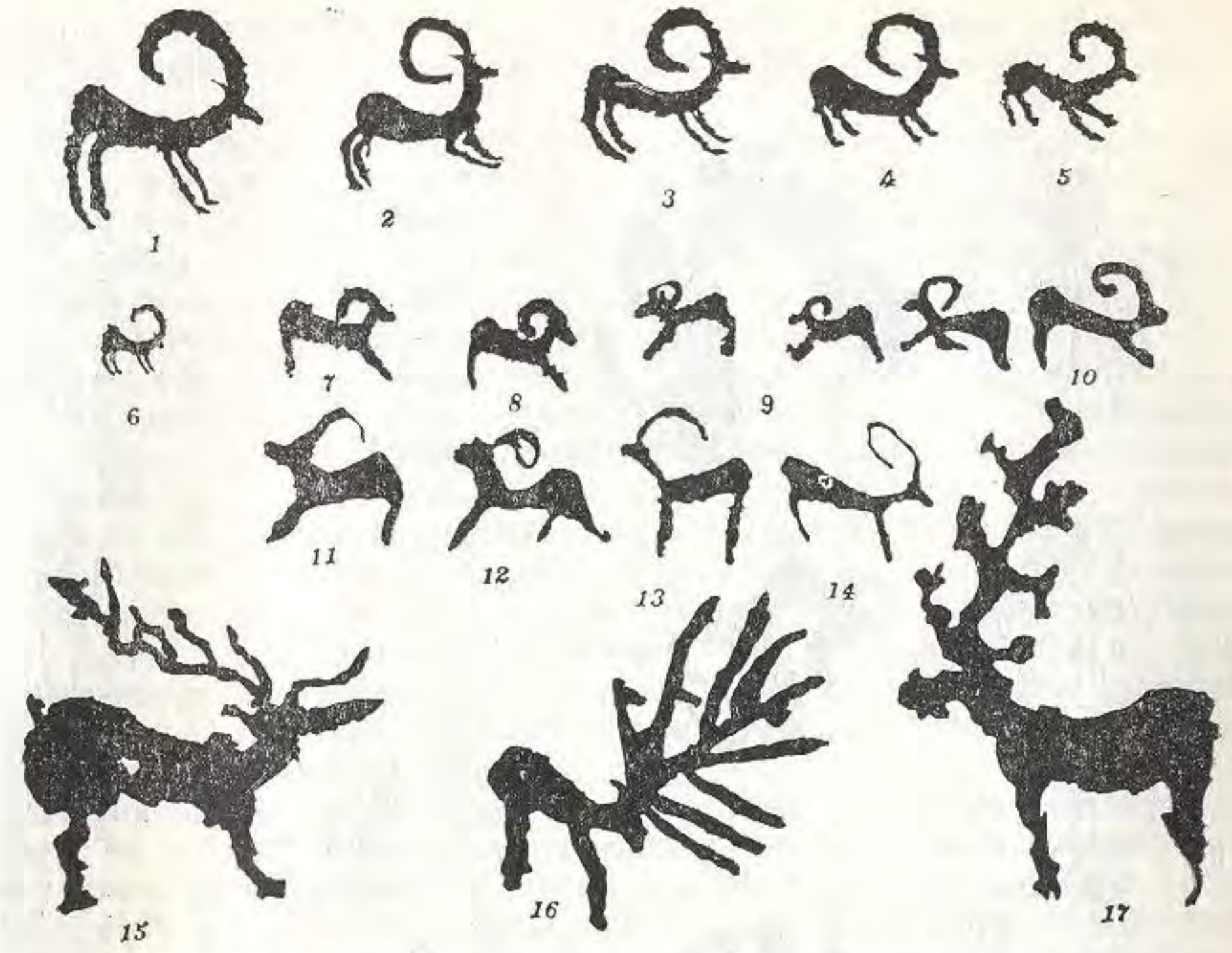

Рис. 176. Изображения животных сакского времени с приподнятым крупом: 1—8, 15 — Курчум; 9 — Мойнак; 10, 16 — Доланалы; 11—14 — Сагыр II

Рога оленя трактовкой напоминают некоторые раннесакские образцы (рис. 64, 170, 175—177).

Чеканы как наступательное оружие ближнего боя были распространены в Сибири и Центральной Азии еще в эпоху бронзы, особенно в карасукское время (Членова, 1972; Волков, 1981 и др.). Изображения чеканов и боевых топоров имеются на оленных камнях (Кубарев, 1979а, табл. XVI) Тувы (Маннай-оол, 1970, с. 25, рис. 2; Кызласов, 1978, с. 28, рис. 2, 3; Грач, 1980, с. 253, рис. 115) и Монголии (Волков, 1981, с. 106—107, 231). На территории Казахстана аналогичное оружие зафиксировано в петроглифах Тамгалы, относящихся к эпохе бронзы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 34, рис. 8), но по некоторым деталям оно отличается от типичных чеканов, представленных в петроглифах хр. Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 131, рис. 80, с. 182) и особенно Восточного Казахстана (см. рис. 26; 174, 1, 3, 5).

Наскальное изображение сражения пешеходных воинов из Сагыра (Самашев, 1976, с. 523) интересно прежде всего тем, что иллюстрирует способ применения этого боевого оружия в пешем бою. Судя по этой и другим известным наскальным сценам поединков из других регионов (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, рис. 80; Новгородова, 1978, с. 192—206), удары чеканами в пешем бою наносили главным образом по голове.

Рис. 177. Фигуры оленя с подогнутыми ногами: 1 — Сагыр I; 2—5 — Чиликтинский курган (Черников, 1965); 6 — скала на р. Терс, хребет Малый Каратау; 7 — Елангаш (Окладников и др., 1979); 8 — Монголия (Волков, 1981); 9 — Мойнак; 10 — Коостромский курган; 11 — Полтавская обл.; 12 — Мельгуновский курган; 13 — Зивие (С. С. Черников, 1965, рис. 10—13); 14 — Южная Сибирь (Мартынов, 1979)

Об этом свидетельствуют и находки в горно-алтайских погребениях скифского времени черепов со следами ударов чеканами (Кубарев, 1979а, с. 65).

Н. Л. Членова считает, что «кинжалы и чеканы — оружие рукопашного боя, использовавшееся пешими воинами; стрелы — оружие дальнего боя и в скифское время употреблялись главным образом всадниками» (1967, с. 39). По ее мнению, «в погребениях, где оружием служили кинжалы и чеканы, не бывает бронзовых наконечников стрел, и наоборот» (Членова, 1967, с. 39). Однако наличие в ур. Сагыр луков, подвешенных к поясам сражающихся, свидетельствует, что и чекан, и сложный лук входили в комплект вооружения пеших воинов в раннесакский период. Вероятно, на всем протяжении скифо-сакского времени чеканы как боевое оружие использовались не только в пешем, но и в конном сражении. Они часто встречаются в погребениях всадников Горного Алтая (Кубарев, 1979а, с. 65—66). Из ур. Сагыр происходит и композиция, изображающая двух людей, держащих на поводу по одному коню. К поясу одного из них подвешены сложный лук и чекан, по формам идентичные описанным выше (см. рис. 9). Судя по этому рисунку и находкам в курганах соседних регионов (Грач, 1980, с. 33), чеканы носили рукоятью вниз.

Наскальные изображения чеканов не позволяют в полной мере судить о их деталях и разработать типологическую классификацию, как это делается при изучении военного дела того или иного региона (Мартынов, 1979, с. 49—52; Худяков, 1980б, с. 135—144). Невозможно определить, например, проушные они или с выступающей втулкой. У всех известных на территории Казахстана изображений чеканов соотношение бойка и обуха почти равно (см. рис. 174, 1, 3, 5). Вполне возможно, что они демонстрируют двухбойковые чеканы.

Изображения луков предсакского и раннесакского времени известны в бассейне Верхнего Иртыша по оленным камням (Адрианов, 1916, с. 72—79; Арсланова, 1984, с. 449). Все они, как на восточно-алтайских оленных камнях, в основном показаны на поясе (Кубарев, 1979а, с. 69). Это сложный лук, широко распространенный в Скифии и в восточных частях евразийских степей (Черненко, 1979, с. 70—71; 1981, с. 7—21; Хазанов, 1971, с. 28—35; Литвинский, 1972, с. 83—89 и др.).

В петроглифах Восточного Казахстана, как, впрочем, и соседних регионов, чрезвычайно широко распространены простые и сложные луки. К раннесакскому времени несомненно относится лишь несколько изображений луков: в сцене сражения пеших воинов с подвешенными к поясам луками; в рисунке воина с конем на поводу (см. рис. 174, 1, 5), а также пешего воина из Зевакино (см. рис. 164). Здесь, несомненно, изображены сложные луки скифского типа, с сильно изогнутыми концами и крутыми плечами. В двух случаях они встречаются в совокупности с чеканами, в одном — с кинжалом, что служит основанием для отнесения анализируемых изображений к раннесакскому времени.

Колчаны, гориты для луков подвешены к поясам сагырских воинов (см. рис. 174, 1). Достоверного изображения колчана (со стрелами) как воинского снаряжения, предназначенного для хранения и ношения

стрел, нет на оленных камнях во всем ареале их распространения. Нет их и среди наскальных изображений, хотя, как полагает В. Д. Кубарев, они, возможно, и подразумевались, поскольку изображения налучья на восточно-алтайских оленных камнях аналогичны по форме и способу крепления к поясу изображениям колчанов на этих же камнях. Он также допускает, что вместе со стрелами в колчаны вкладывали луки (Кубарев, 1981, с. 72). Ссылаясь на опубликованный нами рисунок, В. В. Волков поддержал В. Д. Кубарева, отождествлявшего «изображения в виде вытянутых прямоугольников с выступами в нижней части на оленных камнях с колчанами уландрыкского могильника», но с оговоркой, что луки могли быть привязаны к колчанам, как это, например, иногда практиковалось у скифов (Волков, 1981, с. 89).

Действительно, изображения двух «колчанов» из ур. Сагыр, расположенные как бы наискось на концах, имеют геометрической формы выступы и перехват. Аналогичные детали прослеживаются и на северокавказских оленных камнях (Савинов, Членова, 1980, с. 4—5, рис. 1—2; Членова, 1984, с. 6—17), но особенно часто — на оленных камнях Забайкалья, Монголии, Тувы и Горного Алтая. В. Д. Кубарев считает, что они предназначены для свободного и компактного размещения наконечников стрел (1979а, с. 68). Возможно, это так. Но в нашем случае луки изображены наполовину выглядывающими из футляра. Этот факт позволяет предположить, что в сцене сражения пеших воинов из ур. Сагыр запечатлен горит — универсальное и во многом рациональное снаряжение для ношения и лука, и стрел.

Наиболее близкие иконографические параллели сагырским горитам имеются на оленных камнях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии, т. е. в памятниках тех регионов, которые непосредственно примыкают к исследуемой территории. В. Д. Кубарев считает, что кочевники Горного Алтая в скифо-сакское время пользовались и колчанами, и горитами (1981, с. 72). На оленных же камнях Монголии, по утверждению В. В. Волкова, изображались преимущественно гориты (1981, с. 232, рис. 33, 6). Проанализировав большое число предметов скифской торевтики и монументальной скульптуры, Е. В. Черненко высказал мнение о преимущественном распространении горитов в скифской среде (Черненко, 1981, с. 51).

В. В. Волков обратил внимание, что у одного из воинов в наскальной сцене из Сагыра лук выбит рядом с корпусом горита, и только тетива словно входит в него, как на некоторых стелах Монгольского Алтая (Волков, 1981, с. 88—89). Если впечатление В. В. Волкова относительно привязанных к горитам луков верно, то в данном случае можно говорить об особом способе ношения лука в раннесакское время.

Форма «колчана» из Зевакино (см. рис. 174, 9) существенно отличается от сагырских. В нижней его части нет геометрической формы выступа. Он классической «скифской» формы: правая сторона прямая, а левая за счет закругленного нижнего и резко расширенного верхнего краев приобретает сильно изогнутый абрис. Верх горита имеет два выступа, как бы образующие вырез, типичный для скифских. Лук изображен без тетивы (может быть, она стерлась со временем, а может

быть, он запечатлен в положении без натянутой тетивы). Многочисленные изображения приемов натягивания на лук тетивы (например, на сосуде из Куль-Обы, на реверсах античных монет, на рельефе Ашшурбанипала), а также письменные источники (Черненко, 1981, с. 115, рис. 77—80) косвенно свидетельствуют о ношении этого оружия если не всегда, то в некоторых случаях без тетивы.

Находки колчанов, пригодных для реконструкции, в погребениях редки. Остатки колчана найдены в кургане 5 чиликтинского могильника, датируемого раннесакским, т. е. рубежом VII—VI вв. до н. э., а возможно, еще более ранним временем (Черников, 1965, с. 27, 65; Марсаолов, 1985, с. 11). Аналогичные находки скифо-сакского времени сделаны в Горном Алтае (Кубарев, 1981 с. 65—74), в Монголии (Волков, 1978, с. 103) и в Туве (Грач, 1980, с. 34).

В ур. Сагыр рядом с изображениями людей, сражающихся чеканами, высечены два пеших воина с палицами (см. рис. 25). Палицы-дубинки появляются в петроглифах Казахстана, по-видимому, примерно с середины II тыс. до н. э. Как оружие ближнего боя палица и ее разновидности применялись на протяжении тысячелетий, вплоть до конца XIX—начала XX в. Изображения птиц из ур. Сагыр иллюстрируют способы применения их в пешем бою.

Поскольку классификация палиц как боевого оружия еще не разработана и они не претерпели существенных модификаций вплоть до этнографической современности, дата изображений из ур. Сагыр определялась по косвенным данным. По технике выбивки и интенсивности пустынного загара они идентичны изображениям воинов с чеканами и луками в горитах, высеченным на соседнем камне и относящимся к раннесакскому времени. Кроме того, рядом с воинами, вооруженными палицами, показаны две фигуры лошадей, стилистически полностью соответствующие изображениям этих животных на камне 171 из ур. Мойнак и датированные нами предсакско-раннесакским временем (см. рис. 167). Этим временем, видимо, следует датировать изображения людей с палицами.

На спинах воинов с палицами изображены вертикальные полосы, соединенные короткими линиями (очевидно, обозначающими перекидные ремни для ношения) с линиями спины и квалифицируемые нами как защитное вооружение — щит (см. рис. 25). Профильное изображение щита не позволяет судить о его форме. Пятиугольные предметы, изображенные на оленных камнях Монголии, вызывают противоречивые мнения. Одни считают, что они символизируют грудную клетку, подобно шаманским костюмам (Вайнштейн, 1974, с. 30), другие — что это изображения щитов (Дэвлет, 1976б, с. 232—236; Волков, 1981, с. 89—90). Они могут означать какую-то деталь декора одежды человека, в честь которого воздвигнут этот монумент. Если все-таки это щиты, то можно говорить о применении в конце эпохи бронзы и в раннесакское время прямоугольных щитов с треугольными выступами в верхней части. В нашем случае, возможно, представлены прямоугольные щиты. Судя по изображениям на предметах торевтики, они наряду с другими формами применялись у европейских скифов. Разные формы щитов

показаны на скульптурной композиции гребня из кургана Солохи, относящейся к несколько более позднему периоду (конец V — начало IV в. до н. э.).

К поясу воина, изображенного на скале из Зевакино, кроме горита подвешен кинжал (рис. 174, 9). Он имеет брусковидное навершие, бабочковидное перекрытие, узкий клинок и округлый кончик. По своим морфологическим признакам он больше напоминает меч.

Типологически эти кинжалы отличаются от образцов, изображенных на оленных камнях Монголии и на камне 171 из Мойнака (см. рис. 56, 1), датирующихся предсакским или раннесакским временем. По мнению исследователей, именно «карасукоидные» образцы служили прототипами для бронзовых кинжалов-акинаков раннесакского периода. На территории Восточного Казахстана, включая Семипалатинское и Павлодарское Прииртышье, найдены различные варианты бронзовых кинжалов, относящихся к раннему этапу сакской культуры (Акишев, 1973, с. 44, табл. 1; Акишев, Акишев, 1978, с. 59—62; Членова, 1982, с. 34—40; Кадырбаев, 1966, с. 344, рис. 38). Кинжалы и мечи раннесакского времени различных вариаций известны и в соседних регионах. В этой связи представляется убедительной идея А. И. Тереножкина о формировании раннесакских и раннескифских кинжалов на карасукской основе в глубинах Азии и о том, что «смена доскифских кинжалов и мечей скифскими происходила приблизительно в середине VII в. до н. э. (Тереножкин, 1975, с. 30, табл. 21—22). Таким образом, изображение кинжала на скале из Зевакино в абсолютных рамках может быть отнесено к первой половине I тыс. до н. э., точнее, к VIII—VII в. до н. э. Изображения кинжалов раннескифского времени известны на оленных камнях Восточного Алтая, датируемых VII—V вв. до н. э. (Кубарев, 1979а, с. 114, табл. XVI), в петроглифах Елангаша (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1979, с. 68, табл. 27, 1), а также в горах Оглахты в Минусинской котловине (Пяткин, 1985, с. 116—127) и в ряде других регионов Сибири.

Представляет интерес бронзовый кинжал из Текели (Восточное Семиречье), датированный второй половиной VIII — началом VII в. до н. э., когда в Семиречье уже сложилась сакская культура (Акишев, Акишев, 1978, с. 59—63, рис. 9). Существует мнение, что данный образец является местной вариацией карасукской линии развития (Акишев, 1978, с. 60). Вероятно, есть основание отнести текелийский кинжал к числу «карасукоидных» изображенных на оленных камнях Монголии, датировать предсакским временем (X—IX вв. до н. э.?) и сопоставить с изображением кинжала на камне 171 из ур. Мойнак (см. рис. 56, 1). Разумеется, при этом нельзя отрицать функционирование таких форм кинжалов в несколько более позднее время, но в пределах VII в. до н. э.

Таким образом, в предсакское и раннесакское время у племен верховьев Иртыша, судя по наскальным изображениям, имелось наступательное вооружение как ближнего (кинжалы, чеканы, палицы, копья), так и дистанционного (лук и стрелы) боя, воинское снаряжение (горит для хранения и ношения лука и стрел), а также защитное вооружение

(шит). Археологические данные свидетельствуют о наличии у саков бронзовых шлемов (Галанина, 1985, с. 169—183), хотя в петроглифах они не прослеживаются достаточно ясно.

ИЗОБРАЖЕНИЯ РАЗВИТОГО САКСКОГО ВРЕМЕНИ

По существующей хронологии памятников эпохи раннего железа Восточного Казахстана, развитое сакское время совпадает с так называемым берельским этапом (V—IV вв. до н. э.), следующим за майэмирским (История Казахской ССР, с. 255—264). Майэмирский этап сейчас ограничивается VIII—VII — первой четвертью VI в. до н. э. (Марсадов, 1985, с. 11), а завершающий кулажургинский — IV в. до н. э. — первыми веками н. э. При учете указанных поправок в дальнейшем возможны корректировки хронологических рамок периода развитого сакского времени. Вначале наиболее существенные элементы реалистической традиции раннесакского стиля в петроглифах сохраняются. К этому времени могут быть отнесены изображения оленей, козлов и других животных (рис. 64, 170, 178, 179). Затем рисунки становятся менее реалистичными, упрощенными и схематичными. Исчезает, например, неперенный для раннесакского времени элемент — треугольный выступ на спине. Начинают преобладать орнаментально-стилизированные изображения животных, со спиральными завитками, вертикальными и горизонтальными полосками на теле. К такому относится изображение оленя из Сагыра II, корпус которого украшен несколькими вертикальными полосками (см. рис. 31). Уже в раннем средневековье к этой фигуре подрисованы конный лучник и стрелы с оперениями. В ур. Доланалы зафиксировано изображение козла, корпус которого украшен спиралевидным завитком (см. рис. 122). Такими же декоративными элементами наделен корпус оленя с подогнутыми ногами, зафиксированный на сопке Тулькуне (см. рис. 95). Аналогичные изображения животных из Катона С. С. Сорокии датирует пазарыкским временем (1967, с. 55).

Рисунков развитого сакского времени мало. Судя по многочисленным ярким открытиям (Пазарык, курган Иссык, амударьинский клад и др.), в это время в кочевнических обществах акцент переносится на мобильные формы изобразительного искусства, воплощаемые в металле, кости и дереве, а наскальное изобразительное творчество несколько затухает.

Невозможно пока с достаточной уверенностью выделить пласт рисунков гунно-сарматского времени. Этот период в Восточном Казахстане представлен памятниками кулажургинского типа. Инвентарь и обряд погребения кулажургинцев отражают сложную этнополитическую ситуацию на Алтае, в Восточном Казахстане и в Семиречье, сложившуюся в результате перемещений различных племен и народов, в том числе гуннов. Вполне возможно, что в такой обстановке выразительные памятники наскального искусства не создавались или же часть населения верховий Иртыша мигрировала.

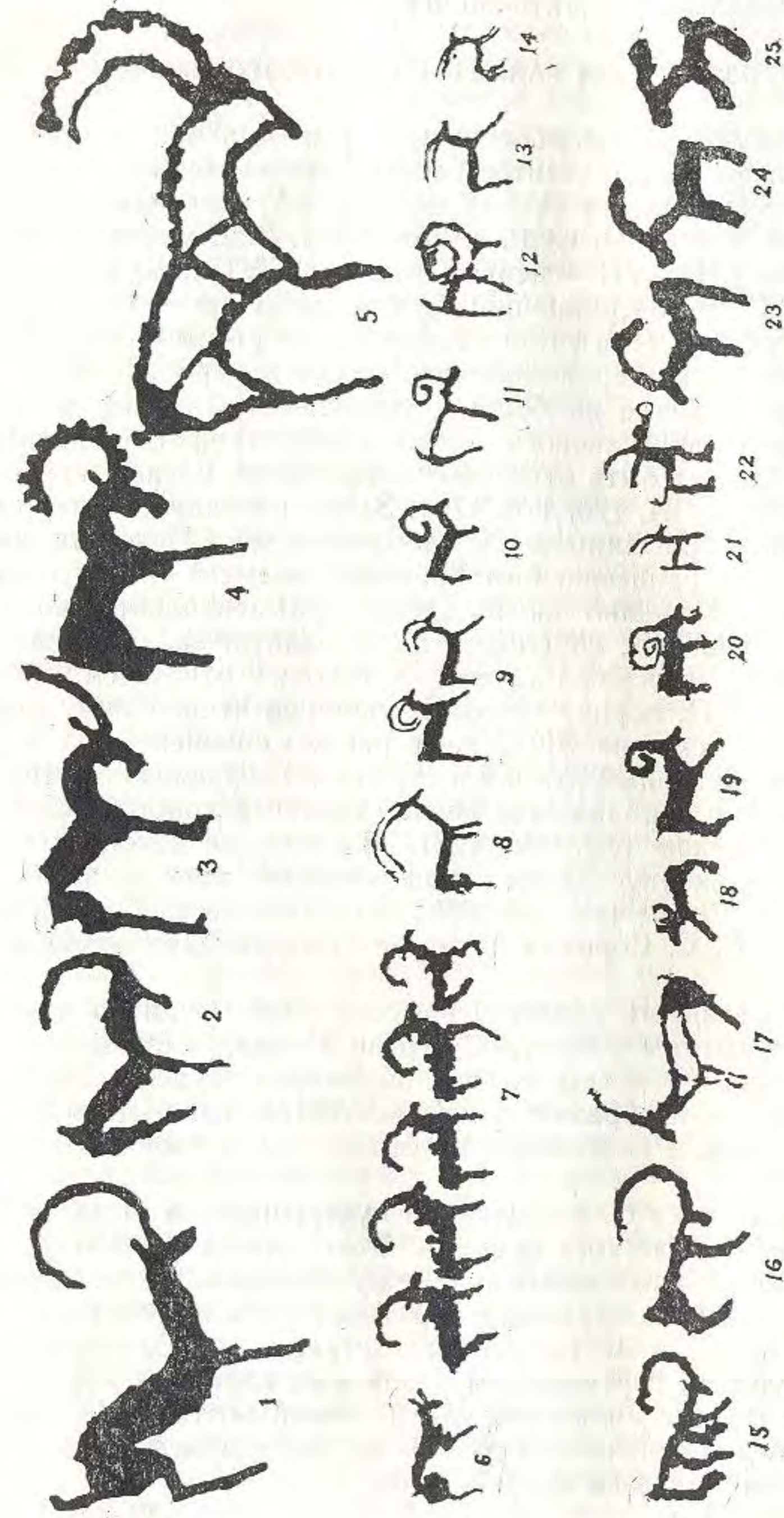

Рис. 178. Изображения горного козла сакского времени: 1, 6, 17, 21 — Нарбота; 2 — Доланалы; 3, 4 — Чернявка; 5, 7 — 10, 13, 14 — Окей; 11, 12, 18, 19, 20 — Мойнак; 15, 16 — Меновное; 22 — Зевакино; 23—25 — Сагыр I

Рис. 179. Изображения козла сакского времени: 1—6 — Нарбота; 7 — Никитинка; 8—30 — Окей

Один из наиболее распространенных сюжетов в петроглифах эпохи раннего и развитого средневековья — всадник на коне с различными реалиями и воинскими атрибутами. Этот образ встречается на огромном пространстве от Дальнего Востока до Придунайских степей и включает в себе наиболее достоверные элементы для хронологической атрибуции средневековых петроглифов.

Поскольку образ воина-всадника в изобразительном искусстве средневековых кочевников Евразии является канонизированным сюжетом прокламативного характера и в известной степени отражает военно-политический характер степных государственных образований на разных стадиях развития, представляется целесообразным рассматривать прибайкальские, казахстанские и восточно-европейские изображения конных воинов в совокупности (рис. 180, 181).

Основным диагностическим элементом, позволяющим выделить древнетюркский пласт наскальных изображений пояса степей, является **знамя**. В древнетюркских письменных источниках неоднократно упоминается туг — прямоугольное полотнище, прикрепленное к шесту, — священный символ родоплеменных объединений, воинских подразделений, власти, полководческого ранга, т. е. официальная инсигния (Вилинбахов, 1985, с. 188). Названия туг, ту, байрак сохранились в лексике всех современных тюркоязычных народов.

В петроглифах знамя изображено в виде прямоугольника на верхнем конце шеста, иногда с двумя, тремя и более кистями на широком конце. Классические образцы таких знамен представлены в Прибайкалье, среди курыканских петроглифов (Окладников, Запорожская, 1959, с. 121, рис. 57). Знамена, похожие на ленские, имеются среди петроглифов Семиречья эпохи средневековья (Марьяшев, Ермолаева, 1981, с. 140, рис. 4; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 23). Прибайкальские знамена изображены в вертикальном, реже слегка наклонном положении, а семиреченские — опущенными. По-видимому, петроглифы иллюстрируют «правила» ношения знамени при «парадных выездах» и в походном положении.

Флаги по размерам меньше, чем знамена, по форме прямоугольные, с косицами (иногда в виде треугольных вырезов), реже треугольные. Они также характерны для прибайкальских и семиреченских петроглифов, живописи Пенджикенда и Афрасиаба (Belenizki, 1980, abb. 23, 24; Альбаум, 1975, с. 52—77).

Помимо знамен и флагов в петроглифах встречаются **бунчуки** — пучок конского волоса, прикрепленный к древку копья (Альбаум, 1975, с. 77; Рерих 1962, с. 440—441). Основным критерием определения бунчука является прикрепление его не к специальному шесту, подобно знамени или флагу, обладающим особым семиотическим статусом (Байбурин, 1981, с. 215—226), а к древку копья. Следовательно, сакральная функция бунчука подчинена прагматической функции копья как боевого оружия.

К категории «бунчук» можно отнести не только изображения пуч-

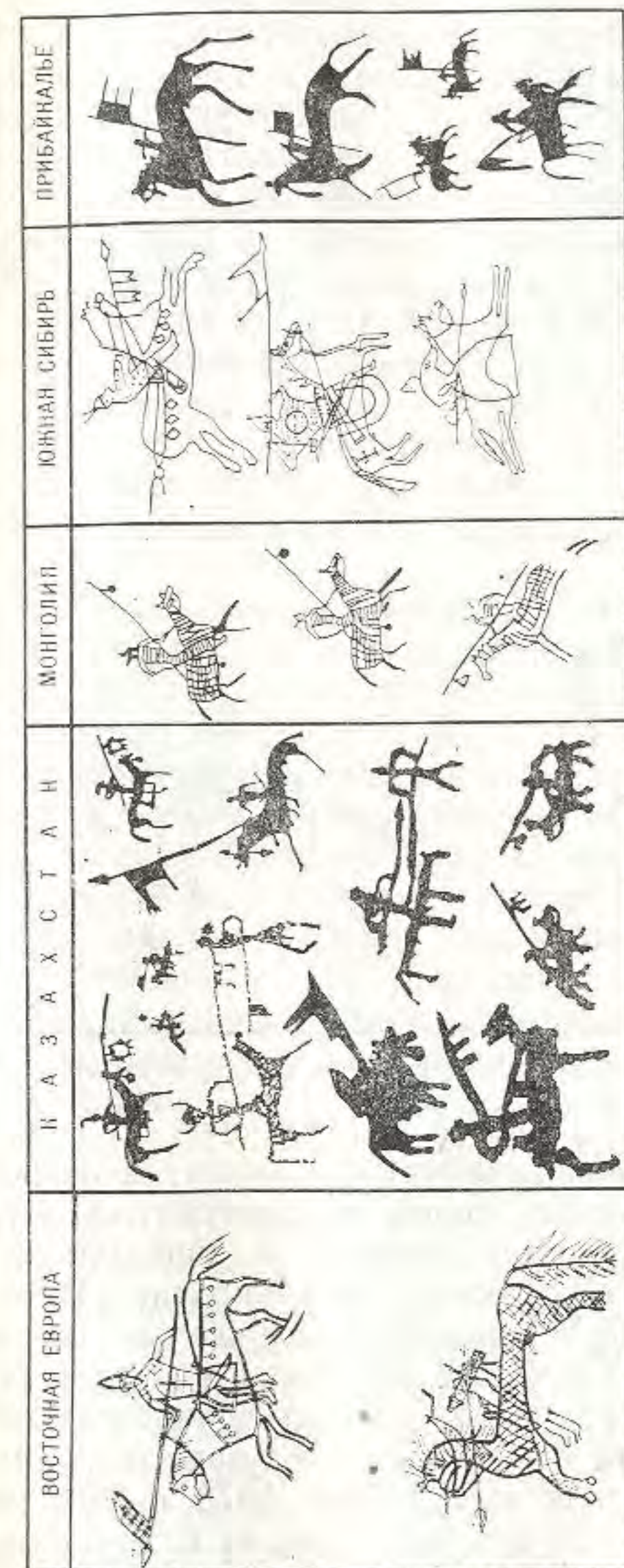

Рис. 180. Изображения конных воинов с символами, атрибутами и предметами вооружения (в графе «Казахстан» три рисунка в нижнем ряду — из Никитинки, остальные — из Семиречья)

Рис. 181. Изображения конных воинов с символами, атрибутами и предметами вооружения

ков конских волос, которые дифференцируются в петроглифах очень плохо, но и закрепленные на копьях продолговатые «флажки» с треугольными вырезами на концах; круглые и треугольные предметы на концах копий хархадских всадников из Монголии (Новгородова, 1984, с. 129, рис. 60); копьё с тремя полосами в руке всадника на верблюде из Восточного Казахстана (см. рис. 44); копьё в зафиксированной в Юго-Западном Прибалхашье сцене боя конного и пешего копейщиков (Медоев, 1979, рис. 59); копьё с «флажками» с треугольными клиньями на концах у преславского всадника (Дончев, 1978, с. 204, рис. 1); изображения на аниковском блюде. Вероятно, форма бунчука не была в эпоху средневековья строго регламентированной, поэтому наскальные изображения в ареале обитания древнетюркских народов самые разнообразные (Emel Esin, 1972, p. 14—36). Такое разнообразие можно объяснить и причинами этнического или социального порядка.

Сакральными символами воинских подразделений или знаками

полководческого ранга были **штанدارты**. К их числу можно отнести две подвешенные к шесту рамчатые фигуры с кистями по периметру, обнаруженные в Семиречье (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 107, рис. 82). Серия изображений штандартов обнаружена в последние годы в районе р. Коксу в Семиречье, еще два в виде трезубца, подвешенного к шестам, — в Восточном Казахстане (см. рис. 40).

Достаточно хорошо разработана классификация **предметов вооружения** средневековых кочевников (Худяков, 1986 и др.) В петроглифах изучаемого периода представлены основные виды как наступательного, так и защитного оружия, а также воинское снаряжение.

Две батальные сцены из Юго-Западного Прибалхашья и Джунгарского Алатау (Медоев, 1979, рис. 59; Акишев, 1981, с. 429), иллюстрируют способы применения копья в ближнем бою. В обоих случаях конные копейщики сражаются с пешими воинами. Треугольный наконечник показан лишь в одном случае — в баян-журекской сцене из Семиречья. Кроме того, у одного знаменосца из Тамгалы древко флага увенчано наконечником треугольной формы. Ромбовидными наконечниками снабжены копьё всадников из Сулека и Восточной Европы (см. рис. 180).

Южно-сибирские и восточно-европейские изображения позволяют судить о способах действия копьем в конном сражении. Так, два всадника из Сулекской писаницы держат копьё одной рукой на уровне пояса в боевом положении (см. рис. 180), а третий — обеими руками на уровне шеи или подбородка. Преславский всадник демонстрирует другой способ действия копьем обеими руками: он держит копьё на уровне груди. Обращает на себя внимание посадка всадника в конном бою как против тяжеловооруженной или легкой кавалерии, так и против пехоты, положение корпуса (наклон, поворот), рук и ног.

О широком бытовании копий у прииртышских кочевников свидетельствуют и находки в погребениях. В кургане 97 Зевакинского могильника, где погребены остатки обожженных костей лошади и человека, найден железный втульчатый наконечник копья (Арсланова, 1972а, с. 58—62, табл. III). Наконечники копий известны в Северо-Восточном Казахстане (Арсланова, 1963, рис. 33), в кыргызских памятниках Южной Сибири (Худяков, 1980б, с. 50—62), Алтая (Худяков, 1981, с. 119—120; Окладникова, 1985, с. 85—88), а также в средневековых памятниках Монголии (Евтюхова, 1948, рис. 1). Бытование найденных в погребениях наконечников копий не выходит за пределы VI—XII вв. н. э. Основная масса относится к IX—X вв. н. э. Этим временем, видимо, следует датировать изображения конных копейщиков в петроглифах Верховного Прииртышья и Семиречья. Что касается сулекских, то они единодушно датируются кыргызским временем (VI—XII вв. н. э.), а восточно-европейские — IX—X вв. н. э. (Плетнева, 1982, с. 110). Этим или же немного более поздним временем, а не VI—VII вв. н. э., как предложила Э. А. Новгородова (1984, с. 134), очевидно, можно датировать и изображения всадников из Монголии.

В средневековых петроглифах Казахстана достоверное изображение сабли известно только в одном случае: в ур. Тамгалы зафиксирована

на фигура конного воина, перекрывающая изображение быка эпохи бронзы. О форме сабли можно судить только по находкам в курганах.

По существующей классификации, рубящее оружие прииртышских средневековых кочевников, как и тюркских племен Алтая, Сибири и Семиречья, включает мечи, палаши и сабли (Плотников, 1981, с. 163). Первые два вида имеют прямые клинки (мечи двулезвийные, палаши однолезвийные) и рукоятки. Они близки и по форме перекрестья. В верховьях Иртыша известны оба типа (Арсланова, 1963, с. 77; 1969, с. 46, табл. 1). Здесь же найдено наибольшее количество сабель (Арсланова, 1972а, с. 67; Плотников, 1981, рис. 1, 2; Самашев, 1983, с. 444—445). Все они однотипные: слабоизогнутый клинок, скошенная в сторону лезвия рукоять, напускное ромбовидное перекрестие. Судя по изогнутости рукояти и видимой части клинка, семиреченский петроглиф иллюстрирует чисто кимакский тип сабли, широко распространенный на указанной территории в IX—X вв. н. э.

Лук — наиболее распространенное наступательное оружие дистанционного боя эпохи средневековья (Савинов, 1981, с. 146—162; 1984). Луки рассматриваемого исторического периода сложносоставные, с костяными накладками. Многочисленны находки накладок на лук в кимакских погребениях Верхнего Прииртышья (Арсланова, 1969, с. 46, табл. 1). Деревянная кибыть лука плохо сохраняется, поэтому в погребениях встречаются лишь ее фрагменты (Арсланова, 1963, с. 77), но по ним и многочисленным изобразительным памятникам можно судить о формах этого оружия. Наскальные изображения лука эпохи средневековья часто трудно отличить от скифо-сакских. Поэтому достоверными следует считать изображения лучников в сочетании с бесспорно тюркскими реалиями и сюжетами, например, конными знаменосцами.

В этом плане бесспорно тюркскими можно считать пеших и конных лучников, изображенных на камне в окрестностях с. Никитинка (см. рис. 40, 41). У пеших лучников более четко показаны сложные м-образные луки с загнутыми концами (Самашев, 1981, с. 75, рис. 3, 1, 2). Здесь, по-видимому, запечатлена батальная сцена: изображены две противостоящие группы пеших лучников в сопровождении конных воинов со штандартами. В левой части камня, среди фигур всадников на верблюде и лошадях, а также козлов изображена аналогичная фигура пешего лучника. В верхней части камня воспроизведены два всадника, у которых луки выглядят несколько иначе, чем у пеших лучников (см. рис. 41), но по трактовке они чрезвычайно близки изображениям луков в руках конных знаменосцев в ур. Тамгалы (Марьяшев, Ермолаева, 1981, с. 143, рис. 9) в Семиречье. Такими же луками вооружены кыргызские пешие и конные воины на Сулекской писанице, всадники на Жалтырак-Таше (Таласский Алатау) (см. рис. 181).

Стрелы и наконечники крайне редки среди петроглифов и из-за аморфности по большей части не могут служить датировочным материалом. Тем не менее сцену охоты из ур. Сагыр (см. рис. 31), где тело оленя пронзено несколькими оперенными стрелами, можно отнести к древнетюркскому времени на основании сопоставления с подобными

изображениями Сулекской писаницы, которая датируется VII—IX вв. н. э. (Евтюхова, 1948, с. 86—90, рис. 177; Самашев, 1981, с. 75, рис. 3, 3).

Значительно реже встречаются изображения наконечников стрел. В петроглифах Верхнего Прииртышья они пока не обнаружены. В ур. Тамгалы их известно несколько: в изображениях конного знаменосца (Марьяшев, Ермолаева, 1981, с. 143, рис. 9), двух лучников и в сцене поединка конного и пешего лучников (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 15, 21, 115, рис. 90). Изображение наконечника стрелы имеется в композиции из Ой-Джайляу в Семиречье (Медоев, 1979, рис. 62). Они плоские треугольные, овально-вытянутые, некоторые, как томары, имеют прямоугольной формы перо, широкое острие и пологие плечики (Худяков, 1980а, с. 95). Отметим, что плоские наконечники стрел известны с IX в. н. э. и наибольшее распространение получили в XI—XII вв. н. э. Наконечники стрел — массовая находка в погребальных памятниках Верхнего Прииртышья.

Прямоугольные предметы, примыкающие к поясам четырех пеших лучников, изображенных на камне из окрестностей с. Никитинка, по-видимому, следует рассматривать как колчаны (см. рис. 40, 41). Представление о форме колчана эпохи средневековья и способе его ношения дают изображения на Сулекской писанице и маяцкий всадник в совокупности с находками в курганах. В двух погребениях кимакского времени зафиксированы остатки колчанов со стрелами (Самашев, 1983, с. 444; Самашев, Арсланова, 1984, с. 465) и портупейными принадлежностями. Хорошо сохранился экземпляр из кургана 6 Бобровского могильника (Арсланова, 1963, с. 78). Такие колчаны характерны и для кыргызских памятников (Худяков, 1980а, с. 112—117). Остатки колчанов, найденные в погребениях, датируются в пределах VIII—X вв. н. э. Этим временем, видимо, датируются и изображения пеших лучников с колчанами из окрестностей с. Никитинка.

Изображения наступательного оружия зафиксированы практически во всем ареале обитания древнетюркских народов, что хорошо согласуется с находками в курганах этого времени.

Экипировка средневекового конного и пешего воина включает боевое наголовье и доспех (Худяков, 1980а, с. 181—130; Кирпичников, 1976, с. 29—43). Изображения шлемов, представленные в основном в Тамгалы, Ой-Джайляу, Теректы и Сарыбулак (Медоев, 1979, рис. 55, 59), несмотря на аморфность, дают возможность в совокупности с другими данными судить об их формах. Шлемы всадников в петроглифах Семиречья и Таласского Алатау сфероконические, в ряде случаев увенчаны плюмажем (см. рис. 181). Как плюмаж можно, наверное, трактовать навершия в виде развилки на шлемах пеших воинов из долины Теректы Юго-Западного Прибалхашья (Медоев, 1979, рис. 55), сулекских и прибайкальских всадников (Асеев, 1980, с. 103). Шлемы некоторых конных воинов из долины р. Теректы и ур. Тамгалы имеют по бокам «рога». Рогатые шлемы известны с древнейших времен и, видимо, на всем протяжении бытования «рога» совмещали защитные и иные (возможно, семантические) функции. К типу рогатых шлемов относятся и хархадские (Новгородова, 1984, с. 132) из Монголии. Шлем конного

знаменосца из Ой-Джайляу островерхий и, по-видимому, с надзатыльником-бармицей. Бармицей снабжены шлемы, изображенные на Сулекской писанице. Аналогичные по форме шлемы употреблялись средневековыми чжурчженскими воинами Приамурья (Медведев, 1981, с. 172—184). Оптимальная форма таких шлемов предопределила их употребление в воинском быту вплоть до XVIII—XIX вв. Казахские шлемы XVIII—XIX вв. повторяют эту форму.

Защитный доспех. Изображения конных воинов из Верхнего Прииртышья и Семиречья не содержат какой-либо информации об одежде. Однако сцена поединка из Теректы, упомянутая выше, изображает спешившихся воинов в длинных «кафтанах». На функцию этих кафтанов как защитных доспехов указывает наличие шлемов, копий и прямых мечей или палашей на поясе воинов, т. е. это полный гарнитур тяжеловооруженного воина (Медоев, 1979, рис. 55). Длинный кольчужный или пластинчатый доспех сражающихся, не характерный для пехоты, подкрепляют наше предположение (Muchalak, 1987, р. 72—86).

В погребальных памятниках Прииртышья и Семиречья крайне редки находки панцирных пластин. Нами зафиксирована одна панцирная пластина под насыпью кимакского кургана могильника Карашат (Самашев, 1983, с. 445). В целом для средневековых кочевников Верхнего Прииртышья и Семиречья больше характерны комплекты вооружения легкой конницы (Плотников, 1981, с. 167). Анализ изображений защитного вооружения в петроглифах Южной Сибири, Монголии осуществлен достаточно полно, поэтому отметим лишь, что все они воспроизводят тяжеловооруженных всадников (Худяков, 1980а, с. 131—138; Новгородова, Горелик, 1980, с. 101—112; Новгородова, 1984, с. 130—134).

В комплект **снаряжения боевого коня** входят седло, стремяна, нагрудные и подхвостные ремни, уздечка, попона (Кирпичников, 1973). В петроглифах иногда видны луки седла, но полное представление о нем можно составить только по находкам в погребениях. Остатки деревянных седел известны на Алтае (Гаврилова, 1965, с. 84—87), в Туве (Кызласов, 1979, с. 135—138), в Восточном Казахстане (Ермолаева, 1983, с. 438). Изображений стремени в верховьях Иртыша нет.

подхвостные ремни, обойма для кистей (от наносного ремня), сердцевидная налобная бляха, «шумящие» бляхи-подвески от узды, деревянные застёжки от пут, остатки деревянных стремян, седла. Местами прослеживались остатки попоны из толстого белого материала. Конь лежал головой на запад. Человек располагался в подбое на спине, головой на восток, южнее коня. Вход в подбой был закрыт бревнами. Справа от человека находился берестяной колчан с железными накопечниками стрел, рядом — портупейные бляшки, слева — слабоизогнутая сабля со скошенной в сторону лезвия рукоятью, у черепа — позолоченные бронзовые серьги, костяная поделка с отверстием и куски шелковой ткани (Самашев, 1983, с. 444—445; Арсланова, Самашев, 1987, с. 122—133). Перед нами типичный представитель легковооруженной конницы IX—X вв. н. э. Его образ, надо полагать, и сохранился в наскальном искусстве племен Верхнего Прииртышья и Семиречья той эпохи.

Непрерывными элементами украшения коня в эпоху средневековья являлись фигурная стрижка гривы в виде трех и более зубцов, стрижка и завязывание особым способом хвоста (Савинов, 1977, с. 31—48). Все это достаточно четко прослеживается как в петроглифах, так и в предметах прикладного искусства, выполненных в металле (например, болгарский сосуд из Венгрии), в кости (Гаврилова, 1965, табл. XVI, 1). На территории Казахстана наскальный рисунок коня с зубчатой стрижкой известен кроме Тамгалы и Прибалхашья в верховьях Иртыша (Черников, 1947, с. 255, рис. 3).

Для средневековых изображений коней характерно подчеркивание султана и челки.

К раннесредневековому времени могут быть отнесены изображения двух всадников в ур. Камысты, в 3 км к югу от с. Бестерек (см. рис. 38), без предметов вооружения и других атрибутов. На возраст петроглифов указывают посадка всадника, стопы ног, направленные так, словно человек опирается на стремяна, положение рук: передний ездок одной рукой держит повод, другой — стремя (2), задний — ст. м. м. м.

из Тувы и Алтая (Грач, 1968, с. 209, рис. 3; Квбарев, 1979б, с. 143, рис. 169; Квбарев, 1979в, с. 143, рис. 170)

Глава IV

СЕМАНТИКА. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Интерпретация наскальных изображений является заключительным и наиболее ответственным этапом в изучении этого вида исторического источника. Сложность проблемы главным образом обусловлена недостаточностью наших знаний о духовной жизни древних людей» (Шер, 1980, с. 258), а также тем, что попытка реконструировать те или иные стороны мировоззрения и идеологии древних народов по наскальным изображениям предполагает в первую очередь «перевод с языка зрительных образов на язык словесных сообщений» (Шер, 1980, с. 257), что не всегда может быть адекватным. При такой «перекодировке», безусловно, происходит «разночтение» между исходными понятиями (образами, метафорами), заложенными в «изобразительном тексте», и индивидуальным пониманием (восприятием) этого текста различными исследователями независимо от их интеллектуального уровня. Это усугубляется также семиотической неоднородностью самого древнего текста (будь то изобразительный, письменный, реальный, акциональный и вербальный)¹. Тем не менее достигнуты большие успехи в изучении семантических аспектов наскальных изображений (Равдоникас, 1936; Линеvский, 1939; Окладников, 1951; Окладников, Мартынов, 1972; Чернецов, 1971; Савватеев, 1970; Дэвлет, 1976а,б, 1980; Шер, 1980 и др.).

¹ В этой связи Ю. М. Лотман пишет: «Как можно предположить исторически, высказывание на естественном языке было первичным, затем следовало превращение его в ритуализованную формулу, закодированную каким-либо вторичным языком, т. е. в тексте. Следующим этапом явилось соединение каких-либо формул в текст второго порядка. Особый структурный смысл получали такие случаи, когда соединялись тексты на принципиально различных языках, например, словесная формула и ритуальный жест. Получающийся в результате текст второго порядка включал в себя расположенные на одном иерархическом уровне подтексты на разных и взаимно не выводимых друг из друга языках. Возникновение текстов типа «ритуал», «обряд», «действие» приводило к совмещению принципиально различных типов семиозиса и в результате к возникновению сложных проблем перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, совмещения различных «голосов» в едином текстовом целом» (Лотман, 1981а, с. 4, 7).

В свете сказанного текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности (Лотман, 1981б, с. 3—18).

Резкое увеличение объема фактического материала по наскальным изображениям ряда регионов нашей страны позволяет сейчас решительно перейти к его осмыслению и разработке теоретико-методологических и методических проблем петроглифики.

С учетом опыта своих предшественников и в соответствии с хронологической последовательностью мы выделили несколько групп основных проблем, своего рода семантических блоков и, используя данные мифологии, этнографии, эпоса и шаманства индоевропейских и тюркомонгольских народов, попытались раскрыть их смысл и назначение.

Представления о пространстве и времени. Проблема представлений о пространстве и времени в мифологическом мышлении древних людей чрезвычайно сложна, ибо разрабатывается на стыке гуманитарных и естественных наук (см., например; Лосев, 1957; Стеблин-Каменский, 1976; с. 31—57; Рожанский, 1979, с. 115—264; Ахундов, 1982; Топоров, 1983, с. 227—284, 298—300; Акишев 1984; Антонова, 1984, с. 59—82; Жуковская, 1986, с. 118—134). Мы же попытаемся составить некоторое представление о структуре миропонимания древних жителей, оставивших эти памятники, на основе анализа писаниц грота Акбаур и сюжетов наскальных изображений.

Думается, что сама сопка Акбаур, имеющая пирамидальную форму с прямоугольной основой, ориентированная углами по сторонам и возвышающаяся среди относительно ровной поверхности (рис. 183),

Рис. 183. Сопка Акбаур

могла ассоциироваться в мифологическом мышлении древнего человека с центром упорядоченного мира², изначальным космическим холмом (Кейпер, 1986, с. 122), мировой горой (Акишев, 1984, с. 22 и др.) и в соответствии с принципами бинарной символической классификации (Ревзин, 1971, с. 334; Золотарев, 1964; Леви-Стросс, 1983; Алексеев, 1976, с. 40—46), характерной для архаических обществ, противопоставляться «периферии», остальному, «чужому», миру (Иванов, Топоров, 1965, с. 63—184; Иванов, 1978, с. 84—101)³.

Грот расположен у подножия сопки, с ее южной стороны (см. рис. 4). Чтобы войти в него, нужно подняться на 5—6 м по ступенчатым складкам гранита⁴. Самой природой грот как бы предназначался для своеобразного храма-святилища, где люди могли совершать обрядовые⁵ действия, связанные с какими-то празднествами⁶. Древнего человека несомненно привлекала юртообразная (ближе к конусовидной форма

² Согласно В. Н. Топорову, «для мифопоэтического взгляда характерно признание неомогенности пространства и времени. Высшей ценностью (максимум сакральности) обладает та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, т. е. центр мира, место, где проходит *axis mundi*, кратчайшим образом связывающая землю и человека с небом и творцом, и «в начале», время творения... «Центр мира» совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов — космоса, земли, города, храма, алтаря и т. п. В этом смысле все эти объекты изоморфны друг другу и изофункциональны» (1973, с. 114—115).

³ Представления древнего человека о пространстве расширялись по мере хозяйственного освоения мира и развития рационального знания о нем, но первоначально как центр мира мыслились жилища, поселения (Тимофеева, 1980, с. 89; Антонова, 1984, с. 66). Например, в античной Греции города-полисы (Рожанский, 1979, с. 116), в средневековой Европе усадьба, двор, поселение отражали представление о замкнутом, локализованном космосе (Гуревич, 1972, с. 43—44), а в Иране той же эпохи центральная площадь города (базар) воспринималась как «символ космического порядка и эквивалент мира» (Шукуров, 1983, с. 94—97). Мандала представлялась как модель вселенной (Жуковская, 1977, с. 56). Семантическое противопоставление «своего» и «чужого» характерно, в частности, для скандинавской мифологической системы (Мелетинский, 1975б, с. 40—41).

⁴ Складки-ступеньки, ведущие к гроту, также, вероятно, связывались с космологической символикой, с «представлением о подъеме вверх, на небо, и с символикой мирового дерева» (Акишев, Акишев, 1981, с. 148). В частности, изображения лестниц на бубнах сибирских шаманов интерпретируются как «приспособление», по которому шаман поднимается в верхний мир во время камлания. Роль лестницы в верхний мир выполняло дерево — туру у эвенкийских шаманов (Анисимов, 1952, с. 202). Ступеньки буддийских ступ также связаны с аналогичными представлениями (Литвинский, Зеймаль, 1982, с. 164—186).

В китайском космогоническом мифе один из первопредков Фу-Си поднимался на небо и спускался на землю по лестнице в виде гор и деревьев (Юань-Кэ, 1972, с. 53). В качестве типологического примера можно привести также обряд посвящения шаманок у аруканцев Южной Америки, во время которого одна из шаманок поднимается по лестнице длиной в 3 м, специально изготовленной для этого (Иванов, 1974, с. 85—87. См. также: Штернберг, 1936, с. 122—123).

⁵ Термин «обряд» используется нами в том же смысле, что и в работах С. М. Толстой (1982, с. 73), Н. И. Толстова (1982, с. 57—58), Е. М. Мелетинского (1976а, с. 26), Б. В. Иванова (1979, с. 60—63) и К. С. Сарингуляна (1981, с. 24).

⁶ М. М. Бахтин писал, что «в основе его лежит определенная и конкретная концепция. При этом празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» (1965, с. 11—12. См. также: Топоров, 1973, с. 115).

грота с круглым отверстием на сводчатом потолке (см. рис. 5). Естественное углубление в скале ассоциировалось с организованным пространством юртообразного жилища (шалаша, чума) и, соответственно, воспринималось как «модель мира», макро- и микрокосм. Это «святилище», похожее по форме на реальное жилище стационарного (или мобильного) типа и организованное в пространстве в соответствии с представлениями о космическом порядке (с вертикальной и горизонтальной структурами), осмысливалось как центр, на периферии которого располагалась остальная мир⁷, и при таком допущении могло играть роль сакрального⁸. Особенно почиталась, наверное, его северная стена, напротив входа, являющаяся своеобразным иконостасом, где красной охрой были нанесены символы-идеограммы. Правая и левая части грота, вероятно, соотносились со сторонами света и играли существенную роль в системе противопоставлений⁹ как «характеристики, приуроченные к пространственным отношениям» (Иванов, Топоров, 1965, с. 64). Круглое отверстие в своде могло ассоциироваться с мировой Горой-Небом и, надо полагать, также имело сакральное значение. Через него проникали солнечные лучи и плавно скользили по поверхности камня с рисунками, «полям изображения» (Шапиро, 1972, с. 136—163). Вполне вероятно, что символические знаки на северной стене (и частично под потолком) нанесены с учетом эффекта, иллюзии оживления», создающейся при попадании концентрированных лучей солнца через верхнее отверстие. Лучи попадали сначала на западную стенку и в течение светового дня постепенно перемещались с запада на восток. При закате солнца освещались рисунки, расположенные справа под потолком. Таким образом, можно допустить, что знаки «читались» подобно бустрофедону слева направо и наоборот по мере попадания на них лучей солнца. Не исключено, что проникновение ярких лучей солнца через отверстие ассоциировалось с космическим актом творения.

Интересно, что стационарные и мобильные жилища и некоторые культовые сооружения народов Азии с аналогичным уровнем организации пространства несут одинаковую семантическую нагрузку, т. е. в основе имеют отчетливо выраженную космологическую символику (Жуковская, 1977, с. 55—56; Лелеков, 1976, с. 7—16; Пюрвеев, 1979, с. 27—30; 1980, с. 174—177; Фатиков, 1980, с. 178—180; Викторова, 1980, с. 48—60; Ибраев, 1980, с. 40—44; Басаева, 1984, с. 115—116 и др.). Юрты тюркских и монгольских народов, снаружи представляя собой купольный или конический монолит, по вертикали членились на купол (кровля), цилиндр основного объема (Уразбаева, Ли, 1980, с. 45) и верхний круг, укрепленный крестообразно расположенными дугами, т. е.

⁷ В мифологическом сознании «любые сооружения имели черты космологического символизма» (Лелеков, 1976, с. 15).

⁸ Для мифопоэтического мировоззрения «существенно, реально лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть космоса, выводимого из него, причастно к нему. Только в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени» (Топоров, 1973, с. 114).

⁹ Противопоставления правый — левый, например, отражены в структуре святилищ у балтийских славян. Они семантически связаны также с другими бинарными оппозициями (Иванов, Топоров, 1965, с. 95; 1974, с. 259—305).

соотносились с вертикально организованной трехчастной структурой мира, мировым деревом, соединяющим три сферы мифологической вселенной.

В структуре свода (круга с вписанным крестом) юрты усматривается как вертикальная, так и горизонтальная (тетрадная) модель космоса. Внутренняя планировка юрты помимо функционального имеет символическое деление на правую (женскую), левую (мужскую) части и сакральное центральное место напротив входа, где ставили предметы культового назначения (Пюрвеев, 1980, с. 176). Геометрический центр жилища раньше занимал очаг, жизненно необходимая функция которого отождествлялась с ритуально-магической функцией священного огня.

Конические чумы сибирских народов имеют также в своей основе космологическую символику и четкое деление на мужскую и женскую части, а также очаг в центре, символизировавший единство, душу общины, ее благополучие, жизнь и рождение (Анисимов, 1952, с. 212—213). И форма грота Акбаур в мифопоэтическом сознании древнего человека могла восприниматься как космическая модель с совмещенными вертикальной и горизонтальной структурами.

Мы допускаем, что непосредственно в гроте и на подковообразной в плане площадке около него совершали обрядовые действия, связанные с каким-то сезонными или другими празднествами. Эти действия и их мотивы, разумеется, могут быть реконструированы пока чисто гипотетически, но ключом к пониманию содержания этих обрядов является, по нашему мнению, анализ формы грота с космогонических позиций и расшифровка смысла самих писаниц. Кроме того, методически и методологически оправданным можно считать использование для этих целей материалов по евразийскому, в частности сибирскому, шаманству. В этом отношении особый интерес представляют комплекс сооружений шаманского чума у эвенков и обряд, совершаемый в нем (Анисимов, 1952, с. 199—238).

Конусовидный шаманский чум (со светодымовым отверстием, с очагом на полу) аналогичен жилищам, изображенным в акбаурском гроте. С восточной и западной сторон к нему примыкает галерея из лиственниц (дэргэ и онанг) и изображения духов-помощников — стражей. К дэргэ сторон приставлены деревья корнями вверх (нэлгэм)¹⁰, а к онанг — корнями вниз. Весь комплекс символизировал три сферы мироздания в горизонтальной проекции: дэргэ — верхний, чум — средний, онанг — нижний миры. В вертикальном срезе чум также символизировал средний мир «как шаманский остров на середине мифической шаманской реки, верховье которой находится будто бы в верхнем мире — угу, среднее течение проходит по земле — дулю (среднему миру), а устье — в нижнем мире — хэргу» (Анисимов, 1952, с. 204). Через верхнее отверстие чума ставили лиственницу — туру, нижний конец которой находился возле очага. Туру символизировал шаманскую лестницу в

¹⁰ В религиозно-культурной практике многих сибирских и других народов, а также в различных мифологических системах древних эпох встречаются образцы мирового дерева корнями вверх (Штернберг, 1936, с. 124, рис. 5; Семека, 1971, с. 98). Они упоминаются и в Упанишадах.

верхний мир, одновременно шаманское мировое дерево и своеобразный медиатор между верхом и низом (Анисимов, 1952, с. 202—203; Штернберг, 1936, с. 122—124). В комплексе сооружений шаманского чума помимо дэргэ и онанг, включены зооантропоморфные изображения — марыля — стражи миров, вселенной. Они охраняли территорию рода от зловредных чужих духов как основные помощники шамана, выступающего в данном случае в роли идеолога, вождя и покровителя данного человеческого коллектива (социума), живущего здесь и противопоставившего «себя» «чужому».

Представления о стражах мира, его четырех сторон, характерны для индоиранской и других мифологических систем (Акишев, 1984, с. 18—23, 47—50). В частности, по текстам брахман четыре стража мира локапала являются и хозяевами — хранителями стран света: Востока — Агни, Запада — Варуна, Юга — Яма, Севера — Сома и т. д. (Семка, 1968, с. 137—147; 1971, с. 93—119; Посова, 1985, с. 140)¹¹. С такими представлениями в семантической связи находятся, видимо, оппозиции «свое — чужое», восток (дэргэ) — запад (онанг), верх — низ, мужское — женское и т. д. в эвенкийском шаманизме, причем, по данным А. Ф. Анисимова, восток символизировал верховья мифической «мировой» реки, жизнь, верхний мир, мужское, а запад — наоборот. Сакральное значение востока в семантических оппозициях характерно и для индоиранской мифологии (Акишев, 1984, с. 90).

Таким образом, комплекс шаманского чума у эвенков функционально, структурно и по своей «космологической» символике сопоставим с акбаурским гротом. Возможно, вокруг грота Акбаур во время мистериальных церемоний сооружались дополнительные приспособления типа эвенкийских.

Шаманские обрядовые действия, происходившие в этом комплексе, довольно сложные и делятся на несколько самостоятельных этапов, начиная с постройки сооружений, изготовления фигур духов-стражей, других подготовительных мероприятий и кончая всеобщим пиршеством. Сама мистерия происходила возле чума и в нем, где горел в очаге священный огонь, в присутствии членов общины, при их активном участии в этих действиях.

Хотя действия шамана направлены только на изгнание из тела больного вредоносного духа, он здесь выступает в качестве единственного «властелина» (кстати, облаченного короной с оленьими рогами), в распоряжении которого находились души не только всех его сородичей, их благополучие и процветание, жизнь, но и всех зверей и птиц, обитающих в пределах «шаманской ойкумены», локуса. В данной ситуации он выступает в роли антропоморфного подобия космоса (его экипировка также воспроизводит мифологическую вселенную), центра мира.

¹¹ Е. С. Семека пишет, что в «мифологических системах всех основных мировых центров цивилизации существует соотношение каждой из сторон света (четырёх или восьми, т. е. четырёх основных и четырёх промежуточных) с особыми существами — сторожами света, которые могут быть либо богами в антропоморфном образе, либо обожествленными животными, либо комбинациями тех и других: богами на животных» (1971, с. 92).

меднатора, культурного героя и организатора (восстановителя) космоса путем преодоления хаоса (возникшего в результате происков «чужих», враждебных духов) во время ритуала, т. е. совершает своего рода космогонический акт, обеспечивающий сакральную безопасность.

Интерес представляют кровавая жертва в честь верховных божеств, символическое поедание сердца жертвенного животного, и особенно различные манипуляции его кровью, а также «плавание» шамана по мифической реке, являющейся медиатором трех сфер мироздания. Вероятно, нечто подобное происходило (время от времени) и в акбаурском гроте (и около него) с участием шамана или жреца. Несомненно, что идеология шаманизма и шаманская обрядность в трансформированном виде впитали многие черты, характерные для более архаических эпох.

Жертвоприношение быка. В наскальных изображениях Казахстана широко распространен мотив дикого быка — тура. Многочисленные находки костных остатков в культурных слоях поселений и погребениях в совокупности с наскальными изображениями позволяют судить о существовании некогда развитого культа быка и связанных с ним различных обрядов. Известно, что у многих скотоводческих народов бык считался одним из священных жертвенных животных (Снесарев, 1969, с. 310; Грязнов, 1977, с. 80—88; Беленицкий, 1979, с. 88—94; Иванов, 1979, с. 11—21; Хлопин, 1981, с. 26—30; Антонова, 1984, с. 82—97; Массон, 1981, с. 75—80, и др.).

Уникальной является композиция, в которой, по-видимому, запечатлен один из этапов сложного обряда жертвоприношения быка (см. рис. 153). На плоскости показаны четыре быка с длинными, вытянутыми вперед волнистыми рогами. Два из них передними ногами «топчут» поверженных людей (известно, что перевернутая поза означает смерть, а горизонтальное положение, возможно, в ряде случаев ранение), третий бык поднял человека на рога, а четвертый уже опустил свою жертву на землю. В нижней части композиции показаны перевернутая фигура козла и «раненый» мужчина. Обращает на себя внимание такая деталь: в области лопатки и крупа одного из быков художником показаны короткие вертикальные полосы. Вероятнее всего они означают обломки копий. По свидетельству М. П. Грязнова, охотники на быков со времен верхнего палеолита почти до этнографической современности применяли один удачный прием, заключающийся в том, чтобы, пробив копьем лопатку зверя, лишить его возможности бежать и обороняться (Грязнов, 1977, с. 81; Абрамова, 1979, с. 26, 30). В нашем случае, возможно, древним художником схвачен один из трагических эпизодов во время поимки жертвенных быков. Поразительно близкие в плане иконографии и сюжетной линии аналогии нашим рисункам имеются в памятниках критомикенской культуры (II тыс. до н. э.), в настенных росписях Кносского дворца, торевтике и т. д. Особенно близки росписи на одном сосуде из Агиа Триада, где запечатлен аналогичный эпизод неудачной борьбы с быком (Грязнов, 1977, с. 86). Подобные сюжеты известны в наскальных изображениях Индии (Wapke, 1979/80, авв. 223—227).

Образ ряженого человека. Среди наскальных рисунков эпохи бронзы Восточного Казахстана встречаются фигуры ряженных антропоморф-

ных существ (см. рис. 78, 79, 169, 171, 172). Они во многом еще загадочны и вместе с тем чрезвычайно интересны. Ареал наскальных изображений ряженных (иногда зооантропоморфных и антропо-орнитоморфных) существ охватывает значительную территорию — от Центральных Кызылкумов (Оськин, 1976, с. 83—89) до Внутренней Монголии (Кашина, 1983, с. 77—85) и Байкала (Окладников, 1974, табл. 5—7); от Ферганского хребта (Шер, 1980, с. 105—113) до Горного Алтая (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1980, с. 129—130). Однако самые выдающиеся образцы, наиболее ярко отразившие религиозно-мифологическую концепцию их создателей, сосредоточены в таких святилищах, как Саймалы-Таш (Бернштам, 1952, с. 50—68; Помаскина, 1976; Шер, 1980) и Тамгалы (Максимова, 1958, с. 108—110; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985). Отсюда, видимо, распространяется на соседние зоны эта своеобразная «саймалыташско-тамгалинская» изобразительная традиция с определенным кругом образов и сюжетов, но на «периферии» она представлена в несколько ином, переработанном виде: чувствуется значительное отступление от сложившихся иконографических канонов.

Наиболее древние изображения людей в звериных масках и шкурах зафиксированы в верхнепалеолитических пещерах франко-кантабрийской области. Позже образ ряженных появляется в глиптике, литературе и других памятниках древнего Двуречья (Афанасьева, 1979). Среднеазиатские племена могли заимствовать этот сюжет и связанные с ним мифы из Передней Азии в конце III — первой половине II тыс. до н. э., хотя вполне возможно и независимое возникновение подобных образов на общей праиндоевропейской основе. Не исключается и конвергентное возникновение образов полиморфных существ в мифологии и искусстве древней Сибири и Центральной Азии на палеоазиатском субстрате.

Рассматриваемые изображения людей из обширного региона показаны, за редким исключением, с хвостами, часто в звериных или птичьих масках, иногда одетыми в костюмы из шкуры животных с зубчато стриженной шерстью, реже — в особых прическах, в грибовидных и рогатых головных уборах. Изображения ряженных, находящиеся в композиционной и семантической связи с другими зооантропоморфными фигурами, знаками и предметами, образуют сюжеты, отображающие различные представления, ритуальные действия и т. д., которые можно объединить в единую «ритуально-мифологическую моделирующую систему» (Шер, 1980, с. 259—261), связанную с космогоническими представлениями, идеей жертвоприношения, культом плодородия, а также военной сферой, охотничье-промысловой деятельностью и т. д.

Большинство наскальных изображений ряженных людей наделено символами (солярные знаки, колесницы) и вещественными (предметными) атрибутами — колесницей, жезлом, стрекалом, оружием (лук, копье, палица и палика?) (рис. 184). Иногда рядом с ряжеными изображены животные. Среди изображений ряженных встречаются образцы в козлиных масках и двурогах головных уборах.

Рассматривая проблему происхождения древнегреческой трагедии,

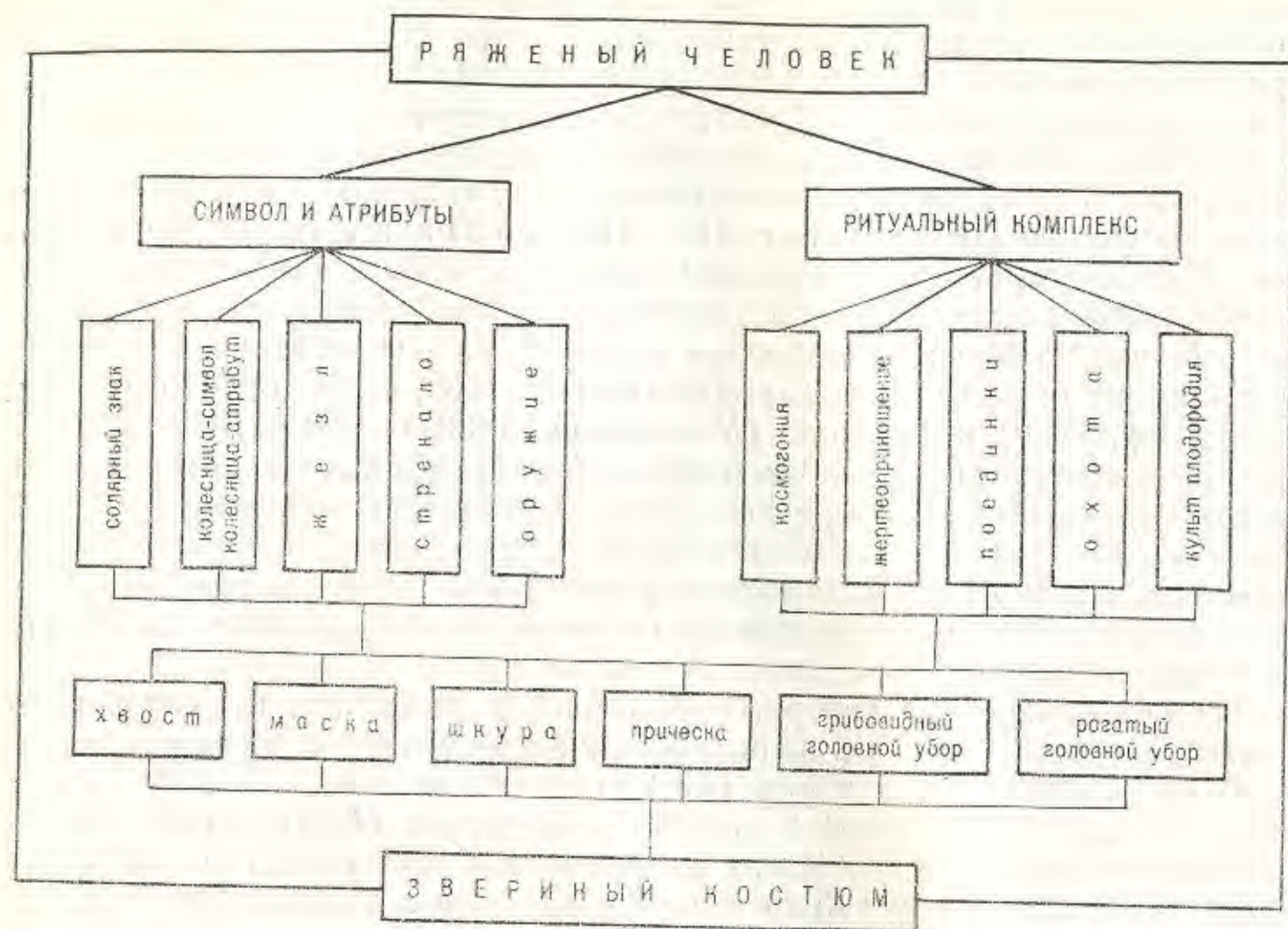

Рис. 184. Схема изображений ряженого человека с символами, атрибутами и ритуальным комплексом

В. Н. Топоров подчеркивает особую роль образа козла в становлении древнегреческой драмы (1983, с. 95—118) и обосновывает мнение о ритуально-игровых истоках греческой трагедии, уходящих корнями к периоду индоевропейской общности. Для нас важно то, что в древнегреческих ритуалах, приуроченных к дионисийским празднествам, т. е. к сакрально отмеченному моменту, ряжеными в козла людьми (жрецами) совершались ритуальные действия, связанные с жертвоприношением козла (в трагедии — это кульминация), расчленением, раздиранием его шкуры, подражанием ходьбе, его голосу (козлопение), подчеркиванием буйной сексуальной силы козла и т. д. Отчасти эти действия реконструируются данными лингвистики, а также мифологии и этнографии индоевропейских (в частности, славянских) и других народов¹².

Анализируемые нами сюжеты, несомненно, полисемантичны. Но

¹² Судя по этнографическим данным, праздничные ритуалы ряжения в козлиные шкуры и рога практиковались и у народов Средней Азии. Так, в начале XX в. один из представителей оппозиционной ортодоксальному исламу секты в Хорезме, проповедовавшей доисламские верования и обычаи, Абдукарим Сари «в дни праздников сайль (сайл) ходил, накинув на себя козлиную шкуру и укрепив на голове козлиные рога»; в таком виде он бродил среди толпы, обличая мусульманское духовенство (Снесарев, 1969, с. 33).

все они связаны, видимо, с такими общечеловеческими универсалиями, как ритуал жертвоприношения, приуроченный к каким-то календарно-вегетативным циклам, культ плодородия, смерть и возрождение (как бинарные противоположности).

В окрестностях с. Курчум нами обнаружен камень с изображением эротической сцены. Фигуры людей на плоскости расположены по отношению друг к другу перпендикулярно — женщина сидит на корточках, руки покоятся на коленях, а хвостатый мужчина — лежит горизонтально. Головные уборы обоих трактованы в виде «звериной маски» (см. рис. 111, 3). В этом же комплексе выявлена вторая такая сцена, взаимосвязанная с фигурами двух козлов и мужчины, выбитыми рядом (см. рис. 104; 114, 1).

Наиболее близкие семантические и иконографические параллели рассматриваемым рисункам имеются в петроглифах Тамгалы (см. рис. 171, 172), Хавцгайт (см. рис. 110, 5, 7; 169, 1—3), Саган-Забы (см. рис. 169, 6, 7) и т. д. Сходная по тематике композиция с участием козлиноголовых антропоморфных существ зафиксирована и в петроглифах Саймалы-Таша (см. рис. 110, 6). Любопытно, что изображения мужчин в звериных масках иконографически ассоциируются с известной фигурой колдуна из верхнепалеолитической пещеры Труа Фрер, а также с полиморфными существами Комбарелля, Ля Марша, Луда и Тейжи.

В петроглифах Азии наиболее популярны изображения хвостатых воинов, вооруженных луками, палицами, копьями и другими видами оружия. Набор оружия демонстрирует наскальная сцена «военного танца» из ур. Арпаузен, где между двумя группами вооруженных палицами, чеканами и луками воинов помещена крупная фигура «жреца» (?) в маске и с «жезлом» в руке (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 127). Еще одна фигура ряженого воина, вооруженного копьем, происходит из Восточного Казахстана (см. рис. 79, 9). Близкие по трактовке изображения воинов известны во Внутренней Монголии (Кашина, 1983, с. 81), в Туве (Ортаа-Саргол). У этих антропоморфных фигур однотипные головные уборы, туловища переданы в фас, ноги согнуты в коленях и показаны сбоку. У ортаасаргольских фигур изображен, возможно, не хвост и не сумка или круглый кожаный сосуд для дурманящего настоя из мухоморов, как предполагает автор этих находок М. А. Дэвлет, (1980, с. 179—180), а палица (см. рис. 163, 9, 10).

Особенностью некоторых хвостатых фигур является передача кончиков хвоста в виде углублений-лунок с кисточкой. Большое количество глубоких лунок иногда окружают изображения хвостатых людей в сочетании с солярными символами. В этом отношении интересна композиция из ущелья Доланалы (Восточный Казахстан), в левой части которой изображено колесо с десятью спицами. В центре композиции находятся два хвостатых лучника с согнутыми в коленях ногами. Такая поза характерна для большинства изображений анализируемых сюжетов. Лунками-углублениями (вероятно, являющимися символами небесных светил) заканчиваются хвосты лучников и жертвенных «лунорогих» быков в петроглифах Елангаша (Окладников, Окладникова, Запорожская,

Скорынина, 1979, с. 125). В подобных композиционных ситуациях можно видеть отражение наиболее древних космогонических представлений и связанного с ними культа небесного быка (или коня), широко распространенных в мифологии раннеземледельческих племен и древних скотоводов Евразии. Из этнографических параллелей, иллюстрирующих сущность таких явлений, отметим ритуал заклания быка светлой масти в дни календарных праздников (например, праздник отрезания хвоста и раздирания быка) у некоторых народов Восточной и Юго-Восточной Азии и праздник пляски Солнца у североамериканских индейцев, где участники мистерии надевают накидки из шкуры бизона с хвостами (Стратанович, 1970, с. 189—205; Соколова, 1972, с. 57).

Фигуры хвостатых людей размещаются обычно парами и группами. Парные фигуры всегда показаны в профиль, лицом к лицу, с поднятыми руками, согнутыми в коленях ногами. Такая канонизированная поза ряженных характерна в основном для петроглифов Саймалы-Таша и Тамгалы. Существенно, что почти во всех случаях руки у них постепенно расширяются от локтя к кисти, напоминая дубинкообразный предмет (см. рис. 171). Возможно, что это деталь ритуально-обрядового костюма или же какой-то астральный символ. Второе предположение подкрепляется тем, что парные, групповые фигуры ряженных часто сопутствуют изображениям «солнцеликих божеств».

Загадочными представляются изображения ряженных с предметом, один конец которого заканчивается дугой (см. рис. 172). Ответы на простейшие вопросы: кого и зачем изображали? что за предмет в руках ряженных? — вряд ли могут быть однозначными. Можно предположить, что здесь изображен жезл — сакрально-магический атрибут жреца (или шамана), наделенного, возможно, особыми религиозными полномочиями. Жезл, символизирующий небесное светило (его движение?), мог использоваться в исключительно важных религиозно-магических обрядах, приуроченных к календарным событиям солярного цикла, связанным с культом плодородия. На это будто бы указывает наличие рядом с ряженными существами изображений различных солярных символов, «солнцеликих божеств» и эротических сцен. В то же время синкретический образ человека-животного (в ряде случаев с орнитоморфными чертами) с символом солнца в руках мог представлять собой своеобразную модель мироздания.

Любопытно, что аналогичной формы жезлы как символы царской власти были в Древнем Египте, Месопотамии (Дьяконов, 1983б, с. 257, рис. 84), Анатолии (Ардзинба, 1982, с. 50—51, рис. 3, 4; Маккуин, 1983, с. 132, рис. 41) и в Этрурии (Немировский, 1983, с. 192). С таким жезлом древние египтяне изображали мифического Осириса, соединившего в себе культы царя, умирающего и воскресающего бога природы, плодородия и небесных светил (Матье, 1956в с. 52—63, табл. XXI—XXIII, 27, 28)

Изображения хвостатых людей в грибовидных головных уборах широко распространены во времени и в пространстве. Н. Н. Диков считает их изображениями антропоморфных мухоморов. По его мнению, антропоморфно-грибовидные изображения отражают культ мухомора

как галлюциногенного средства, широко распространенного в мифологии и практике камлания шаманства у многих народов. Он допускает, что наскальные изображения мухоморов в Пегтымели могли выбивать с магической целью, чтобы вызвать обильный урожай в тундре (Диков, 1971, с. 60). Сходной точки зрения придерживается М. А. Дэвлет (1982б, с. 35). Как показали исследования В. Н. Топорова, гриб играет большую роль в ритуально-мифологических системах как универсальный классификатор различных оппозиций (Топоров, 1979, с. 236—237). Вслед за Р. Г. Уоссоном он отмечает имеющиеся связи между грибом и Сомой в различных мифологемах (Топоров, 1979, с. 280—297). Например, Сома — дитя Парджаньи, бога дождя, носителя грома и молнии. Сома связан с Громовержцем — Индрой, изофункционален мировому дереву. Как и грибы, Сома символизирует плодородие, процветание (Топоров, 1979, с. 290).

Несомненно, изображения людей в грибовидных головных уборах заслуживают в дальнейшем детального анализа с точки зрения особой роли грибов как универсальных классификаторов в различных ритуально-мифологических системах. Что касается анализируемых нами изображений, то они рассматриваются как антропоморфные фигуры в особых головных уборах. Грибовидные головные уборы — элемент ритуально-обрядового костюма. Трудно сейчас сказать: уподобляются ли они грибу, фаллосу или луне?

«Чудесная» упряжка. Так назвал Я. А. Шер сюжеты некоторых петроглифов Саймалы-Таша с разными животными, впряженными в одну повозку (Шер, 1978, с. 163—171; 1980, с. 281—287), и сравнил их с древними языковыми и изобразительными текстами, которые содержат сходные сюжеты. К кругу подобных мы относим композицию из Мойнака, где показаны во взаимосвязи два козла, впряженные в повозку (или колесницу), или момент, когда человек запрягает козлов, два знака в виде круглых пятен, соединенных прямыми линиями («гантели»), человек, лошадь (собака?), два козла (см. рис. 92). Ситуация, запечатленная здесь, позволяет обратиться к материалам ведийской мифологии и сравнить ее, в частности, с образом Пушана. Важнейшими атрибутами ведийского Пушана являются запряженная козлами колесница и козел. Тесная связь Пушана с образом козла подчеркивается и его внешним видом — волосатость, взлохмаченные волосы. В ритуалах ему отводится в качестве жертвенной доли козел. Все эти особенности Пушана сближают его с литовским Перкунасом, германско-скандинавским Тором, древнегреческим Паном, славянским Перуном, образы которых имеют общеиндоевропейские истоки.

Пушан — покровитель пути, связывающий две точки пространства — небо и землю (верх и низ); он первоначально рожден на небе (на высоте), вторично — на земле (в глубине). В ведийской космологии небо и земля обозначены в виде двух колес — на разных концах оси (Топоров, 1964, с. 107). Возможно, два знака в виде «гантелей» из Мойнака обозначают две точки мифологического пространства — верх и низ, между которыми лежит путь Пушана на колеснице, везомой двумя козлами (Огибенин, 1968, с. 70—76). Две фигуры горных козлов

(одна в перевернутом положении) в композиции могут быть трактованы как атрибут и жертвенная доля Пушана, а лошадь (собака?) — как жертвоприношение богу солнца. Некоторые иконографические (и семантические) параллели нашей упряжке трактуются как мифологические сюжеты (Максимова, 1956, с. 233—234; Шер, 1980, с. 281—287; Евсюков, Комиссаров, 1985, с. 93—94).

С описанными представлениями, видимо, связаны изображения всадников на козлах. Одна такая сцена зафиксирована в окрестностях с. Ленинка Уланского района (см. рис. 17, 5). Аналогичные мотивы известны и в других регионах (Куликова, 1981, с. 107). Типологические параллели подобным сюжетам можно найти в мифологии евразийского шаманства. В частности, шаман туркмен гекленов во время камлания надевал на козла седло и ездил на нем по юрте. Некоторые казахские шаманы во время сеанса вскакивали на коня в погоне за злыми духами. Иногда в качестве чудесного коня у шамана выступали музыкальные инструменты. Эти действия связаны с представлениями о поездке шамана в иной мир на чудесном коне (Басилов, 1973, с. 9—10).

«Священный брак». Так можно назвать ряд сцен, где представлены мужчины и женщины в эротических позах (см. рис. 101, 110, 111). В мифопоэтическом сознании такие ситуации символизируют брак земли и неба, небесных светил (солнца и луны), периодические явления природы (дождь, гром), в целом космогонический акт творения. В Ригведе брак небесных светил — солнца и луны отождествлен с браком Сурьи (солнце) и Сомы (луна), тесно связанных с Ашвинами и Пушаном (РВ, X, 85, 26). Небо и земля здесь выступают в роли отца и матери, дарующих жизнь, благо, успех, добычу и богатство (РВ, VI, 70, 6). Иногда они имеют зооморфные ипостаси, например, небо — бык-оплодотворитель или жеребец (РВ, 1972, с. 339).

Эротическая сцена из Курчума (см. рис. 104), рядом с которой изображены два козла и мужская фигура (композиционно и семантически связанные с нею), вероятно, отражают эту мифологию, имеющую древние общечеловеческие истоки. Если в Чатал-Гююке, на Енисее и в ряде других регионов эротизированные персонажи встречаются в сочетании с фигурами быков, а на Байкале — с изображением лося или птицы, то в нашем случае — с козлами. Последние, как известно, в мифах выступают как символы исключительной сексуальности и плодовитости и являются атрибутами различных божеств (Окладников, Запорожская, 1970, с. 146—153).

Весьма любопытная иконографическая и семантическая параллель указанным сценам из Восточного Казахстана обнаруживается на печати из Архаического Ура (см. рис. 111, 1). Здесь также показаны в эротическом действии женщина (она сидит на корточках, с опущенными руками) и мужчина в горизонтальном положении (Дьяконов, 1983а, с. 176—179). И. М. Дьяконов видит в этой сцене обряд «священного брака» царицы или жрицы с верховным божеством. Такие обряды в древнем Двуречье были связаны, как он полагает, с мифами о божествах плодородия, служили магическим средством обеспечения изобилия в общине. Участники данного обряда надевали на головы бычьи и коровьи

маски (Дьяконов, 1983а, с. 178). Чрезвычайно широк круг этнографических параллелей древним культам плодородия (Афанасьев, 1982, с. 52—60; Окладников, Запорожская, 1970, с. 93—153; Сатлаев, 1971, с. 130—139; Богаевский 1934, с. 34—72; Рыбаков, 1981; Симаков, 1984, с. 120—121; Токарев, 1983а, с. 98—105 и др.).

Конь у мирового дерева. Многофигурная композиция из Курчума, где запечатлены четыре коня, попарно привязанные к двум коновязям, как отмечалось, двухслойная (см. рис. 167). Анализируемый сюжет, очевидно, появился на плоскости позже изображений верблюдов, быка(?), людей солярного знака и других, но последние «вписались» в контекст мифа об обряде жертвоприношения коня у мирового дерева. Поэтому вся композиция представляется как единое целое, в котором отражен ритуал жертвоприношения коня, имеющий, как отмечают исследователи, древние индоевропейские истоки (Иванов, 1974, с. 75—138).

У индоариев существовал сложный обряд жертвоприношения коня у мирового дерева — ашвамедха, зафиксированный в ведических произведениях — Ригведе, Яджурведе, а также в более поздних текстах (Махабхарата).

За год до ашвамедхи из табуна выпускали на волю белого жеребца в сопровождении войска из 300 принцев крови, 100 благородных, 100 сыновей чиновников высшего ранга и 100 низшего. Во время похода происходили празднества, жертвоприношения богу солнца. По возвращении из странствия, ровно через год в день равноденствия или солнцестояния¹³ жеребца случали с кобылицей и приносили в жертву в особом сооружении с алтарем и столбом, увенчанным колесом — символом солнца. Перед этим коня купали, наряжали и натирали благовониями три царские жены, а затем, привязанного к столбу, торжественно удушали. После этого первая жена царя вступала с жеребцом в символический брак. Затем происходила церемония разделения коня на три части, погребения этих частей и принесения в жертву собаки, быков и большого количества лошадей, число которых имело символическое значение. Церемония заканчивалась окроплением алтаря кровью жертвенного животного и всеобщим пиршеством (Кузьмина, 1977, с. 37—39). Таким образом, жертвоприношение белого жеребца — тваштра (т. е. мирового коня, по Ригведе) богу неба, возжигание священного огня у столба — символа мировой оси, мирового дерева, а также другие действия церемонии подчеркивали космологический характер этого обряда. Спаривание жеребца перед жертвоприношением, символическое совокупление с ним первой жены царя связаны с культом плодородия.

Археологические источники свидетельствуют о существовании ана-

¹³ В древней Индии праздники, связанные с жертвоприношением (судя по календарю протондийцев, позже унаследованному от них индоариями), приурочивались к дням новолуний и полнолуний, весеннего, летнего, осеннего и зимнего равноденствия и солнцестояния (Волчок, 1975, с. 16—51), поэтому трудно сказать, в какое время совершалась ашвамедха. Но, судя по тому, что в ней превалирует идея плодородия, возрождения и т. д., она относилась к обрядам весеннего цикла.

логичного обряда в Скифии (Раевский, 1977, с. 110—118; Клейн, 1984, с. 31—34; Переводчикова, Раевский, 1981, с. 42—52; Кузьмина, 1976б, с. 72—73; Бойко, 1984, с. 15—18; Бессонова, 1983, с. 47—49), на севере Кавказа (Балонов, 1984, с. 12—15). В Адыгее, в Ульском и Уляпском курганах обнаружены пятиугольные земляные платформы, перекрытые навесами, опирающимися на столбы, поставленные до возведения всего сооружения. Под навесом обнаружено большое количество скелетов коней; зафиксировано совместное захоронение коня и человека, следы совместного жертвоприношения ребенка, коня и быка. Под полой одного кургана обнаружено ритуальное захоронение пяти собак с отрубленными хвостами и конечностей жеребят (Балонов, 1984, с. 13—14). Налицо сложный обряд жертвоприношения коня, собаки, человека (?), сходный с древнеиндийской ашвамедхой.

Капища огня, связанные с жертвоприношением, известны и у саков Семиречья (Акишев, 1984, с. 96—97).

Об отражении в композиции из Курчума обряда жертвоприношения, подобного индоарийскому и скифскому, можно говорить лишь после анализа ее компонентов и сопоставления их с семантическими элементами ритуального комплекса ашвамедхи.

В мифопоэтическом сознании вертикальный столб — коновязь соотносился с основной концепцией мирового дерева — представлением о троичности мироздания по вертикали (Топоров, 1971, с. 9—62). Коновязь-столб (др.-инд. *aśvattha* — «лошадиная стоянка» или *aśvaṃśra* — «столб, к которому привязывают лошадь, предназначенную для жертвы»), являясь аллоэлементом трехчастного мирового дерева, с другой стороны, соотносился с жертвенным конем¹⁴, трехчастность которого подчеркивается в ашвамедхе отделением головы, туловища и хвоста (т. е. тех частей, которые представляли собой конкретные космологические понятия) тремя царскими женами (соотносимыми, в свою очередь, с тремя сферами мироздания). При ашвамедхе, судя по гимнам Ригведы, к столбу, установленному на пятиугольной площадке, привязывали жертвенного коня. И эта жертва, осуществлявшаяся в сакрализованном микропространстве, «переносилась» богу солнца через коновязь-столб, прокладывая путь между небом и землей (Иванов, 1974, с. 100—101). Такая коммуникативная функция жертвенного столба (и его семиотического эквивалента — жертвенного животного) в ведийской космологии прекрасно иллюстрирована в гимнах Ригведы: «О дерево, связывающее привязью, веди [жертвенное животное] под покровительство богов!» (РВ, X, 70, 10; Огибенин, 1968, с. 16—20).

Аналогичное значение имеют, очевидно, и изображения коновязей из Курчума. На наличие древних контактов индоевропейцев с народами Средней и Центральной Азии и совпадение у них ряда мифологем и

¹⁴ В. В. Иванов обосновал тезис о замене первоначальной человеческой жертвы (женщины как эквивалента мирового дерева) конем, затем бараном и козлом (1974, с. 92—93, 101). Однако открытия в Адыгее, особенно последних лет, не исключают сохранения практики человеческого жертвоприношения наряду с конем и другими животными у скифов при совершении обряда типа ашвамедхи (Балонов, 1984, с. 14).

ритуальных действий, связанных с конем у мирового дерева (Иванов, 1980, с. 666), указывает, в частности, этнография казахов¹⁵, хакасов и алтайцев. По одному казахскому астрально-космогоническому мифу, эквивалентом мирового столпа является железный кол — Темир Казык (Полярная звезда), к которому привязаны Акбозат и Кокбозат, которых постоянно преследуют семь волков (Большая Медведица). Пропажа этих коней, являющихся воплощением стабильности космоса, может привести к наступлению дисгармонии, хаоса и, в конечном счете, к гибели мира (Потанин, 1883, с. 736; Афанасьев, 1982, с. 146—147). Представление о золотом коле с привязанным к нему конем и вбитом в небо во времена сотворения мира бытовало у хакасов (Бутанаев, 1975, с. 235—236)¹⁶. В алтайском шаманстве у золотой коновязи, ассоциирующейся с пятой небесной сферой, небесное божество Ульгень принимает жертву (трехлетнюю кобылицу светлой масти), принесенную в его честь в определенные трехлетние годовые циклы (Анохин, 1924, с. 11—12, 16).

Наконец, тесно связана с образом коня (букв. «конь Игга») широко известная скандинавская мифологема об Иггдрасиль — мировом дереве — ясене.

В курчумской композиции рядом с конями изображен круг — колесо с шестью спицами. При ашвамедхе над жертвенным столбом воздвигали колесо — символ солнца, что еще более усиливало сакральную связь ритуального сооружения и самого ритуала с божеством. Вероятно, число спиц в колесе несло сложную смысловую нагрузку. Судя по дешифровке протоиндийских надписей на бронзовых топорах, употреблявшихся при жертвоприношениях, знаковый блок, состоящий из удвоенного колеса с шестью спицами, означал, с одной стороны, двухколесную телегу, с другой — календарный праздник (солнцестояние) жертвоприношения (Гуров, 1975, с. 52—53). Тут нужно еще раз подчеркнуть унаследование индоарийцами протоиндийского календаря (Волчок, 1975, с. 18). Таким образом, можно предположить, что изображение колеса с шестью спицами символизировало солнце, колесницу и, кроме того, указывало на сезонность ритуала жертвоприношения.

Примечательно, что в нижней части курчумской композиции помещены фигуры двух противостоящих собак. Собака играла существенную роль в ритуале ашвамедхи. У индоиранцев и индоариев образ собаки связывался с хтоническими представлениями. При ашвамедхе представители трех нижних каст как предварительную жертву умерщвляли «четыреглазую» (возможно, черную) собаку, символизировавшую враждебное могущество (Литвинский, 1981, с. 101; Раевский, 1977, с. 126). В Авесте собака связана с положительными характеристиками.

¹⁵ Столбы-коновязи возле могил умерших казахи ставили вплоть до недавнего времени. Очевидно, этот обычай имеет глубокие истоки, связанные с представлениями о жертвоприношении коня у мирового дерева. Вряд ли прав был С. С. Сорокин, определивший древнюю первоначальную семантику коновязи как «символа очага-дома, семьи, утверждающего право владельца на территорию, где она поставлена» (1978, с. 112—116; 1981, с. 32).

¹⁶ Известная типологическая близость мифологии Ригведы с мифологией евразийского шаманизма (Огибенин, 1968).

Судя по материалам Ульского кургана 10, при ашвамедхе в жертву приносилось определенное количество собак (пять), причем в процедуру входило отрубание им хвостов и ритуальное захоронение совместно с конечностями (шкура с конечностями) других животных (Балоннов, 1984, с. 14). Отметим, что захоронение собаки зафиксировано и в могильнике Синташта (Генинг, 1977, с. 70).

Если наше предположение об отражении в курчумской композиции какого-то древнего ритуала типа ашвамедха (хотя это был царский ритуал) верно, то фигуры двух собак в нижней части ее, безусловно, могут быть трактованы как изображения (символы) отмеченной выше предварительной жертвы.

Изучаемая композиция, вероятно, связана с определенной числовой символикой: в нее заложены элементы числового кода, связанные с характеристиками макро-микросома. Исследователи давно отметили, что триады выступают основным принципом моделирования вселенной, членя ее по вертикали на три космические зоны. В ашвамедхе после убийства коня три царские жены трижды обходили его слева направо, затем трижды справа налево и снова трижды слева (Иванов, 1974, с. 95), т. е. в результате троекратного повторения триады образуется символическое число 9. В курчумской композиции ритм 4 образован двукратным повторением ритма 2 (2+2) — четыре коня, попарно привязанные в двум коновязям. В ашвамедхе четыре столба устанавливались на пятиугольной площадке. Четыре стороны света соотносились с четырьмя главными жрецами (Семека, 1968, с. 137, 147).

Таким образом, из суммы 3 и 4 образуется символическое число 7, характеризующее общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева. Ритмы 3 и 4 (да и вообще числовая символика мифа и ритуала) характерны для саков (Акишев, 1984, с. 11—20). С символикой числа 7, образом мирового дерева и его эквивалента коня связаны отмеченные выше астрально-космогонические представления тюркских народов, а также многих других (Фролов, 1974, с. 294—303).

Парные изображения коней, людей и собак в композиции, вероятно, связаны с бинарными принципами семантических противопоставлений (Иванов, 1972, с. 206—236), дуально-космогоническими представлениями (Золотарев, 1964), близнецным культом (Штернберг, 1936, с. 73—108; Иванов, 1969, с. 44—75; 1972а, с. 193—205; Литвинский, 1978, с. 105—126; Кузьмина, 1984, с. 100—101 и др.). Древнеиндийские божественные близнецы-ашвины («обладающие конями» или «рожденные от коня»), выступающие иногда в образе двух коней, тесно связаны с мировым деревом — ашваттхой (Иванов, 1972а, с. 198; Кузьмина, 1977, с. 102). В их образе видны следы древнего индоевропейского культа близнецов.

Сложно объяснить смысл других изображений, входящих в нее. Изображения козлов, быка (?), верблюдов и оленя можно интерпретировать как предварительные или сопутствующие коню жертвы. В частности, козел в ритуале ашвамедха фигурирует как жертвенная доля Пушана, тесно связанного с образом козла и являющегося сыном Ашвинов — бога медиатора. Выступая в качестве бога-посредника между

небом и землей, Пушан ведет жертвенного коня к месту жертвоприношения.

Антропоморфных фигур в композиции четыре. Две из них парные, с длинными носами. У третьей фигуры также подчеркнут нос. В одной руке у нее длинный ровный предмет (стрекало?). Учитывая отмеченные детали, заманчиво отождествить первые с образом Ашвинов, один из эпитетов которых — насатья, т. е. «носатые», а третью фигуру — с образом Пушана, в числе атрибутов которого находится стрекало (РВ, VI, 58, 2). Косвенным основанием для такого отождествления можно считать наличие изображений фаллосов: в мифах и Ашвины, и Пушан связаны с инцестом, идеей плодородия, олицетворяли буйные сексуальные силы.

Четвертая фигура, расположенная в нижней части композиции, судя по позе (раскинутые в стороны руки, ноги без ступней), может рассматриваться как человеческое жертвоприношение, если все-таки допустить наличие такого фактора наряду с жертвоприношением животных в эпоху поздней бронзы, когда, по нашему мнению, создана анализируемая композиция.

Таким образом, сюжеты, связанные с концепцией мирового дерева (и его зооантропоморфных эквивалентов) и жертвоприношения (человеческого и животного) у мирового дерева в искусстве и мифологии индоевропейских и неиндоевропейских народов имеют широкое хронологическое и территориальное распространение (рис. 185). Иконографические и семантические параллели курчумским изображениям известны в Минусинской котловине (Шер, 1980, с. 265—270; Леонтьев, 1980, с. 73—74), в памятниках эпохи бронзы Северного Китая (Кожин, 1981, с. 145, рис. 11, 5, 6).

Культ оленя. Семантика образа оленя в искусстве и мифологии (особенно эпохи скифо-сибирского единства) интересовала многих исследователей (Окладников, 1964; Мартынов, Бобров, 1974, с. 65—73 и др.), но относительно оленей с клювовидными мордами она до сих пор остается не вполне ясной (см. рис. 62, 63).

Изображения оленей с клювовидными мордами, обнаруженные в Восточном Казахстане, в Семиречье и Каратау, включены в композиции с трехчленной вертикальной структурой, что делает их близко сопоставимыми, особенно в плане иконографии, с изображениями на оленных камнях (Самашев, 1984, с. 62—63). В этой связи исключительно важны изображения из Джингильчака (см. рис. 62, 9). Примечательно, что древний мастер в данном случае следовал манере оформления оленных камней, даже при наличии огромного свободного пространства вокруг рисунков. Они являются как бы проекцией оленных камней на вертикальную плоскость скалы и несут ту же семантическую нагрузку, что и изображения оленей на изваяниях. Предполагается, что оленные камни являются изваяниями воинов (Волков, 1981, с. 96). Мы допускаем, что в основе оленных камней лежит образ не просто вооруженного воина, а воина, наделенного функциями шамана или жреца. В этом смысле оформление оленных камней сопоставимо со сложными по своей символике и семантике костюмами сибирского шаманства (Прокофь-

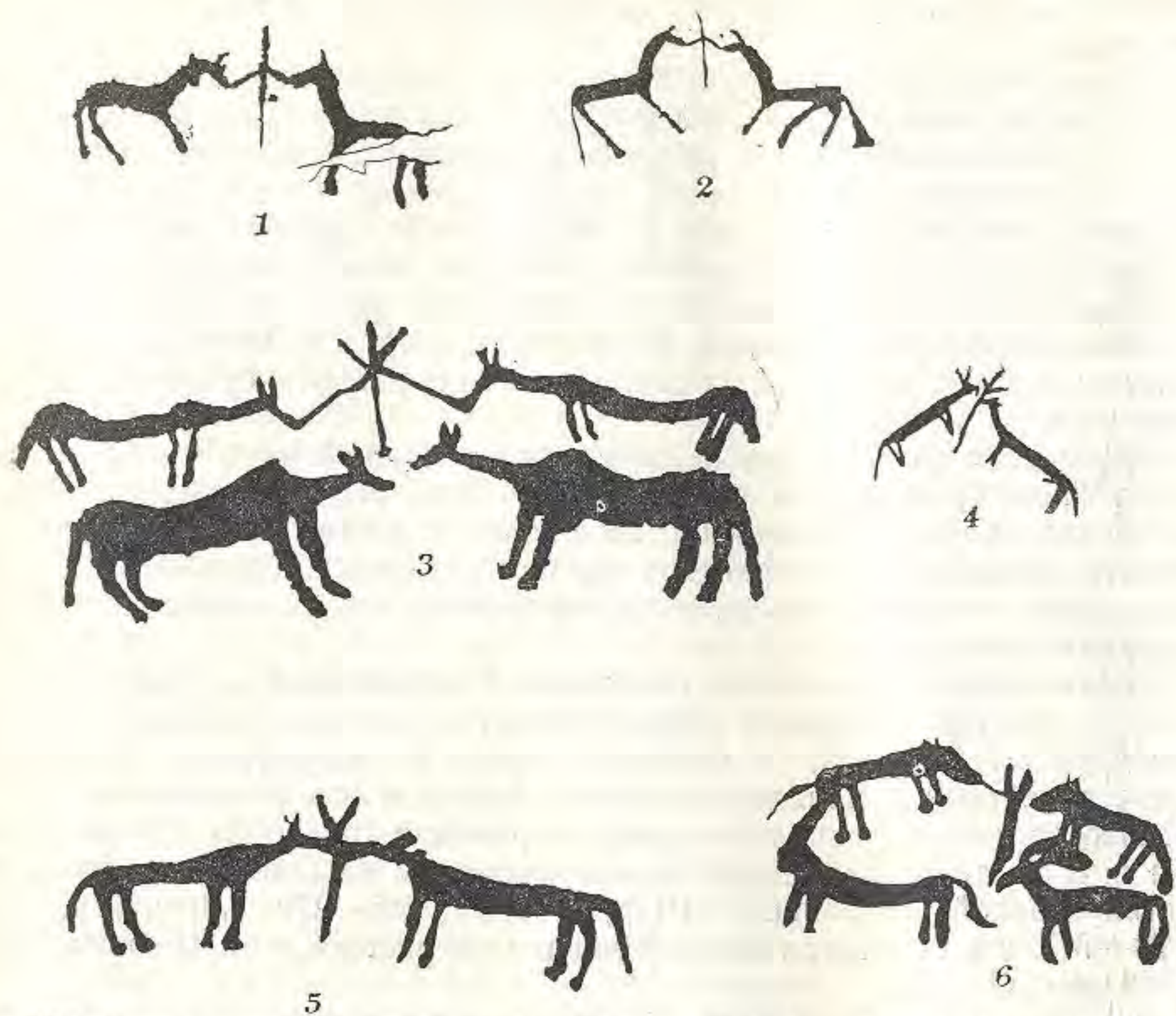

Рис. 185. Кони у мирового дерева: 1, 2 — Курчум; 3, 5, 6 — Телсей (Шер, 1980); 4 — могильник Северный берег Варчи I (Леонтьев, 1980)

ева, 1971, с. 5—98). В основе символики шаманского костюма лежит образ «светлых» зверей и птиц, духов — помощников и покровителей шамана. Е. Д. Прокофьева отмечает, что на определенном этапе развития идеологии шаманства основным, отраженным в костюме, стал образ птицы, появившийся одновременно с развитием представлений о небесном верхнем мире. Шаман-медиатор принимал образ птицы, близкой к небу, солнцу (Прокофьева, 1971, с. 8). Шаманский костюм энцев, выполненный из шкуры оленя, по своему оформлению представлял птицу. Нганасанский костюм одновременно являлся символом птицы и оленя-самца. Костюм кетского шамана в целом воссоздавал образ оленя и вместе с тем нес черты птицы (Прокофьева, 1971, с. 13—16, 21).

Таким образом, синкретический рисунок оленя на оленных камнях следует рассматривать не просто как декор костюма или татуировку (Ларичев, 1968, с. 217—218; Волков, 1981, с. 96), а как воспроизведение главных духов — помощников, покровителей шамана, способных принимать орнитоморфный облик во время полета в верхний мир. Наличие изображений солярных символов, зеркал, предметов вооружения и других атрибутов вроде бы тоже не противоречит трактовке оленных кам-

ней как костюма шамана или жреца, совмещающего воинские функции. Если находки изображений оленей с клювовидными мордами в Восточном Казахстане — регионе, расположенном близко к основному ареалу этих памятников, закономерны, то каратауские и аксу-джабаглинские оленные изображения указывают на более южное направление в продвижении каких-то этнических групп — носителей данной изобразительной традиции, из глубин центрально-азиатских степей в начале I тыс. до н. э.

Сцены терзания, борьбы и преследования. Сцены терзания хищниками травоядных, широко распространенные в изобразительном искусстве скифов и саков, судя по публикациям, еще не зафиксированы в петроглифах. Смысл этих сцен трактуется по-разному (Штейн, 1974, с. 94—103; Федоров-Давыдов, 1975, с. 23—28; Смирнов, 1976, с. 88; Акишев, 1984, с. 188; Кузьмина, 1976а, с. 52—65, 1979, с. 78—83; 1984, с. 102—103; Баркова, 1984, с. 83—89; Суразаков, 1986, с. 23—26, и др.). Е. Е. Кузьмина считает, что этот сюжет в искусстве скифов и саков заимствован ими из Передней Азии, где он олицетворял смену созвездий Быка и Оленя созвездием Льва в начале весеннего цикла работ, символизировал праздник весеннего равноденствия (науруз и другие соответствующие ему праздники солярно-вегетативного характера общерийского, общиндоевропейского происхождения), торжество добра над злом и в более широком смысле — космологический акт творения через уничтожение (Кузьмина, 1976а, с. 62). В Авесте, особенно в «Бундахишне», мотив борьбы добра (Ахура Мазда) и зла (Ангра Манью) составляет значительную часть гатов (Брагинский, 1984, с. 30—43).

Терзание хищником травоядного показано на одной бляшке из Чиликтинского кургана (Черников, 1965, с. 63, табл. XVIII, 1). Сцена борьбы животных известна в петроглифах хребта Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 209). Если принять гипотезу об отражении в таких сюжетах идеи противоположных начал, смены сезонов и т. д., то каратауская сцена, где показана «равная» борьба одинаковых животных, может быть интерпретирована как фиксация кульминационного момента равной борьбы этих начал, равноденствия, солнцестояния.

Сцены преследования, погони хищников за травоядными в петроглифах встречаются значительно чаще. Их много и в Восточном Казахстане (см. рис. 67, 68). Некоторые из них, возможно, связаны с чисто охотничье-промысловой тематикой, но отдельные сцены могут быть трактованы как иллюстрация мифов о космической погоне. Например, фрагмент композиции на камне 171 из Мойнака, где запечатлен олень с клювовидной мордой в окружении четырех или пяти хищников.

Образ воина-всадника в основном интерпретируется в качестве обожествленного героя-предка (Ростовцев, 1927, с. 141—146; Толстов, 1939; Окладников, 1951, с. 143—154; Беленицкий, 1981, с. 213—217; Худяков, 1985, с. 157—159, и др.).

Формирование культа всадника и идеологии всадничества в средневековье в целом вызвано особенностью этой исторической эпохи, заключающейся в том, что общество находилось в «состоянии перма-

нежного нашествия» и отражения набегов (Плетнева, 1982, с. 32). В этих условиях вооруженные воины-всадники выдвигаются на первый план как основная социальная сила общества. В общественное сознание внедряется обобщенный образ идеального конного воина, члена кавалерийской дружины, предводительствуемой обожествленным героем-всадником, ханом-объединителем. Этот обожествленный всадник-каган (его эпитеты — «небоподобный», «неборожденный», «из неба возникший») почитался наряду с Тенгри-Небом, священной Землей-Водой и вошел в религию тюрко-монгольских народов как составная часть. Воспевание подвигов и деяний конного богатыря, внедрение в сознание массы образа героизированного воина-всадника становится важнейшей частью идеологии и государственной политики. Вероятно, существовал особый институт сочинителей-сказителей, мастеров-художников, летописцев, воплощавших идеологические установки в различных материалах (в том числе запечатлевавших их на скалах), фиксировавших их письменно.

Произведения эпического жанра, включая собственно устно-поэтическое творчество, изобразительное искусство, отражая «воинственный динамизм» средневековых государственных образований, имели ярко выраженный прокламативный характер. В них воспевались подвиги героев, ханов, дружины, отмечались боевые походы, сражения, поединки. Для иллюстрации прокламативности всех жанров искусства средневековых кочевников можно привести, в частности, отрывки из надписи памятника в честь Кюль-Тегина: «Небоподобный, небожденный тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные...

Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя своих), имевших колени заставили преклонять колени, имевших головы заставили склонить (головы)...

В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и переправясь через Иртыш. Тюргешский народ мы победили...

В этом сражении Кюль-Тегин был тридцати лет; сев верхом на своего белого (коня) Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколол (копьем) одного за другим.

...Кюль-Тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке порубил мечом седьмого» (Малов, 1951, с. 33, 35, 38, 41—43).

Такие «актуальные» сюжеты являются стержневыми в наскальных изображениях эпохи средневековья от Прибайкалья до Дуная (см. рис. 180). На скалах запечатлены сражающиеся или скачущие герои-всадники, иногда закованные в панцири. Это героизированные вожди, правители, совершившие при жизни (надо полагать, петроглифы, как и упомянутые выше эпитафии, фиксировали события минувших времен —

неважно, по горячим следам или по прошествии определенного времени) необыкновенные подвиги и отличившиеся воинскими доблестями. Независимо от того, изображены ли на скалах герои или их души, мы должны эти образы также связывать с культом предков. В этом отношении семантика образа вооруженного воина-всадника в петроглифах сравнима (или совпадает) с семантикой древнетюркских каменных изваяний.

Образы воина и его коня неотделимы в петроглифах, тем более в эпических сказаниях. Обе категории духовной культуры тюрко-монгольских народов в этом отношении имеют генетические, культурно-исторические и типологические сходства (Липец, 1984).

Без коня воина средневековой эпохи представить трудно. Образ богатырского коня — неотъемлемая часть эпоса и сказок. В. М. Жирмунский отмечал связь образа коня в богатырской сказке с мифологическими представлениями о звере, чудесном помощнике человека, основанными на древних тотемических верованиях (1960, с. 198).

О нераздельности судьбы героя и его коня удивительно точно сказано в алтайском героическом эпосе:

«Днем ты — крылья мои,
Умрем — могила у нас одна,
Ночью — неразлучный друг.
Живы будем — жизнь у нас одна».

(Суразаков, 1985, с. 31)

Культовый воина-всадника в древнетюркском обществе получил отражение и в погребальном обряде в виде сопроводительного захоронения коня в полном снаряжении или его части по принципу парциальной магии — часть вместо целого. Погребения воинов с конем, фиксируемые во всем ареале распространения средневековых кочевнических культур, связаны с представлениями о загробной жизни.

Батальные сцены с участием конных и пеших воинов позволяют судить о видах и способах применения оружия в бою. В киргизском эпосе Манас красочно описывается поединок Манаса с Конурбаем на пиках с использованием других видов оружия — клинков, секир (Манас, 1960, с. 109—112). О некоторых приемах обращения с пикой во время поединков, устраиваемых в честь умерших предков у киргизов в конце XIX — начале XX в., пишет Г. Н. Симаков. Участники единоборства держали пику, зажав крепко под мышкой, иногда конец древка приставляли к плечу, нацелив на соперника, или же — обеими руками, но при этом упирая конец в ладонь откинутой назад руки. В некоторых случаях практиковали такой прием, при котором конец древка пикой упирался в луку седла или в углубление под лукой (для чего в углубление забивались войлочные колпаки). Иногда для опоры древка использовали боковую часть ленчика седла и наносили удар силой скачущего коня, но этот способ ограничивал всадника в возможности маневрирования. Во время нанесения удара пикой всадники привставали на ступнях (Симаков, 1984, с. 53).

Изображения тяжеловооруженных воинов-катафрактов не единичны в петроглифах степного пояса. В Казахстане они представлены петроглифами Прибалхашья (Медоев, 1979, рис. 55, 59). Вероятно, они изображают спешившихся тяжеловооруженных воинов. В иконографическом (и в семантическом) отношении прибалхашские воины сопоставимы с изображениями воинов на серебряном блюде из Кулагыша. О доспехах тяжеловооруженных воинов можно судить не только по средневековой тюркитике (например, аниковское блюдо, серебряный кувшин из Сентмиклошского клада и т. д.), живописи (Пенджикент, Афрасиаб), наскальным изображениям (Сулек, Хархад), эпосу (Манас, 1960, с. 97, 106—108), но и по этнографическому материалу. В этом отношении очень интересны данные о доспехах киргизских сайышсы (Симаков, 1984, с. 49—50).

Вполне возможно, что в эпоху раннего и развитого средневековья наряду с панцирными и кольчужными в бою применялись доспехи, аналогичные киргизским.

Средневековые петроглифы демонстрируют также различные способы стрельбы из лука (например, Сулекская писаница): в ряде случаев в них мы видим не только батальные сюжеты, но и охотничьи бытовые сцены перекочетов (Евтюхова, 1948, с. 47—50, 88—89).

Комплекс волк — знамя. Как свидетельствуют археологические источники, происхождение знамени и его культа восходит к древнейшим родоплеменным штандартам, увенчанным фигурками различных животных и божеств (Окладников, 1951, с. 148; Егоров, 1967, с. 250—253).

Известная генеалогическая легенда древних тюрков, зафиксированная в китайских хрониках, связывает происхождение волчьих знамен с именем Ашины — одного из каганов правящей династии, возводившей свой род к волку — тотему¹⁷. Когда Ашина стал главой крупного родоплеменного объединения тюрков, «над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой — в воспоминание своего происхождения» (Бичурин, 1950, с. 220—221)¹⁸. Вероятно, подобные знамена древних тюрков первоначально представляли собой штандарты с фигурами волчьей головы хотя впоследствии они могли быть заменены полотнищем с изображением головы волка (Окладников, 1951, с. 148). Об этом говорят этнографические, фольклорные материалы как по культу волка, так и по культу знамени (Гордлевский, 1969, с. 482—504; Потапов, 1958, с. 135—142; Липец, 1981, с. 120—133; Абрамзон, 1971, с. 285—289; Илимбетов, 1971, с. 224—228; Кузеев, 1974, с. 129—132;

¹⁷ Само имя «Ашина» некоторыми исследователями переводится как «волк» (Гумилев, 1967, с. 23; Сарткожаулы, 1984, с. 20), хотя существуют и другие толкования (см. например, Кляшторный, 1964, с. 111—112; 1965, с. 278—281; Зуев, 1967).

¹⁸ Известна и вторая легенда, в основе которой также лежит версия о происхождении тюрков от волчицы. В этой связи трудно переоценить значение бугутской стелы из Архангайского аймака в МНР, в верхней части которой изображена волчица, кормящая человеческого детеныша (Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 52—59).

По данным письменных источников, древние уйгуры также имели волчьих знамена, которым поклонялись. Однако самое любопытное, что по поводу происхождения гайюгюйцев, т. е. уйгур, китайская хроника содержит аналогичную легенду; гайюгюйцы произошли от брака младшей дочери хуннского шаньюя со старым волком (Бичурин, 1950, с. 214—215, 310—311).

Короглы, 1983, с. 166—167; Маргулан, 1983, с. 48—49; Урманчиев, 1987).

Письменные источники свидетельствуют о существовании в середине XI — начале XII в. у половцев орды Бурчевичей, ведущей свое происхождение от древнетюркского тотема (волка) и имеющей ярко выраженный культ волка-покровителя (Плетнева, 1978, с. 179). Глава орды Бурчевичей (кстати, название орды также происходит от тюркского бори — волк) хан Боняк одновременно был верховным жрецом этого культа. В русской летописи зафиксировано, что в ночь перед битвой с венграми на Вягре в 1097 г. он занимался волхвованием: «...и яко бысть полунощи и встав Боняк отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начаша волци выти» (цит. по: Плетнева, 1978, с. 179).

Следы почитания волка сохранились и в казахском шаманстве. По свидетельству К. Сарткожаулы, во время сеанса камлания шаман призывал на помощь поочередно волчицу-прародительницу, вскормившую его, сивогривого матерого волка-вожака, шестисаженного голодного волка, молодого алтаеподобного серого волка и клыкастого лютого (Сарткожаулы, 1984, с. 21).

Тотемистические истоки культа волка достаточно четко прослеживаются в мифологических представлениях разных народов мира. Так, В. В. Иванову удалось при анализе индоевропейских слов и текстов проследить многочисленные варианты представлений о человеках-оборотнях, становящимися волками, обрядов наряджения в волчью шкуру (например, волкодлаки, волтаки у западных и южных славян и др.). В древнегерманских текстах содержатся известия о волках-воинах, волчьих плясках, что подтверждается археологическими находками германских шлемов с изображениями волчьей (собачьей) головы (Иванов, 1975, с. 406; 1980, с. 242). Типологические соответствия им можно найти в мифах и ритуалах народов Северной Америки и у восточных палеоазиатов.

Волк в ряде индоевропейских мифологических традиций связывается с культом Одина, которому приносили в жертву волков, водруженных на шести (Иванов, 1975, с. 404)¹⁹. В данном случае просматривается космологическая символика образа волка, связь его с мировым деревом. Интересно, что в некоторых текстах образ волка связывается с губителем мира, «пожирателем луны и солнца», а также с человеком, совершившим преступление (о связи образа волка с нечистой силой, хтоническими представлениями см. также: Свешникова, 1979, с. 208—221). В древнехетских и германских юридических текстах отмечается казнь волка (коня, собаки) у столба, увенчанного колесом, вместо воров-изгоев (Иванов, 1975, с. 404). Вероятно, в этих источниках отложились древнейшие обряды человеческого жертвоприношения верховным божествам типа Одина, выступающего в ряде мифологем как хто-

¹⁹ Типологическим аналогом является сванский ритуальный шест с надетой волчьей шкурой. Как отмечает В. В. Иванов, исследовавший этот символ В. В. Бардавелидзе считает его прототипом сванских знамен «лем» (Иванов, 1975, с. 404).

нический демон-божество (Мелетинский, 1982, с. 241—242). Впоследствии они были заменены конем, собакой и т. д.

Широкий круг вопросов, связанных с культом знамени у тюрко-монгольских и других народов, рассмотрен А. П. Окладниковым (1951, с. 150—154; Окладников, Запорожская, 1959, с. 109—129). О том, что у казахов наряду с культом волка существовали и волчьи знамена, можно судить по стихам поэта-импровизатора Сюимбая Аронулы, жившего в XIX в.:

Бәрі басы — ұраным,
Бәрілі менің байрағым,
Бәрілі байрақ көтерсе
Қозып кетер, қайдағым

Волчья голова — мой клич боевой,
Стяг мой с волчьей головой.
Когда реет волчье знамя,
Дух мятежный владеет мной.

(Перевод наш. — З. С.)

В казахской этногенетической легенде — шежере отложились сведения о знамени Жанибек-батыра Шакшакулы — исторической личности из рода Молкы племени Абак-Кирей. Знамя Жанибека считалось священным символом племени Абак-Кирей. В мирное время хранилось в специальном сундуке-реликварии, перед которым запрещалось садиться. В дни войны при церемонии выноса и водружения, перед развернутым знаменем шествовали два волка-близнеца. Последние находились при знамени предводителя во время похода. Легенда приписывает знамени Жанибека магическое свойство вещать о приближении вражеских войск, шевелясь и издавая особые звуки. Эта легенда интересна тем, что позволяет провести «мост» к древнейшим, возможно индоевропейским, истокам связей культа волка со знаменем. Прежде всего, эта легенда может быть ассоциирована с мифами о богах войны Арее и Марсе, которым посвящен хтонический трехглавый волк Водане, и особенно со скандинавским Одином, которого сопровождают два его волка — Гери и Фреки (их эпитеты «жадный» и «прожорливый»), именуемые псами (Иванов, 1975, с. 399). В данном случае волк выступает в качестве символа, атрибута бога войны, его зооморфного эквивалента. Согласно некоторым текстам, волк является также атрибутом царя и его дружины (например, войско хеттского царя Хаттусилиса I именовалось волком)²⁰. Аналогичные сведения содержатся и в древнегрузинских источниках, где царь именуется «волкоглавым» (Иванов, 1980, с. 242; 1975, с. 407).

Эволюция волка-тотема в волчьи знамена происходила через тотемные штандарты (рис. 186).

Знамя — вместилище духа — покровителя племени, народа. У монголов — это сульдэ Чингисхана. Хара сульдэ (черное знамя) и Цаган сульдэ (белое знамя) играли громадную роль в формировании культа основателя монгольской империи, особенно после его смерти. Культ сульдэ значительно шире, чем культ знамени; он предполагает наличие особого святилища, ритуальных действий и ряд идеологических момен-

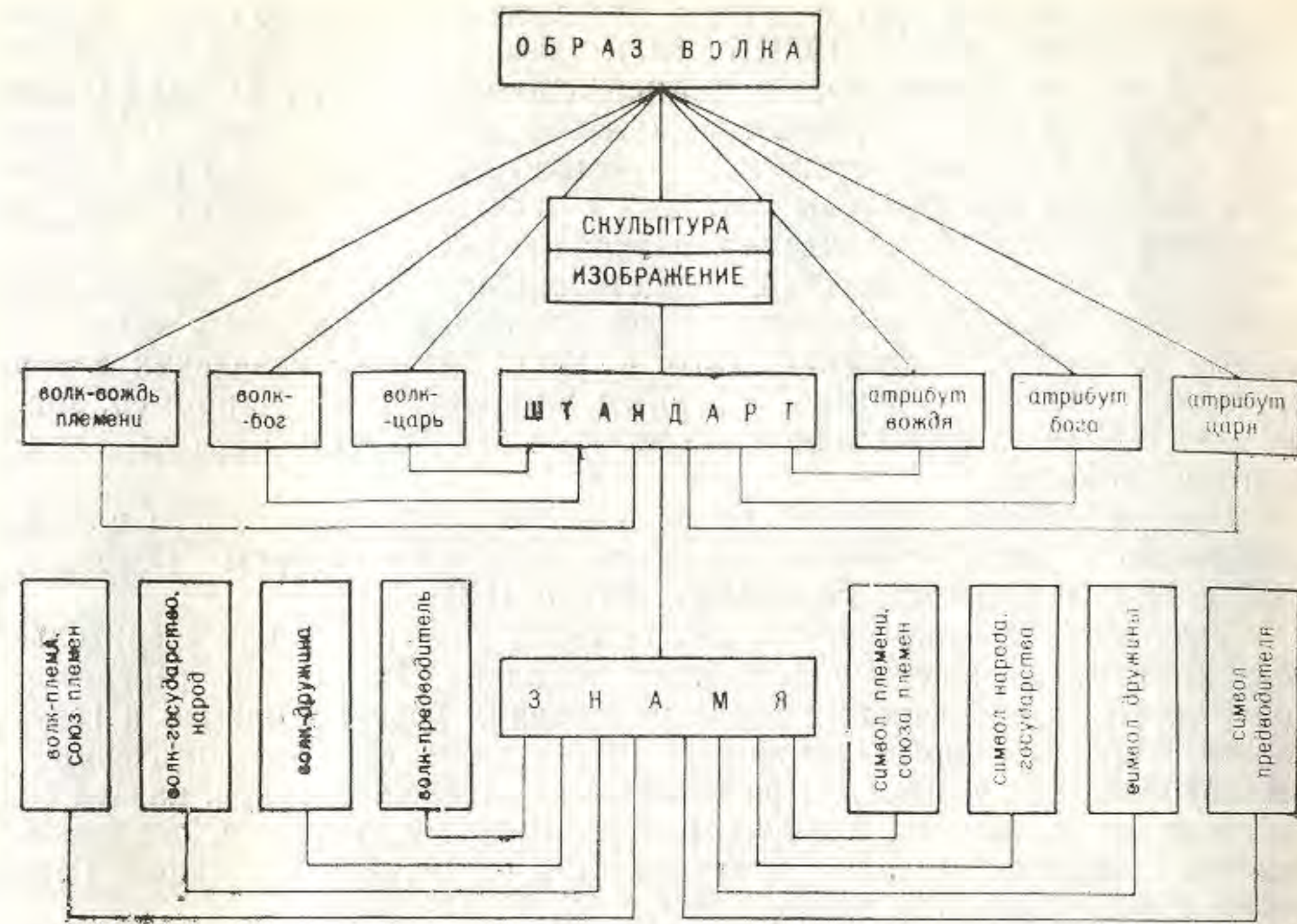

Рис. 186. Схема комплекса волк — знамя

тов. По Б. Я. Владимирцову (1927, с. 23), сульдэ означает душу, одну из душ. «Сульдэ великого человека становилось гением-хранителем его рода, племени, целого народа. Сульдэ Чингисхана стало знаменем всех объединенных им монголов. Культ сульдэ представляет собой один из элементов культа Чингисхана. Он идентифицируется со знаменем, гением которого стал божеством — защитником войска и народа в целом. Сульдэ-знамя и сульдэ-гений войска — синонимы. Пока сульдэ-знамя цело, народ процветает. Если же с ним что-нибудь случается, войску и народу грозят несчастья. Именно поэтому обряды освящения знамени и его бунчуков (спутников-помощников гения-хранителя самого знамени) и жертвоприношения им в связи с военными походами «носили устрашающий, кровавый характер, включавший даже человеческие жертвы» (Жуковская, 177, с. 109—110)²¹.

Знамя — символ единства народа. Это одно из основных значений знамени на этапе родоплеменного объединения и государственного образования. «Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула — с другой стороны, были

²⁰ Телохранилища тюркских каганов именовались, по данным китайских источников, фули (буре), т. е. волками (Бичурин, 1950, с. 229).

²¹ Об обряде освящения знамени Чингисидов в Средней Азии в XIV—XV вв. см.: Окладников, 1951, с. 150.

Кровавую жертву боевым знаменам приносили кидане (Ларичев, Тюрюмниа, 1975, с. 108).

неразрывно связаны друг с другом. Без знамени не могло быть вождя или хана» (Окладников, 1951, с. 151). Данное положение прекрасно иллюстрируется символическим комплексом из мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане, являвшегося ставкой казахских ханов (Массон, 1922, с. 16). Комплекс состоял из огромного, в человеческий рост, котла, к которому прикреплены знамена с хвостами из конских волос, и олицетворял собой объединение казахских племен.

Знамя главы государства, олицетворявшее единство народа, его достоинство, во время военных походов вручалось верховному командиру (Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 102). Знамена казахских ханов вручались наиболее опытным и верным их соратникам. Например, знамя хана Аблая во время одного из походов нес известный батыр — полководец Олжабай.

Потеря знамени и других особо важных атрибутов власти и полководческого ранга в войне считалась всеобщим позором (Левшин, 1832, с. 52—54; Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 103).

Значение знамени, бунчука как символа власти или как «верительной грамоты» отражено в китайских хрониках. Китайский император при различных сношениях с главами соседних кочевых племен и государств отправлял своих сановников с бунчуками как уполномоченных, действующих от его имени. При возведении на престол ханов, князей он жаловал их знаменами, бунчуками и различными титулами, подчеркивая тем самым их вассальную зависимость от китайской империи (Бичурин, 1950, с. 203—373; Кюннер, 1961, с. 37, 60, 139, 161).

Особо важную роль знамя играло в дипломатических церемониях, происходивших в ставках западно-тюркских каганов (Мокрынин, 1975, с. 112—113).

Знамя в погребально-культурной практике. Материалы по этнографии казахов, киргизов и других народов свидетельствуют, что в основе функции знамени в погребальном обряде лежит та же формула: знамя — вместилище души человека. Казахи и киргизы выставляли знамя покойника (если он обладал при жизни этим атрибутом) или небольшое полотнище, прикрепленное к древку его копья (если он был рядовым членом общества, воином) через шанырак юрты. После погребения покойника, скачек, устраиваемых в случае, если он принадлежал к привилегированному слою общества, и других игр древка флага или копья (очевидно, олицетворявшего телесную субстанцию) разламывали и бросали в огонь, очаг, на котором готовилась траурная трапеза (Диваев, 1843, с. 49—66; Симаков, 1984, с. 141—142)²². Личные знамена предводителей сохранялись потомками в качестве священных реликвий рода, племени, а траурные флаги, используемые при похоронах рядовых членов общества, сжигали вместе с обломками древка копья. Анализируя роль знамени в погребальном обряде, А. П. Окладников высказал мнение, что фигуры всадников со знаменами на ленских писаницах «могли быть изображениями умерших вождей, соответствуя тради-

²² Символическое значение имело укрепление нижнего конца древка знамени у очага с огнем. Знамя ассоциировалось здесь с хозяином дома, очага; слом древка — с физической смертью, а сжигание — с переходом его души в иное качество.

ционным культовым фигуркам — куклам или болванам, изображающим покойного вскоре после кончины в качестве вместилища его души» (Окладников, 1951, с. 153). Знамена использовались и в шаманстве (Малов, 1918, с. 1—6; Ольденбург, 1918, с. 17—20).

Цветосимволика знамени. Цвет знамени нес значительную символическую нагрузку. Голубое знамя древних тюрков ассоциировалось с небом, верховным божеством — кок тенгри и иногда называлось золотым по цвету золотого волчьего наверхия. В. П. Мокрынин полагает, что у древних тюрков знамена были красного цвета (1975, с. 113). Знамена средневековых арабов преимущественно были зелеными, но в источниках упоминаются белые и черные. Знамя киданьского императора было пятицветным (Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 103), а знамена монголов и самого Чингисхана — разноцветными. В казахском героическом эпосе и фольклоре упоминаются самые разнообразные по цвету знамена: наряду с белыми, зелеными, желтыми, красными и черными бело-зеленые, бело-желтые, черно-белые и др. (Кайдаров, 1976, с. 28).

Цветосимволика знамени играла существенную роль в погребально-культурной практике как показатель возрастной категории умершего. Так, у казахов и киргизов при смерти пожилого человека вывешивали белый флаг, среднего возраста — черный флаг, а молодого — красный флаг (Симаков, 1984, с. 142).

Цвет знамени иногда обозначал принадлежность воинского подразделения к определенному роду. А. Левшин писал, что воины отдельных подразделений казахов для отличия от других навязывали на руки материю цвета знамени своих предводителей (Левшин, 1832, с. 52—54).

Таким образом, рассмотренные на индоевропейском, индоарийском и древнетюркском мифологическом уровнях группы петроглифов основаны на таких общечеловеческих универсалиях, как представления о пространстве и времени, бинарные оппозиции, вертикальная и горизонтальная модели мифологической вселенной, мать-прародительница, священный брак и т. д. Отдельные сюжеты наскальных изображений («мировое дерево», «конь у мирового дерева», сцены жертвоприношения различных животных и другие), широко распространенные во времени и пространстве, вероятно, имеют общеиндоевропейскую подоснову и хорошо согласуются с индоарийскими, древнетюркскими и другими поздними мифологическими текстами. Эпический образ конного воина (с символами и атрибутами) в гравюрах эпохи раннего средневековья, отражая военно-политический характер государственных образований степей Евразии, имеет ярко выраженный прокламативный характер. Этот образ достаточно хорошо известен и в произведениях устного поэтического творчества тюрко-монгольских народов,

Анализ технико-стилевых, иконографических и других особенностей групп изображений быков позволил датировать их неолитическим временем. Однако предлагаемый возраст указанных рисунков небесспорен. Пока не найдены серии петроглифов, которые могли бы выделяться на фоне изображений энеолита и бронзы глубокой архаичностью.

Энеолитическим временем датируются писаницы грота Акбаур и других местонахождений, имеющие соответствующие параллели в синхронных памятниках Казахстана, Алтая, Средней Азии, Юго-Восточной Европы и Кавказа. В конце эпохи бронзы наблюдается бурный расцвет наскального изобразительного искусства племен Верхнего Прииртышья и ряда прилегающих территорий: разнообразнее становятся видовой состав петроглифов и содержание их сюжетов, начинают преобладать многофигурные композиции, появляются новые стилистические приемы и т. д. Этот процесс продолжается и в раннесакское время. Грандиозные некрополи и поселения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени, обнаруживаемые рядом с крупными петроглифическими комплексами, а также многочисленные орудия труда, предметы вооружения и роскоши, следы металлургического производства и остеологические материалы свидетельствуют о существовании в рассматриваемый исторический период мощных экономических предпосылок для подъема духовной культуры. Конец II — начало I тыс. до н. э. — период сложения кочевого общества, военной демократии, формирования всадничества и его идеологии. В изобразительном искусстве складываются наиболее существенные элементы сакского стиля. Поэтому рубеж II—I тыс. до н. э. можно рассматривать как единое «протосакское» время.

Новые материалы позволили наметить пути движения этнических групп — носителей изобразительной традиции типа «оленных камней» и «аржана» из центрально-азиатских степей в западном направлении (по предгорьям Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Таласского Алатау, охватывая широкую полосу межгорных впадин и бассейнов малых и больших рек) в конце II — начале I тыс. до н. э.

Гравюры эпохи раннего средневековья, легко распознаваемые во всем ареале древнетюркских культур, демонстрируют удивительное постоянство в трактовке всадника с воинскими атрибутами, символами и снаряжением. При изучении наскальных изображений средневековья уже необходимо акцентировать внимание на их этнической атрибуции, поскольку сейчас совокупность письменных и археологических источников позволяет более или менее ясно представить этнополитическую ситуацию в Евразийских степях во второй половине I — первые десятилетия II тыс. н. э.

Анализ природно-ландшафтного комплекса вокруг грота Акбаур и его формы, а также самых разнообразных материалов по мифологии, этнографии и евразийскому шаманству позволил предложить гипотетический вариант реконструкции обрядовых действий, происходивших здесь в дни каких-то календарных празднеств.

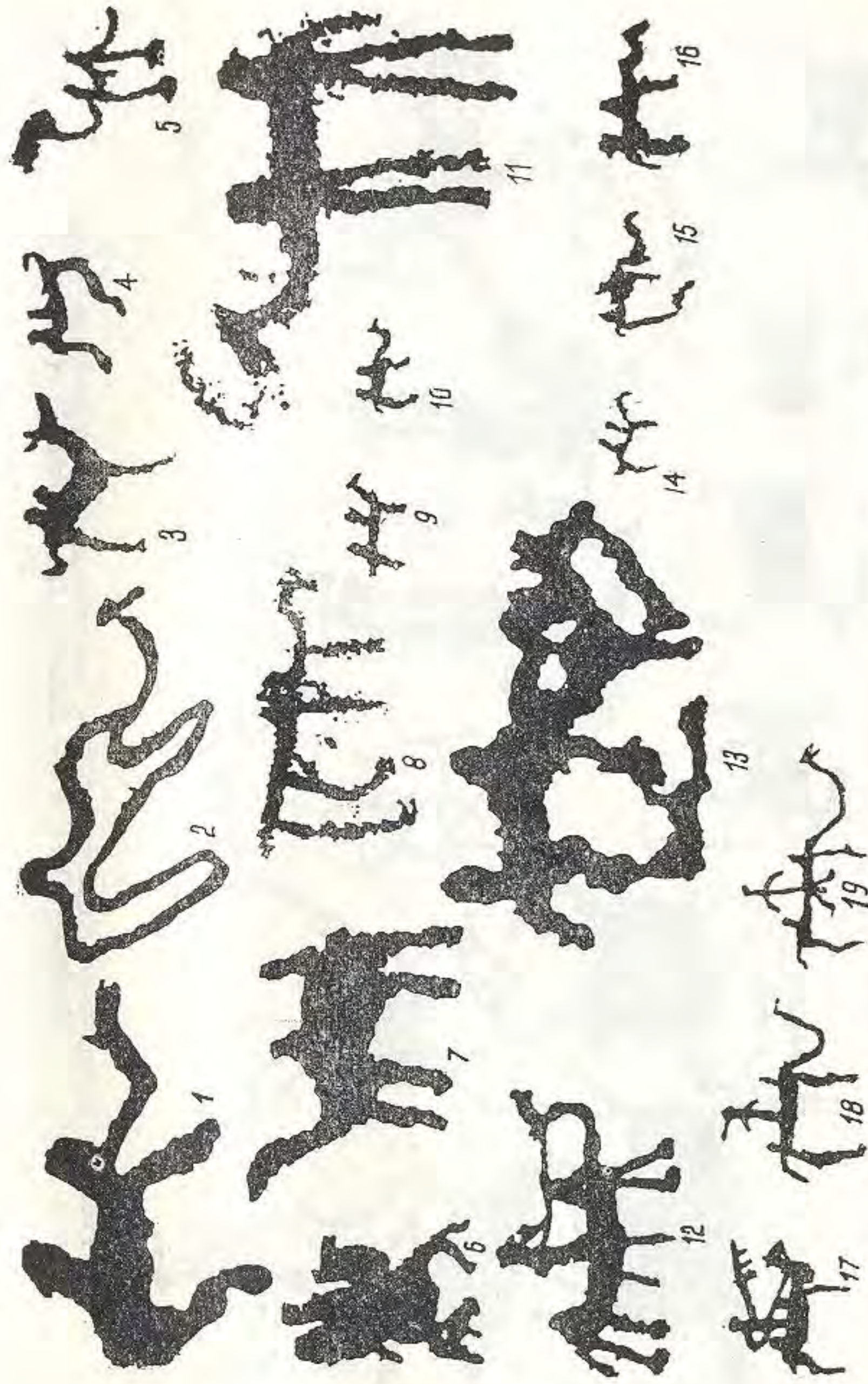

Рис. 187. Наскальные изображения верблюда: 1, 2, 5, 6 — Мойнак, 3, 4, 8, 11 — Зевакино; 9, 10, 14, 15 — Доланалы; 12, 13 — Окей; 16 — Курчум; 17—19 — Никитинка

Рис. 188. Изображения людей и животных, выполненные в геометрическом стиле:
 1—7, 10 — Окей; 8, 9 — Сагыр II; 11 — Мойнак

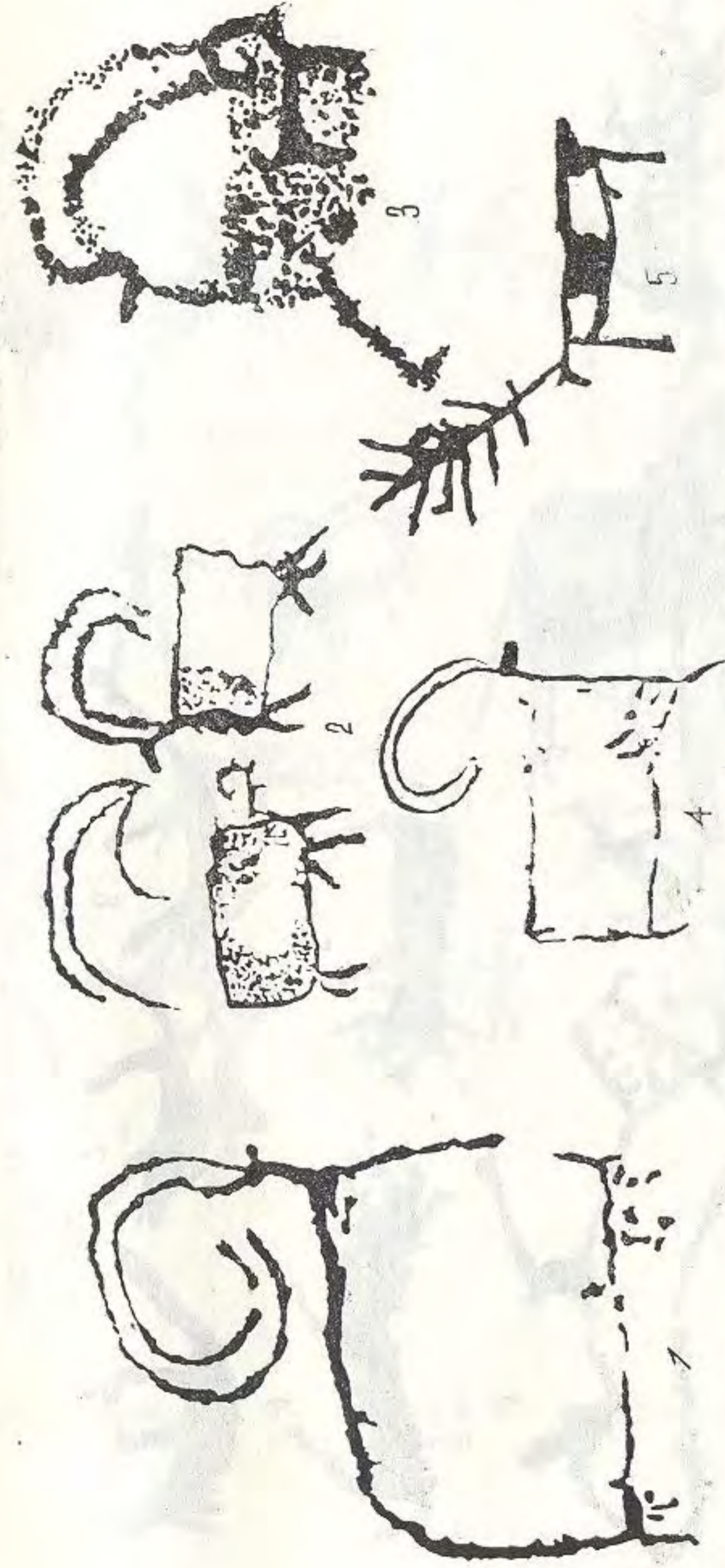

Рис. 189. Изображения животных с прямоугольными туловищами: 1—4 — Окей; 5 — Зевакино

Рис. 190. Наскальные изображения волка: 1—5 — Болгар-Табаты; 6—8 — Сагыр II

Рис. 191. Изображения лучника: 1, 2 — Курчум; 3, 8 — Мойнак; 4, 7, 8 — Доланалы; 5, 6, 9 — Окей

Рис. 192. Изображения лучника: 1, 9—11 — Доланалы; 2 — Тулькуне; 3, 8 — Зевакино; 4 — Покровка, Тарбагатай; 5, 6, 7, 12 — Никитинка

Рис. 193. Изображения лучника: 1, 5, 9, 10, 14 — Мойнак; 2, 11, 15, 16 — Окей; 3, 6, 7 — Доланалы; 4 — Курчум; 8, 12 — Зевакино; 13, 17, 18 — Тулькуне

Рис. 194. Изображения всадника: 1, 3, 6, 7 — Окей; 2 — Мойнак; 4, 5 — Тулькуне

Рис. 195. Изображения всадника: 1 — Камысты; 2, 3 — Мойнак; 4, 5, 6, 10 — Никитинка; 8 — Окей; 7, 9 — Курчум

Рис. 196. Петроглифы урочища Мойнак
Рис. 197. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 198. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 199. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 201. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 200. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 202. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 203. Петроглифы урочища Мойнак

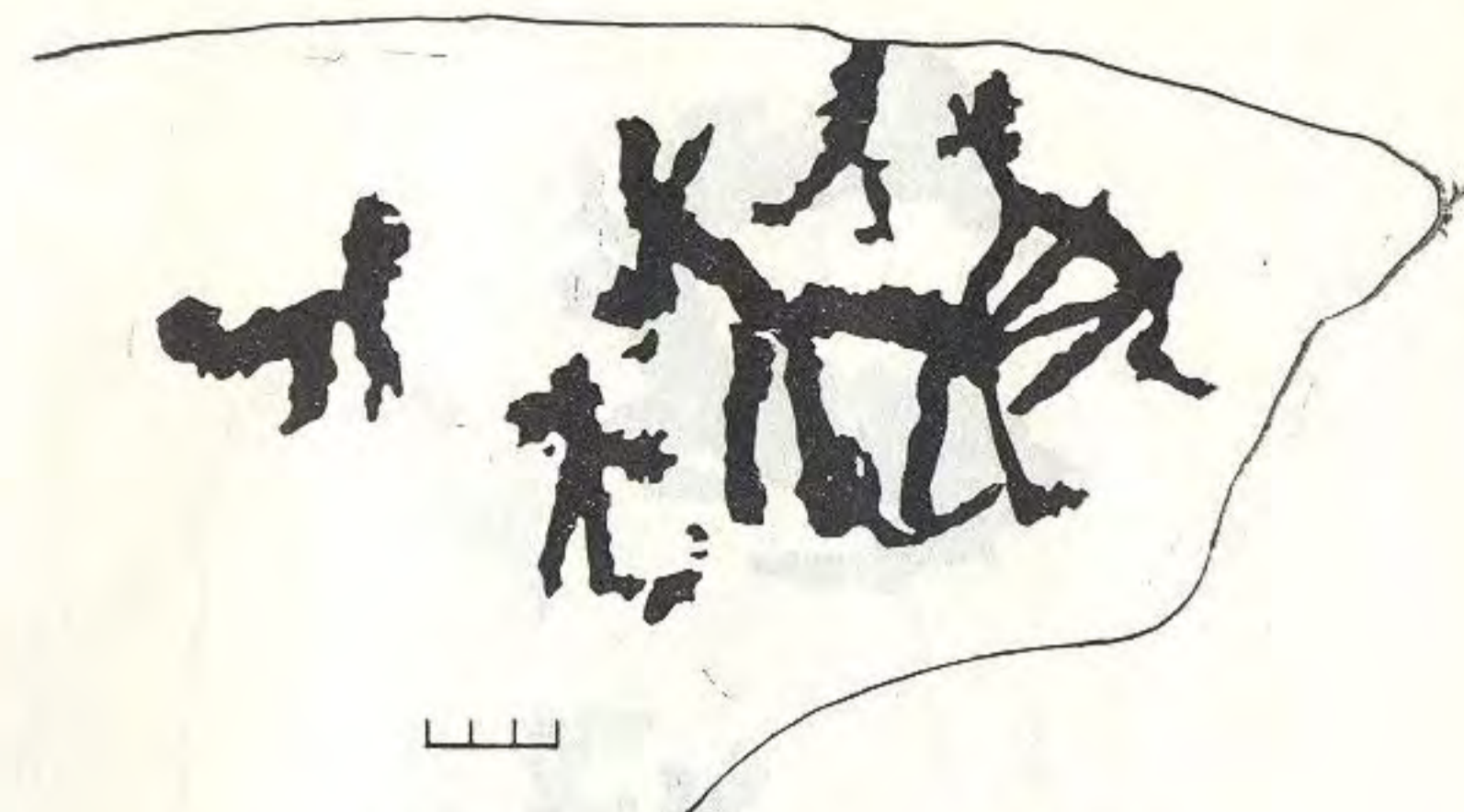

Рис. 204. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 205. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 206. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 207. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 208. Петроглифы урочища Мойнак

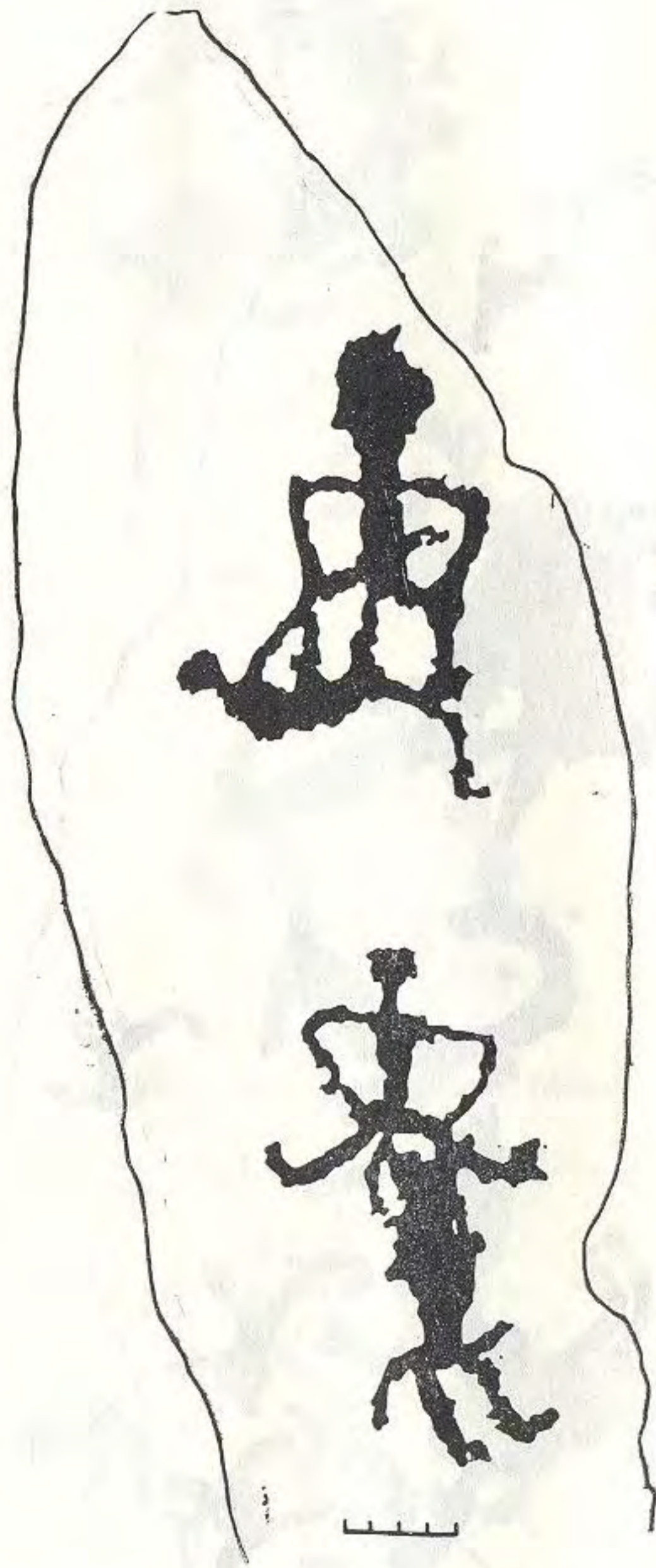

Рис. 209. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 210. Петроглифы урочища Мойнак

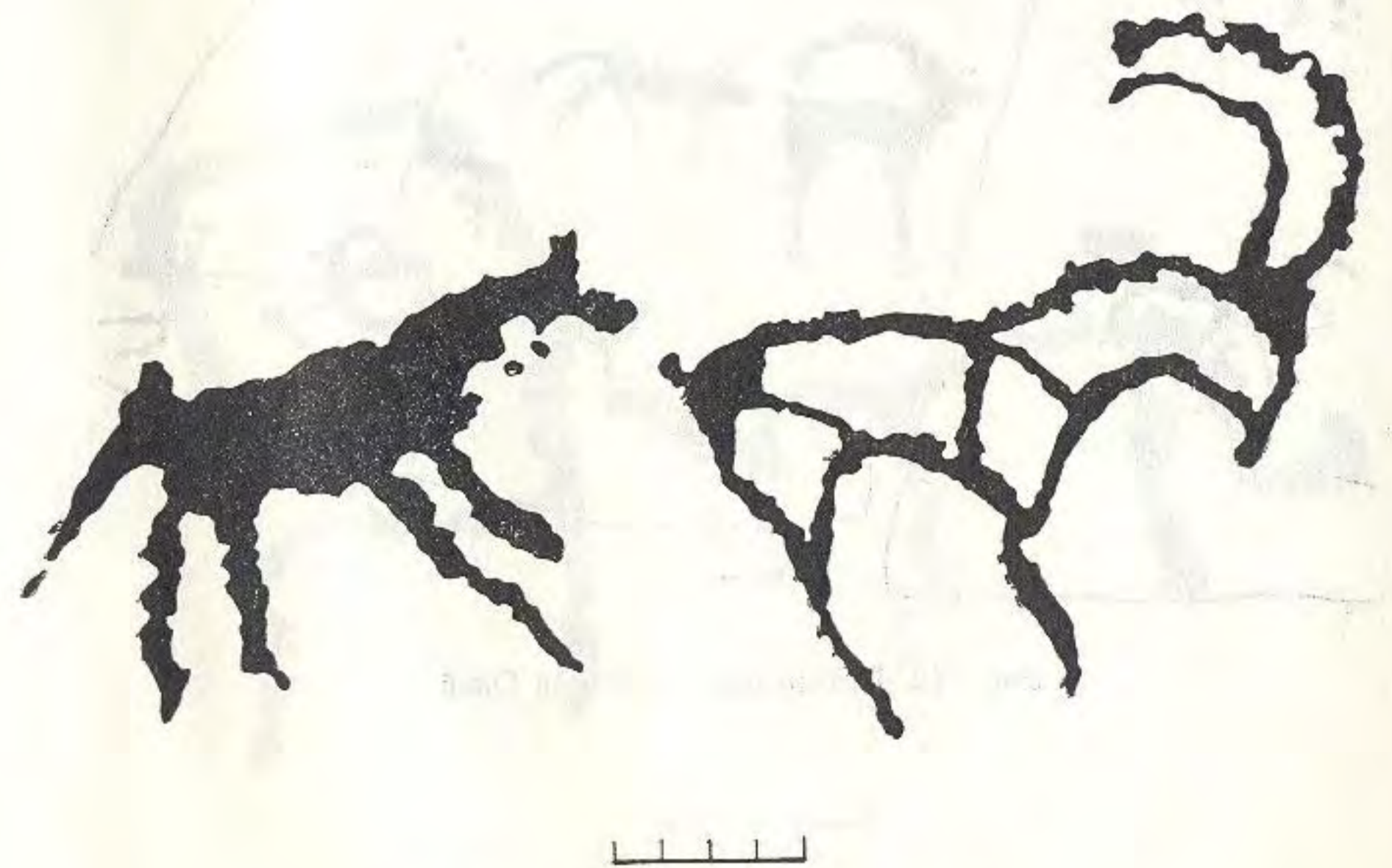

Рис. 211. Петроглифы урочища Окей

Рис. 212. Петроглифы урочища Окей

Рис. 213. Петроглифы урочища Окей

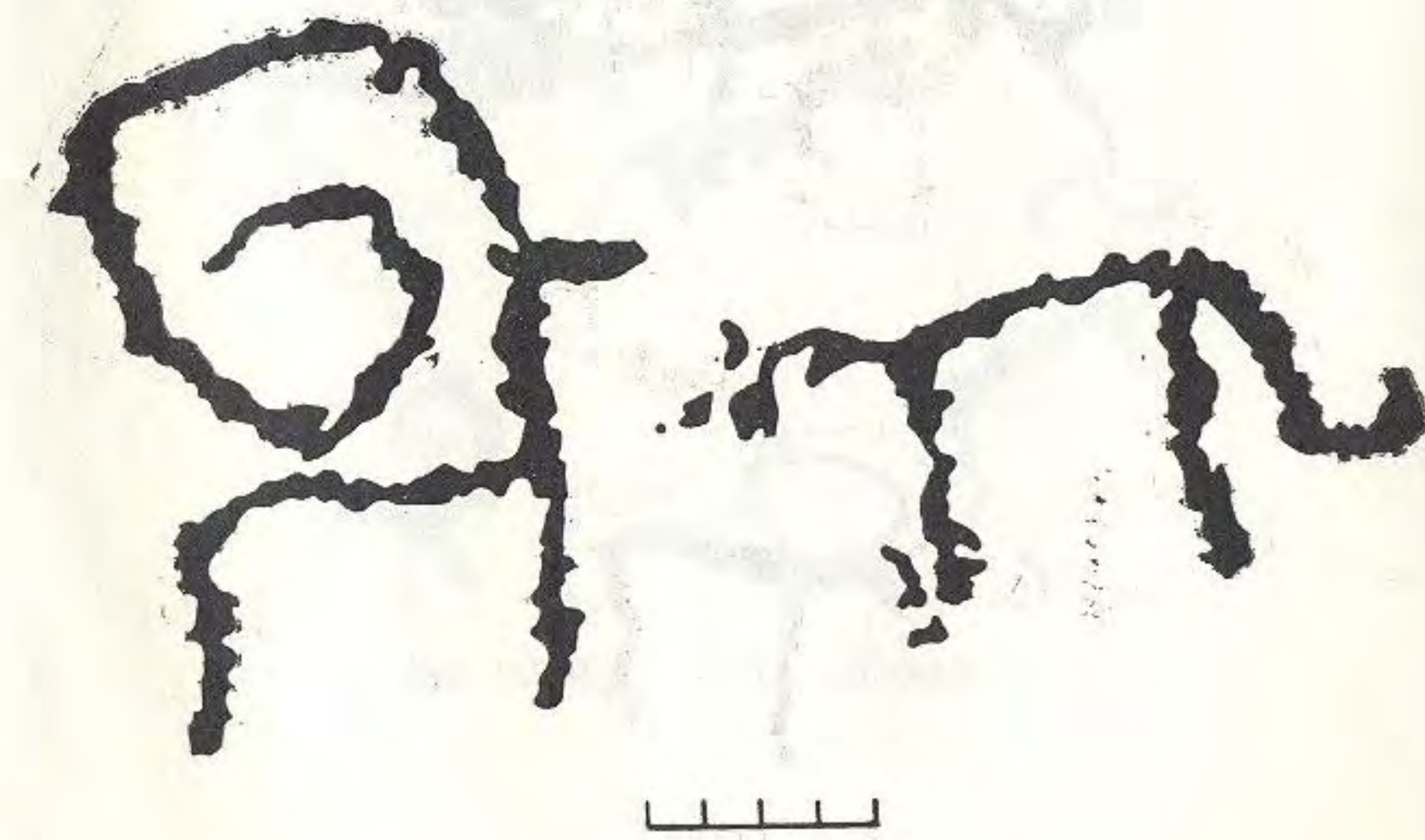

Рис. 214. Петроглифы урочища Окей

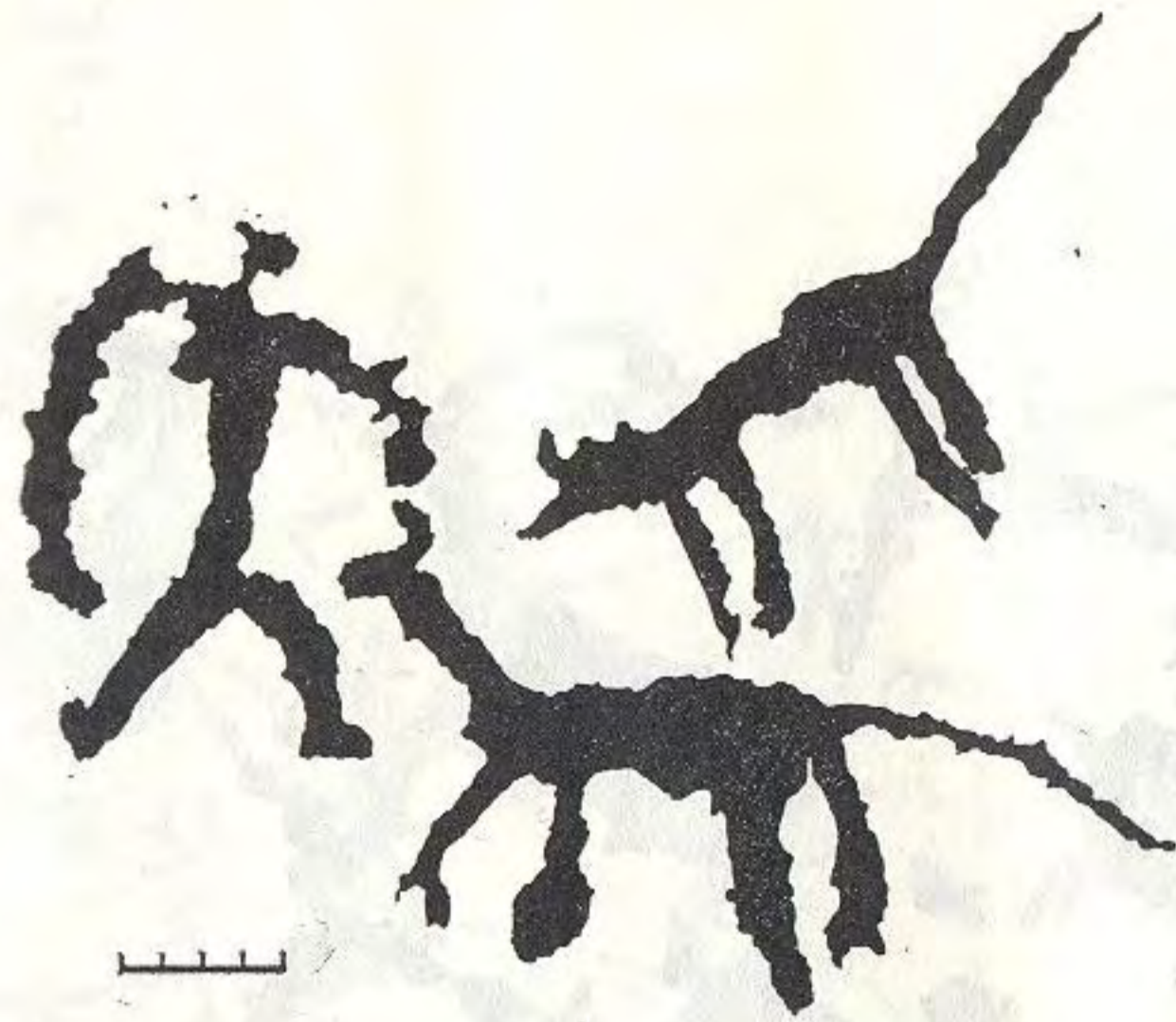

Рис. 215. Петроглифы урочища Окей

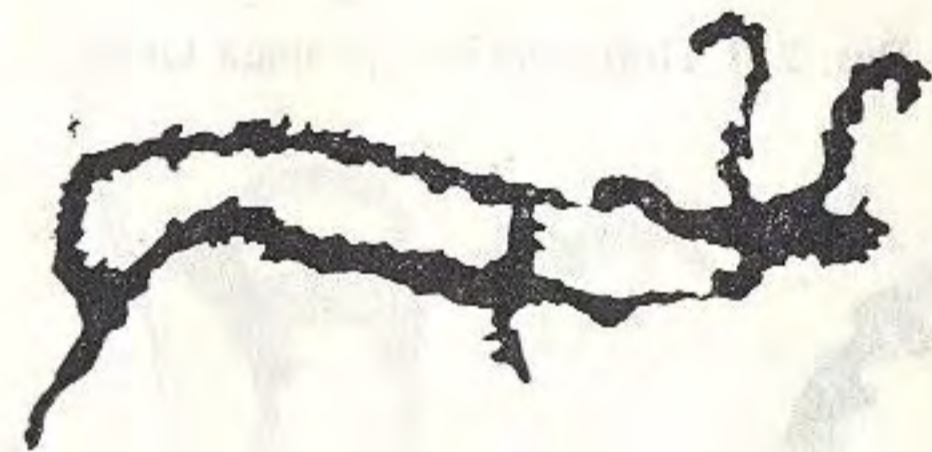

Рис. 216. Петроглифы урочища Окей

Рис. 217. Петроглифы урочища Окей

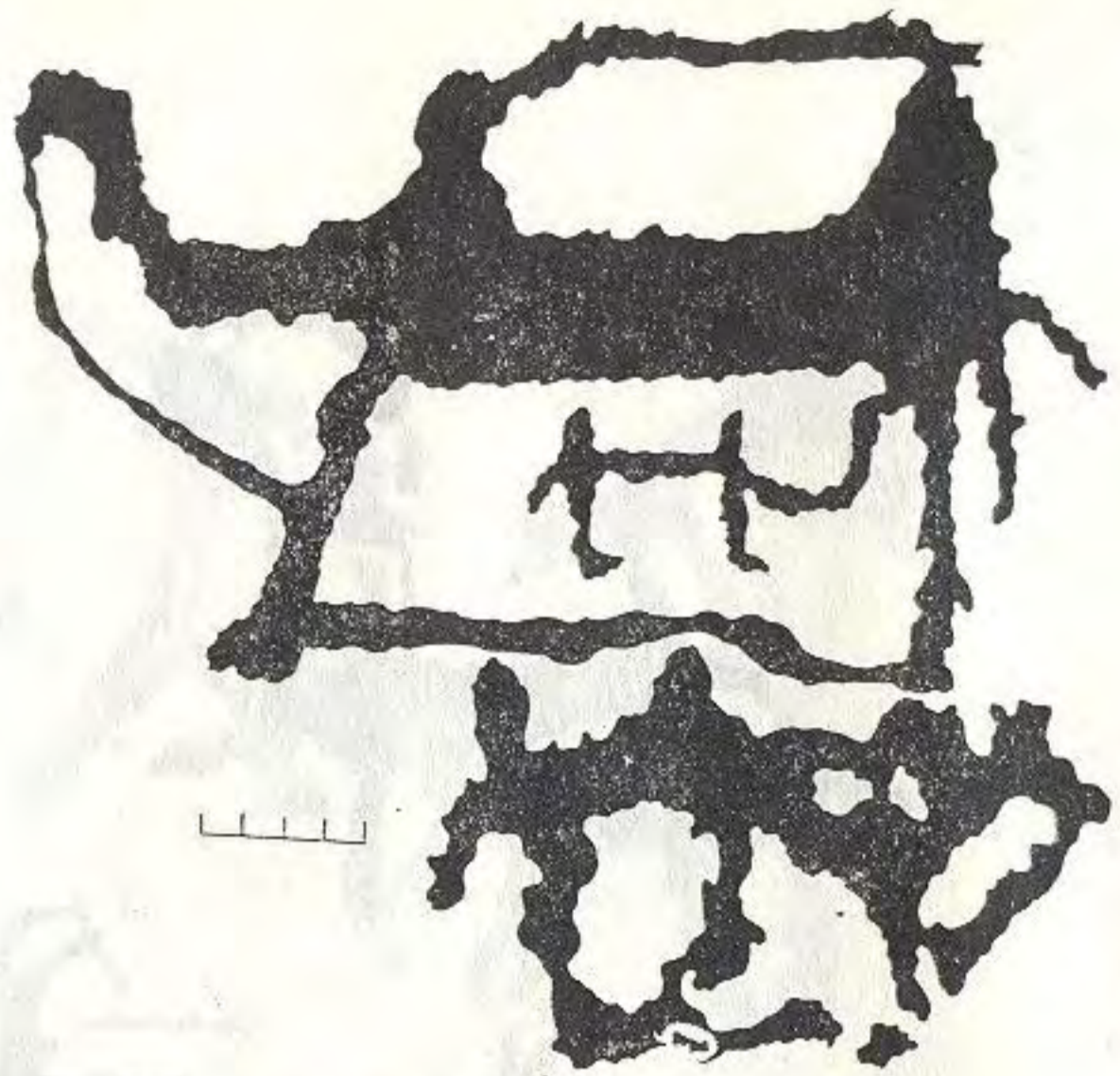

Рис. 218. Петроглифы урочища Окей

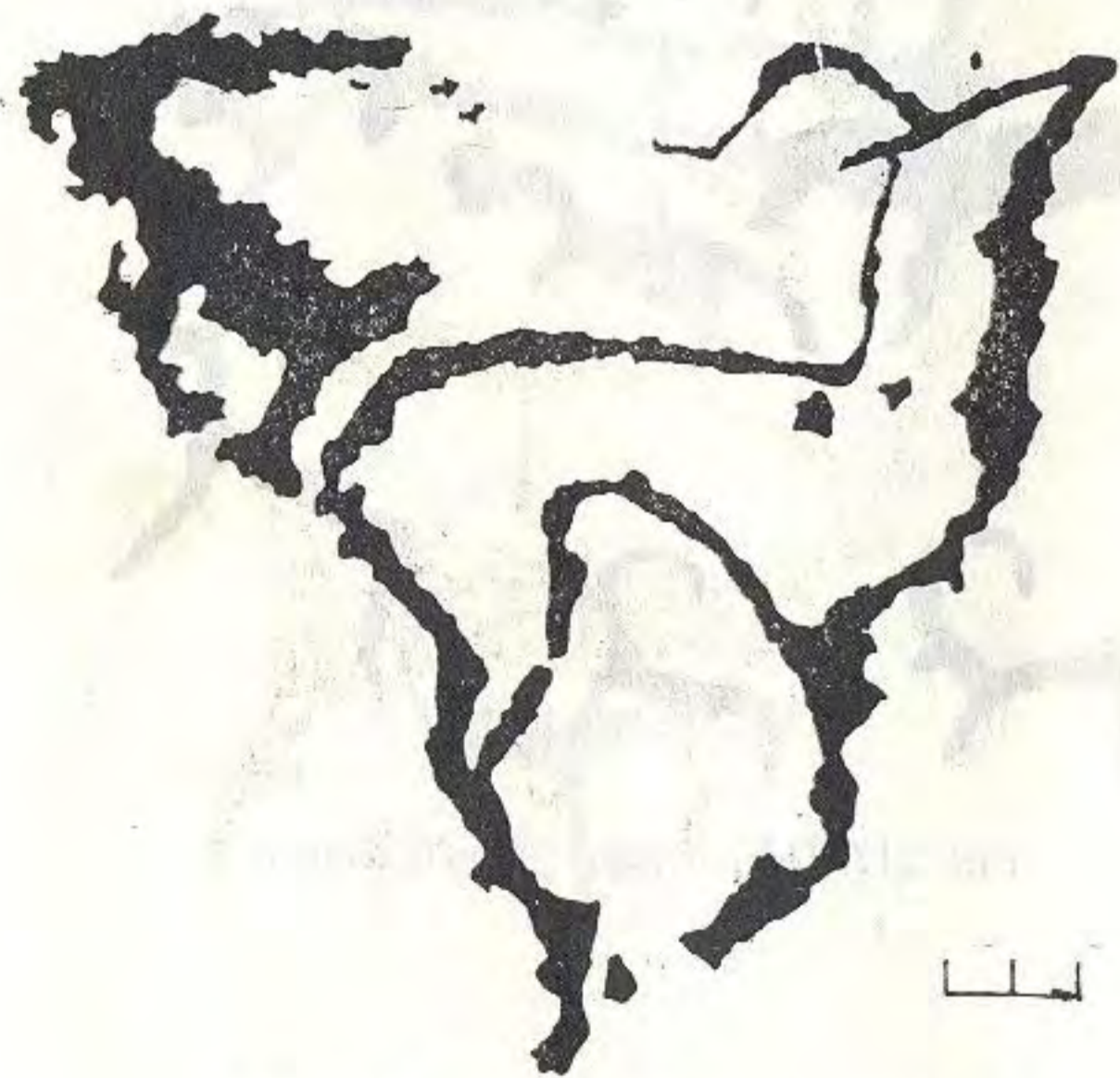

Рис. 219. Петроглифы урочища Окей

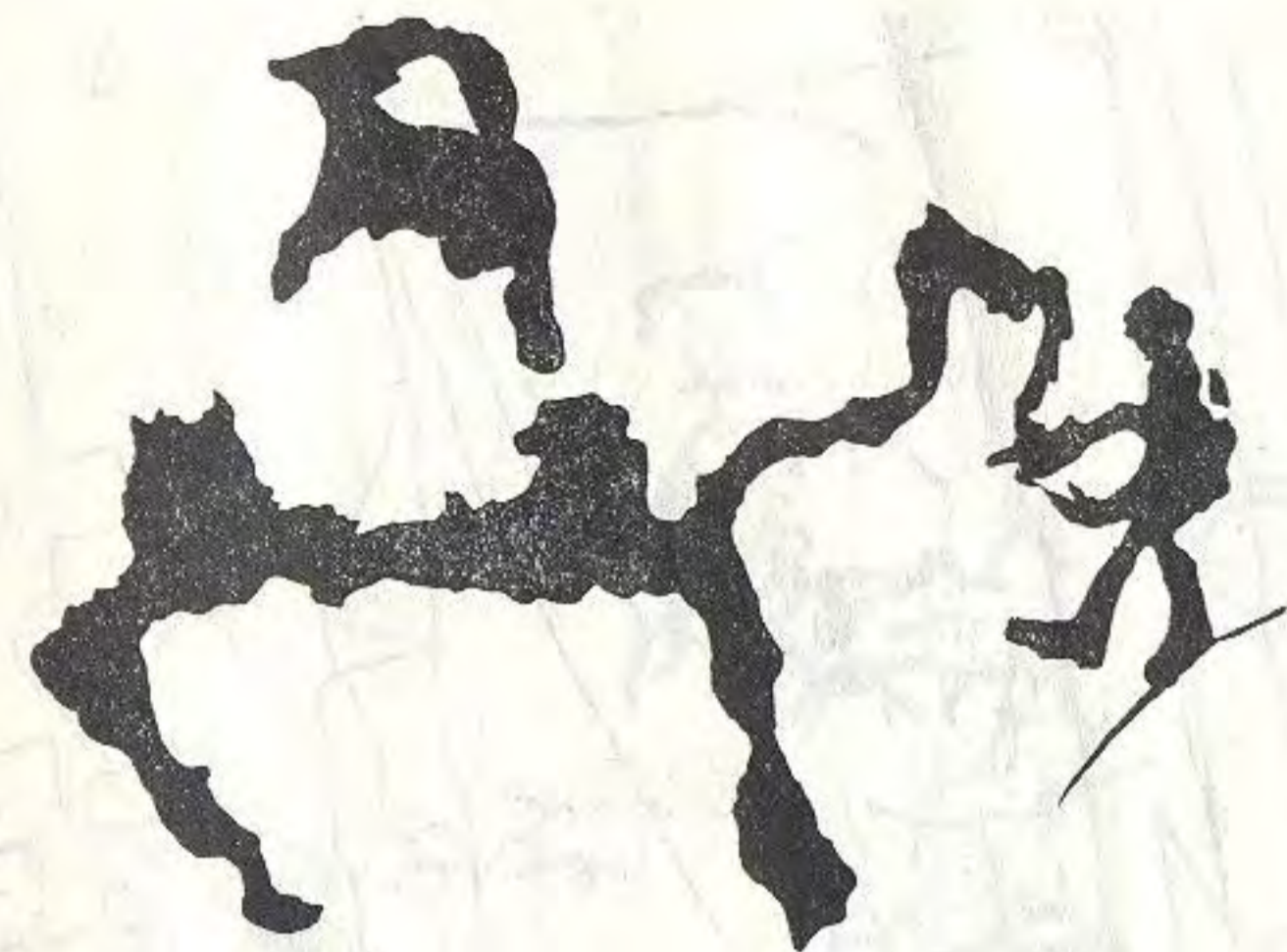

Рис. 220. Петроглифы урочища Окей

Рис. 221. Петроглифы урочища Окей

Рис. 222. Петроглифы урочища Окей

Рис. 223. Петроглифы урочища Окей

Рис. 224. Петроглифы урочища Окей

Рис. 225. Петроглифы урочища Окей

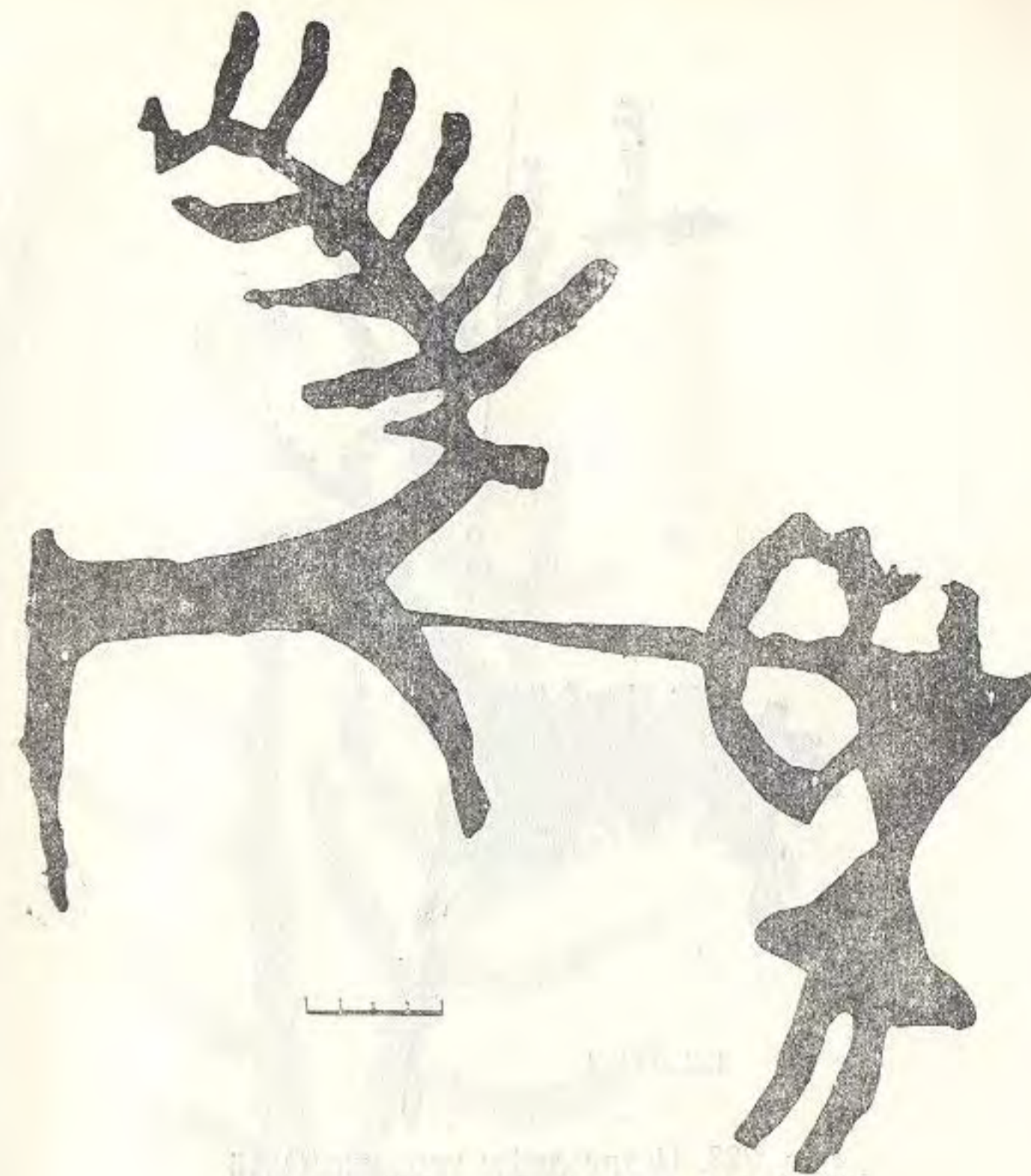

Рис. 226. Петроглифы урочища Окей

Рис. 227. Петроглифы урочища Окей

Рис. 228. Петроглифы урочища Окей

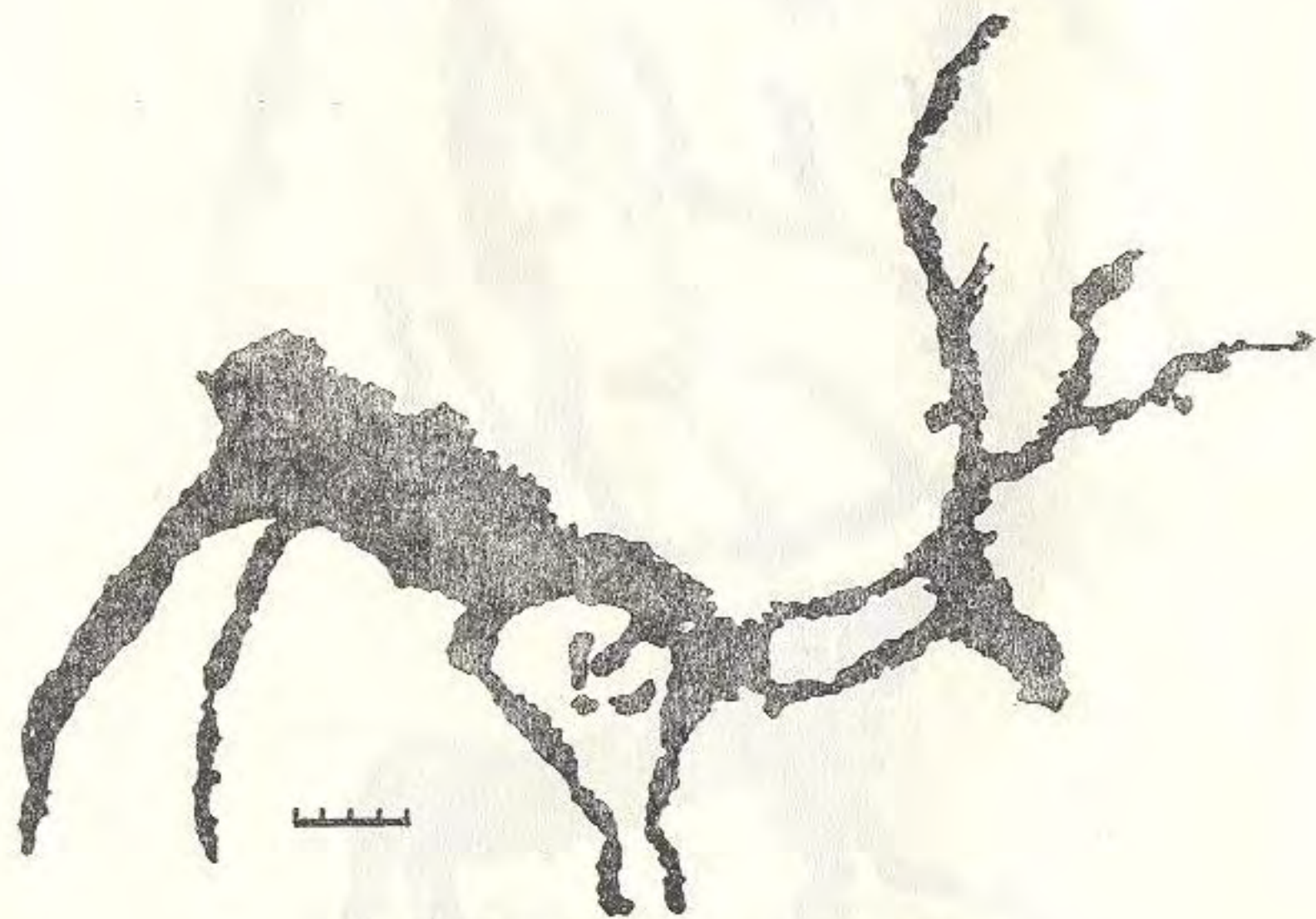

Рис. 229. Петроглифы урочища Окей

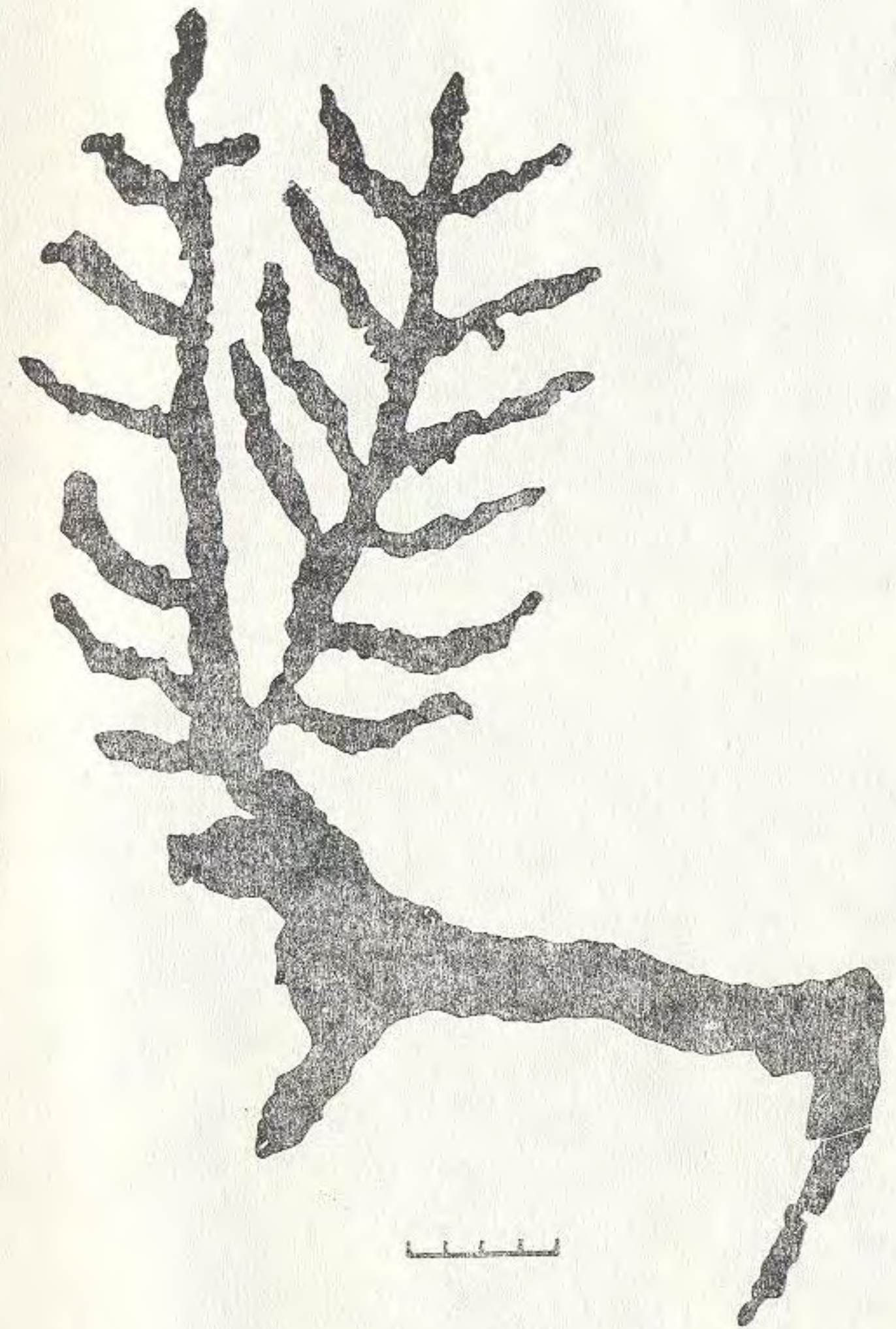

Рис. 230. Петроглифы урочища Окей

Рис. 231. Писаницы грота Акбаур

Рис. 232. Петроглифы Сагыра II

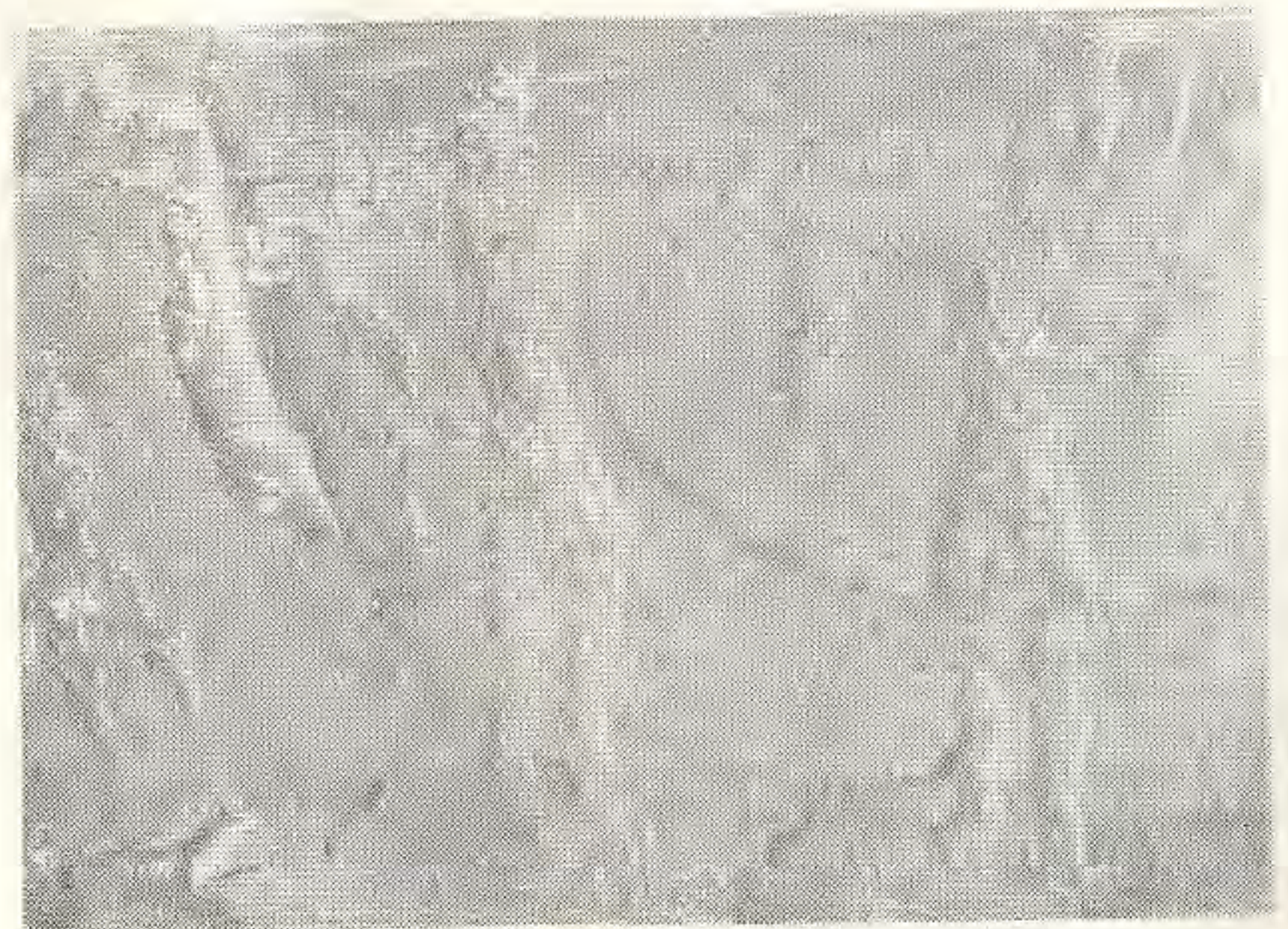

Рис. 233. Петроглифы Сагыра II

Рис. 234. Петроглифы Сагыра II

Рис. 235. Петроглифы Сагыра II

Рис. 236. Петроглифы Сагыра I

Рис. 237. Петроглифы Сагыра I

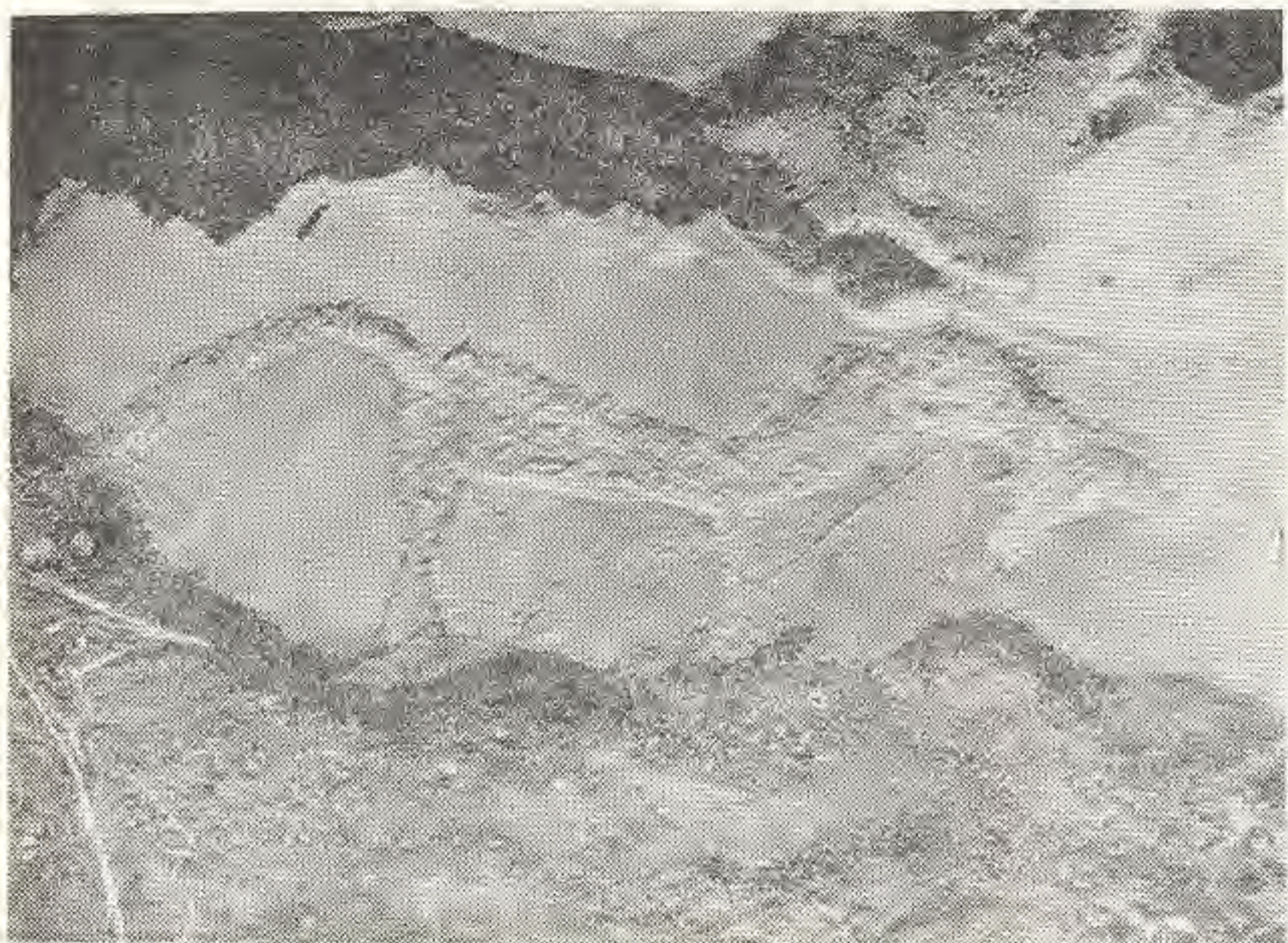

Рис. 238. Петроглифы Сагыра I

Рис. 239. Петроглифы Сагыра I

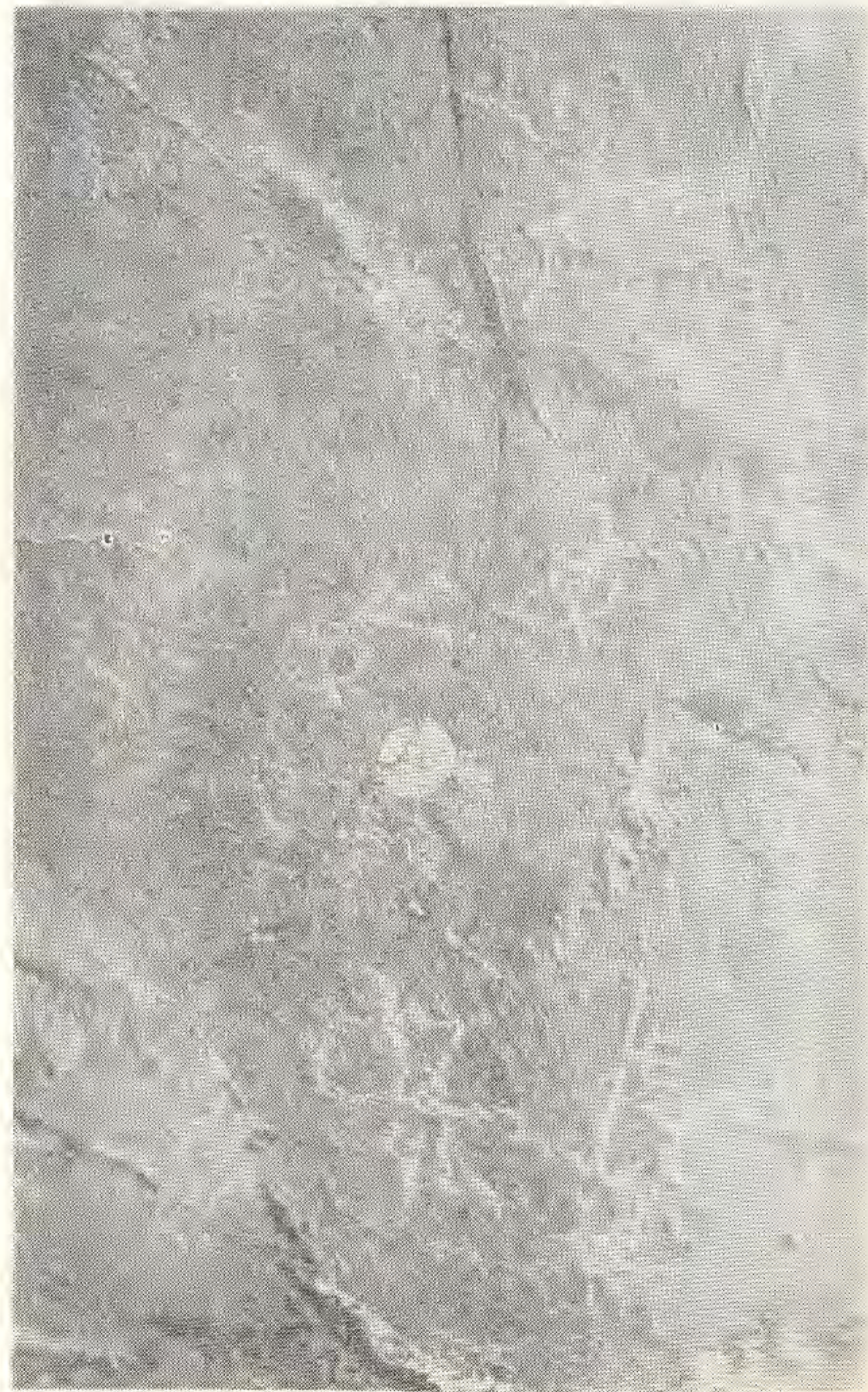

Рис. 240. Петроглифы у с. Тондуртунга

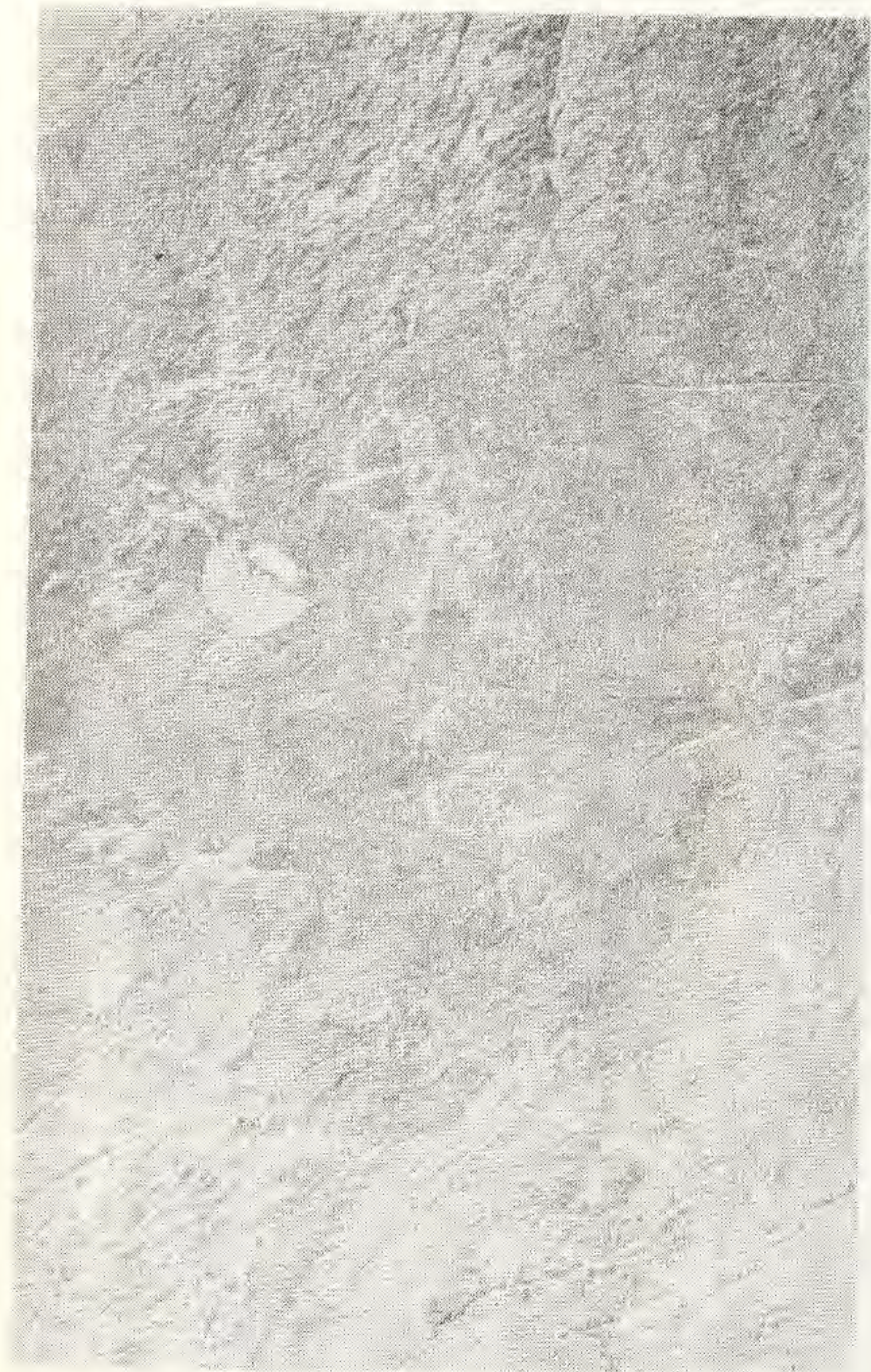

Рис. 241. Петроглифы у с. Никитинка

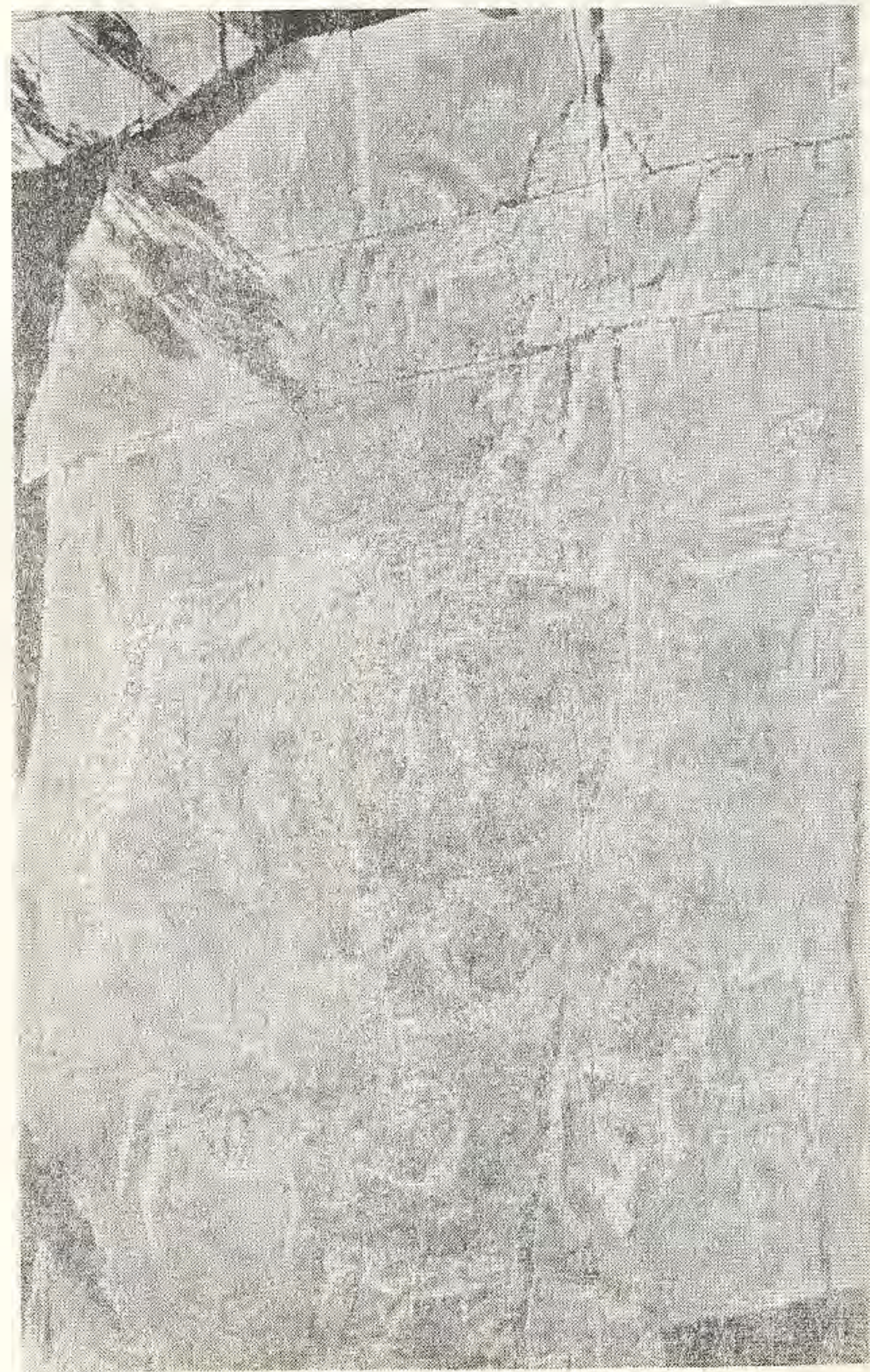

Рис. 242. Петроглифы у с. Никитинка

Рис. 243. Петроглифы у с. Шкватинка

Рис. 244. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 245. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 246. Петроглифы урочища Мойнак

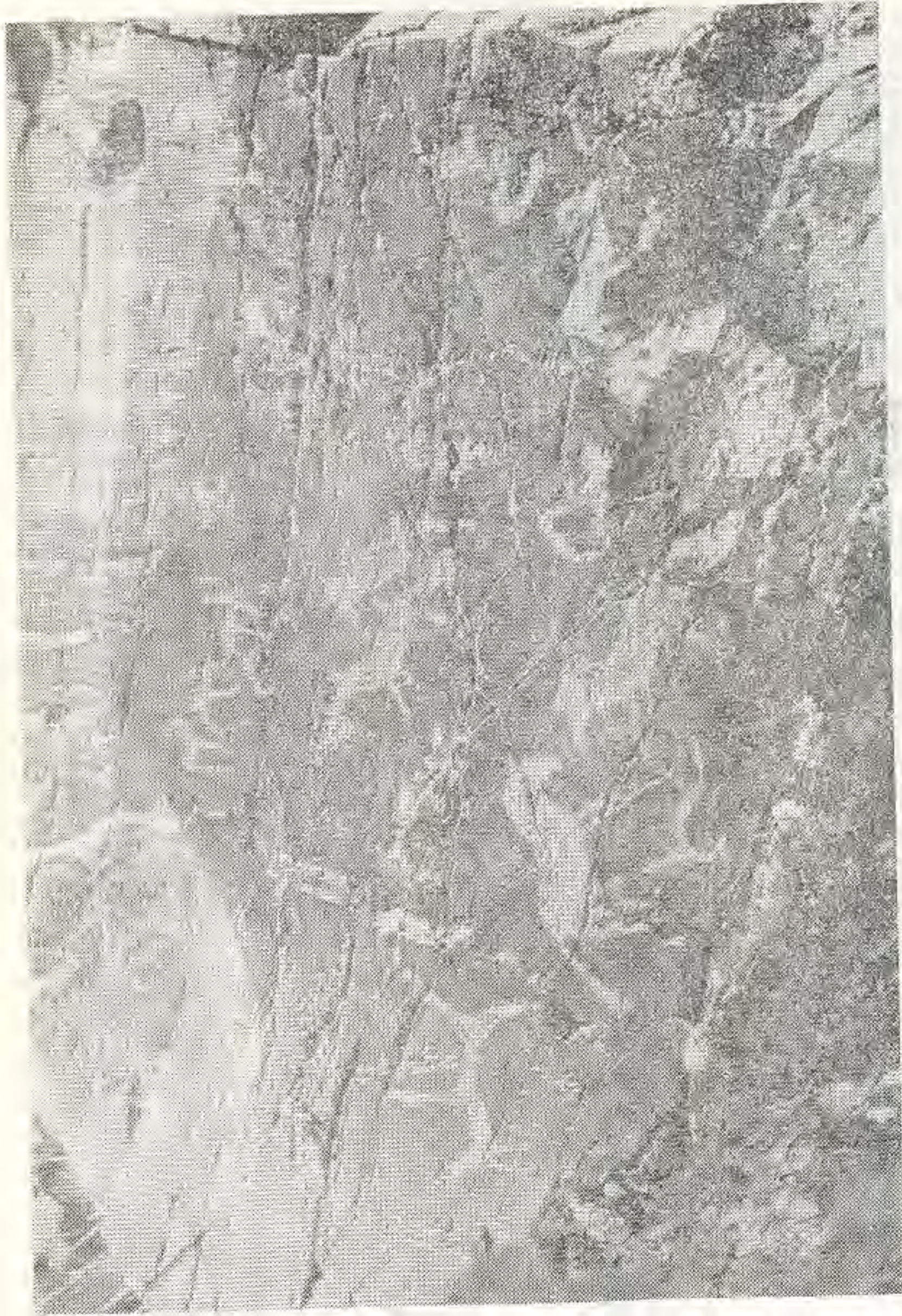

Рис. 247. Петроглифы урочища Мойнак

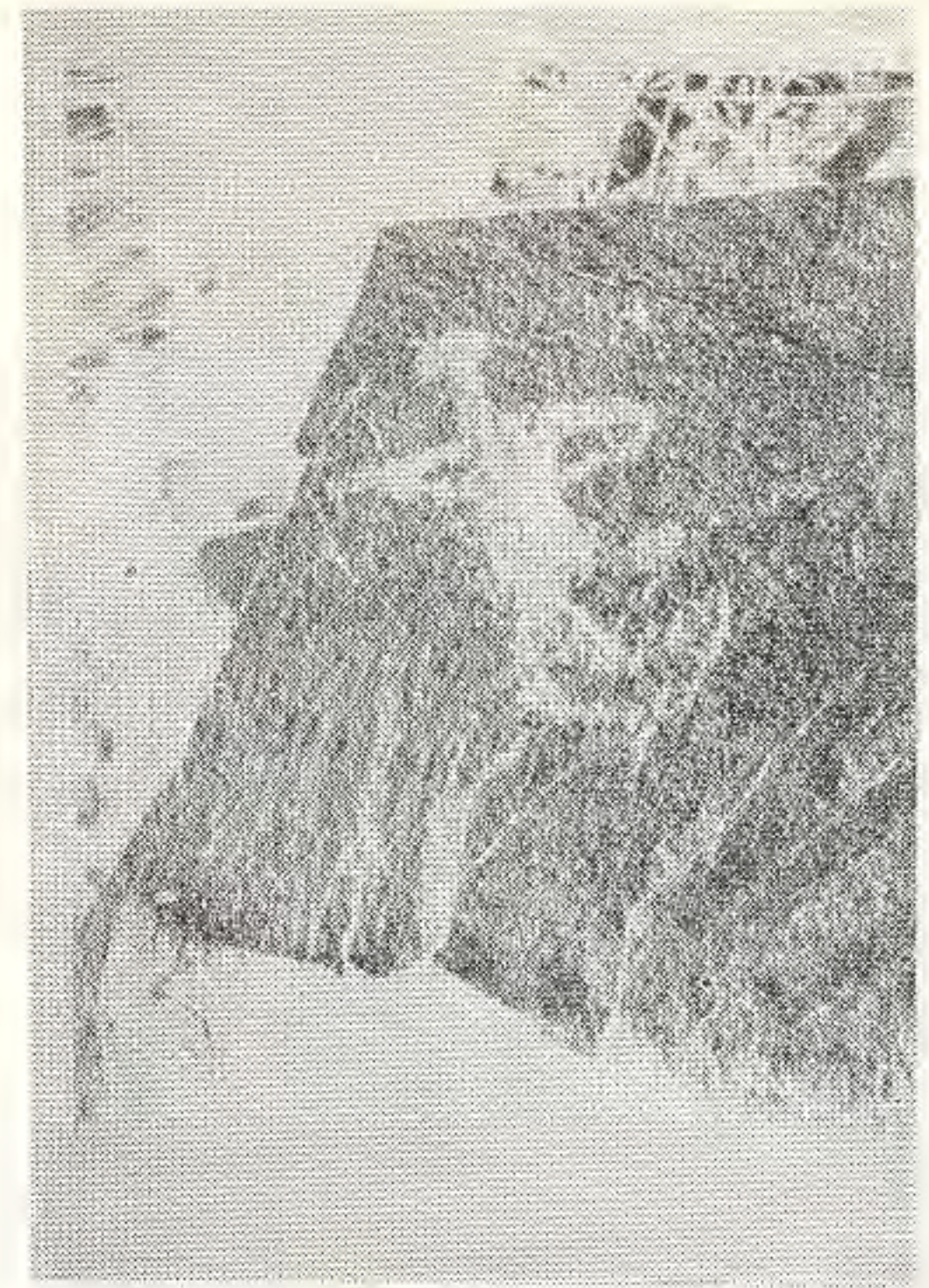

Рис. 248. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 249. Петроглифы урочища Мойнак

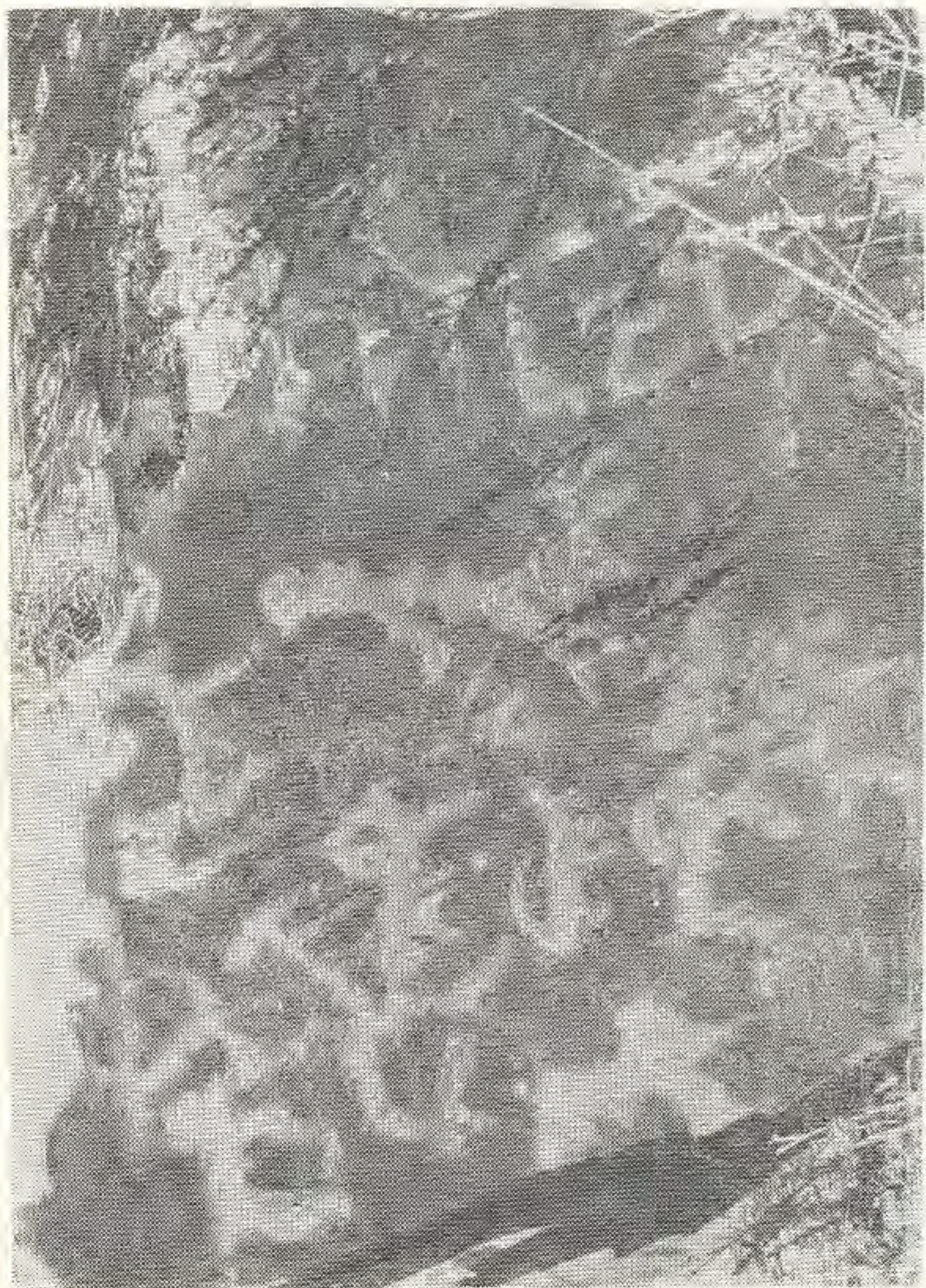

Рис. 250. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 251. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 252. Петроглифы урочища Нарбота

Рис. 253. Петроглифы урочища Нарбота

Рис. 254. Петроглифы урочища Нарбота

Рис. 255. Петроглифы урочища Нарбота

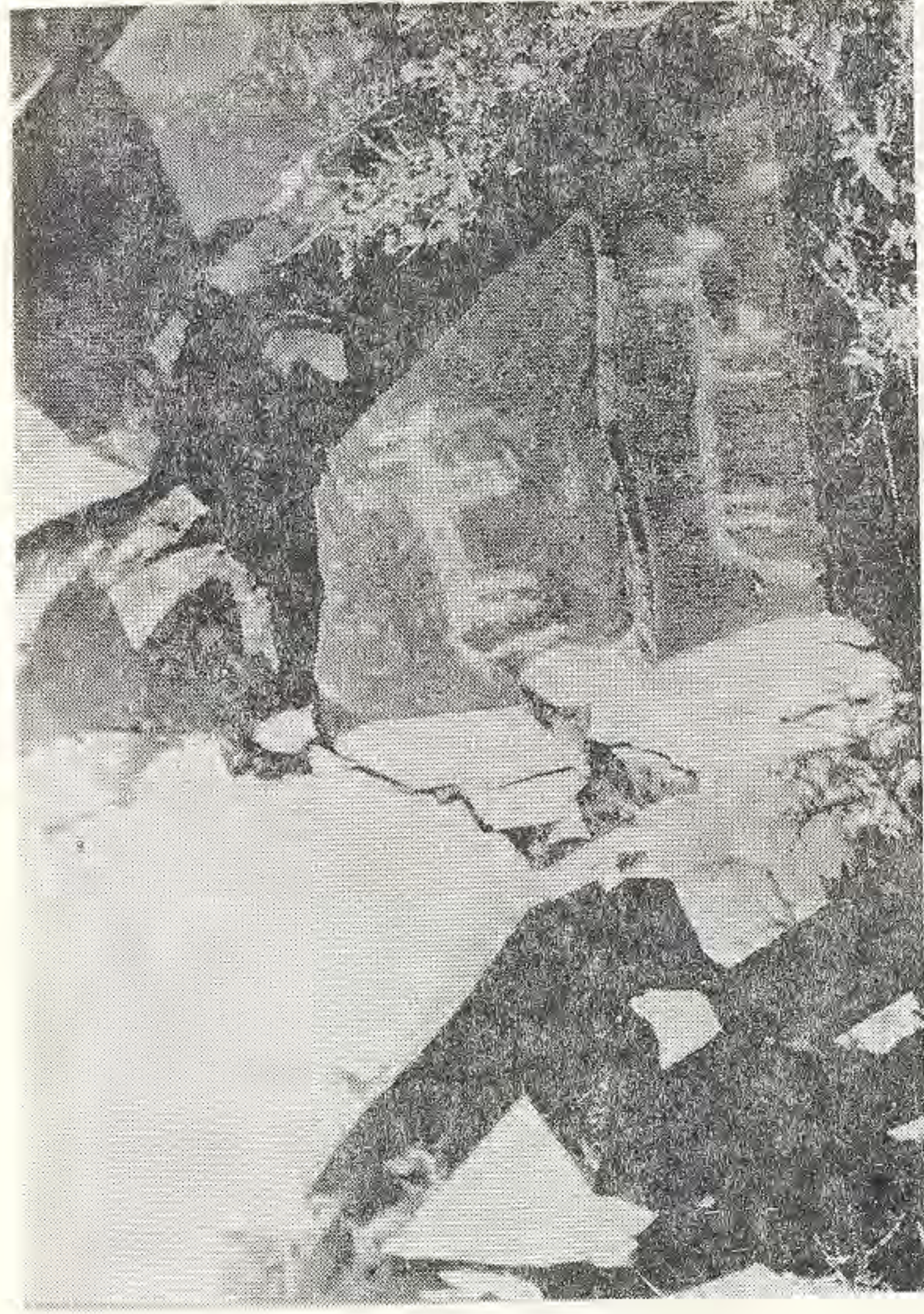

Рис. 256. Петроглифы урочища Нарбота

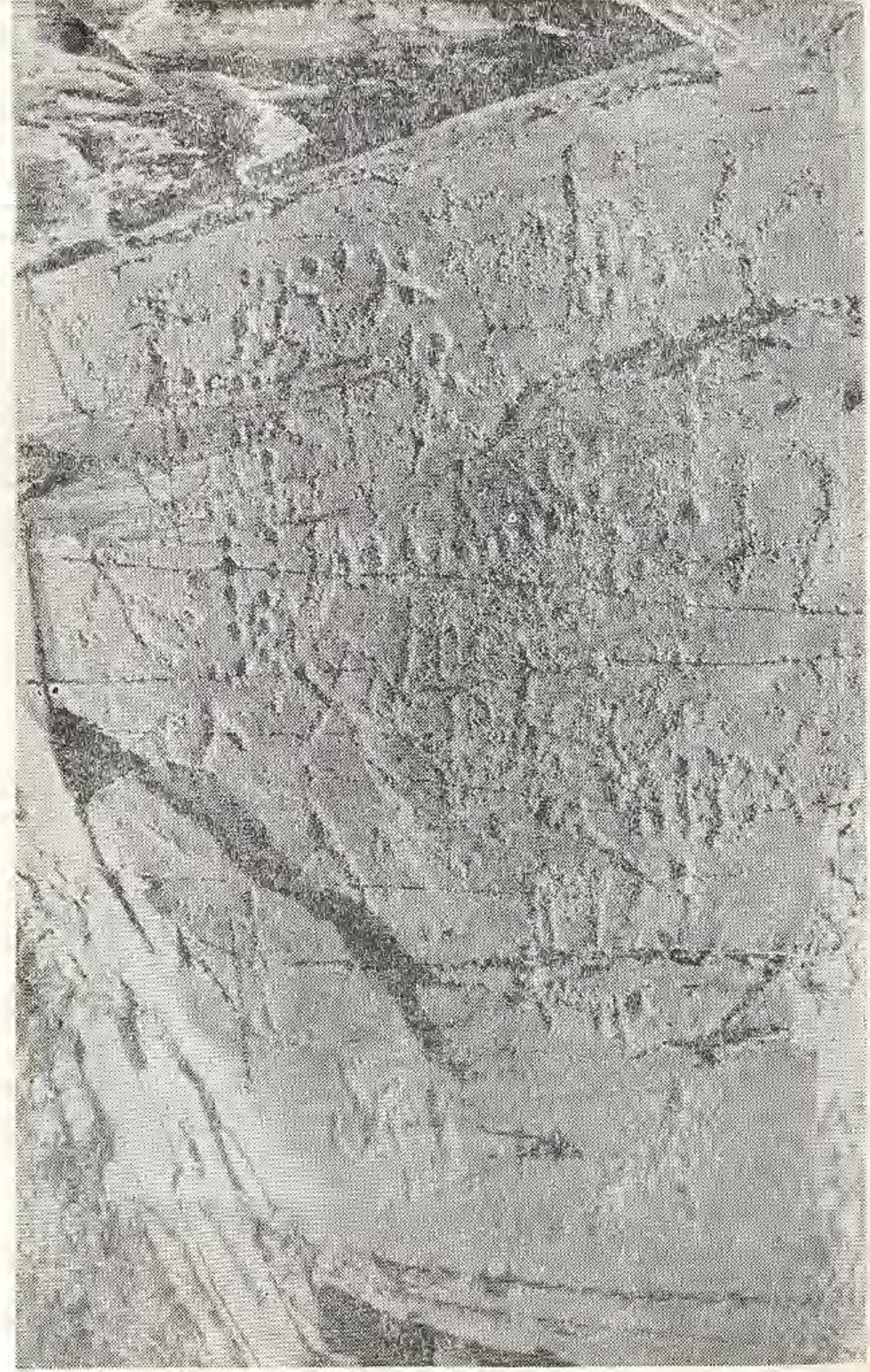

Рис. 257. Петроглифы урочища Нарбота

Рис. 258. Петроглифы у с. Болгар-Табаты

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52—77.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 494 с.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея; Кокоревская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 201 с.
- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // ЗИРГО. Сиб., 1886, Т. 2. С. 147—444.
- Адрианов А. В. Отчет о поездке летом 1911 г. // ИРКСВА. Сиб., 1912. Сер. II. № 1. С. 105—111.
- Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая. Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // ИАК. Пг., 1916. Вып. 62. С. 1—92.
- Акишев А. К. Идеология саков Семиречья // КСИА. М., 1978. С. 39—48.
- Акишев А. К. Петроглифы Джунгарского Алатау // АО 1980. М., 1981. С. 428—429.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 174 с.
- Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские: Общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43—58.
- Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38—63.
- Акишев К. А., Акишев А. К. К интерпретации символики исыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 144—153.
- Алексеев В. П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 40—46.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиба. Ташкент: Фан, 1975. 169 с.
- Аманжолов А. С. Казактын жеріндегі көне жазулар // Жұлдыз. Алматы, 1966. № 7. Б. 155—160.
- Аманжолов А. С. О древнейших наскальных знаках Казахстана // Казак тілі мен әдебиеті. Алматы, 1974. IV шығуы. Б. 44—48.
- Аманжолов С., Аманжолов А. С. Писаницы (петроглифы) на скалах Бугытас // ВАН КазССР. 1956. № 4. С. 97—100.
- Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 199—238.
- Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // СМАЭ. Л., 1924. Т. IV. Вып. 2. 152 с.
- Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 5—21.
- Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 263 с.

- Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 250 с.
- Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1963. Вып. 4. С. 68—84.
- Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43—57.
- Арсланова Ф. Х. Курганы с труположением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972а. С. 56—76.
- Арсланова Ф. Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. 1972б. № 1. С. 253—258.
- Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46—60.
- Арсланова Ф. Х. Работы в Прииртышье // АО 1982. М., 1984. С. 449—450.
- Арсланова Ф. Х., Самашев З. С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 122—133.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 152 с.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.
- Афанасьева В. К. Гилгамеш и Энкиду // Культура Востока: Материалы и исследования. М.: Наука, 1979. 191 с.
- Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы. М.: Наука, 1982. 223 с.
- Байбулов Б. Легенды о происхождении горы Бортастаган // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1914. Вып. 8. С. 8—10.
- Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // СМАЭ. Л., 1981. Т. 37. С. 215—226.
- Балонов Ф. Р. Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 69—85.
- Балонов Ф. Р. Святилища скифского времени в Адыгее (Ульские и Уляпские курганы) // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 12—15.
- Баркова Л. Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 20—31.
- Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25. С. 83—89.
- Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 109—124.
- Басилов В. Н. Среднеазиатское шаманство // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973. С. 1—14.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965. 528 с.
- Беленицкий А. М. Изображение быка на памятнике искусства древнего Пенджикента // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 88—94.
- Беленицкий А. М. Хорезмийский всадник — царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 213—218.
- Белослюдов А. Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях г. Усть-Каменогорска в 1910 г. // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1912. Вып. 6. С. 1—4.
- Белослюдов Б. А. К вопросу о доисторическом распространении в пределах Казахстана дикого двугорбого верблюда // ВАН КазССР. 1946. № 10(19). С. 51—52.
- Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Таша // СЭ. М., 1952. № 1. С. 50—68.
- Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 136 с.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. 382 с.
- Богаевский Б. М. О значении изображения «колдуна» в «Пещере трех братьев» // СЭ. 1934. Т. 4. С. 34—72.
- Бойко Ю. Н. О социальной символике одной категории бронзовых украшений из погребений Днепровского лесостепного левобережья // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 15—18.

- Брагинский И. С. Иранское литературное наследие. М.: Наука, 1984. 296 с.
- Бутанаев В. Я. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов // Уч. зап. Хакасского НИИЯДИ. Вып. 20. Сер. филол. Абакан, 1975. № 3. С. 231—240.
- Вадецкая Э. Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 98—100.
- Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Васильевский Р. С., Волков В. В. Некоторые итоги работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1983. С. 6—12.
- Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 225 с.
- Валинбахов Г. В. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 181—196.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в XII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // Тр. ХАЭЭ. М., 1973. Т. 8. 160 с.
- Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Л., 1927. Т. 2. С. 1—42.
- Влангали А. Геогностическая поездка в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах // Горный журнал. Сиб., 1853. Ч. 2. Кн. 5. С. 1—63.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.
- Волков В. В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101—107.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 78—84.
- Волчок Б. Я. Традиции протоиндийского календаря и хронологии в индийской культуре // Proto Indica. М., 1975. С. 16—52.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 143 с.
- Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа: (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока: Проблемы. Поиски. Суждения. Л., 1985. С. 169—183.
- Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3. С. 189—196.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. 2. 1331 с.
- Гапоненко В. М. Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 101—110.
- Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53—73.
- Герасимов Б. Г. Поездка на Рахмановские минеральные ключи // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1907. Вып. 3. С. 1—25.
- Герасимов Б. Г. Летопись Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО 1902—1910 гг. // Записки СПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1912. Вып. 6. С. 1—95.
- Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. М.: Изд-во восточной литературы, 1969. Т. 2. Язык и литература. С. 482—504.
- Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 183—202.
- Городцов В. А. Скальные рисунки Тургайской области // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 37—69.
- Грач А. Д. Петроглифы Тувы // СМАЭ. Л., 1957. Т. 17. С. 385—428.
- Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207—213.
- Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // ТС 1972. М., 1973. С. 316—333.

- Грач А. Д. Древние кочевники в Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.
- Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменка в Хакасии // КСИИМК. М., 1960. Вып. 80. С. 85—89.
- Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. М., 1978а. Вып. 154. С. 9—19.
- Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Л., 1978б. Т. 2. С. 222—232.
- Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. С. 63.
- Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. М.; Л., 1968. Т. 1. С. 159—165.
- Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан // АО 1973. М., 1974. С. 192—195.
- Гудкова А. В., Черняков И. Т. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности северо-западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 38—50.
- Гуляев Н. «Писанные камни», найденные в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области в 1913 г. // ЗССОИРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 259—261.
- Гуляев С. И. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых // ВИРГО. Спб., 1851. Т. 3. Отд. IV. С. 20—47.
- Гуляев С. И. Записки о некоторых древностях в Киргизской степи. // ВИРГО. Спб., 1853а. Ч. 8. Кн. 3. С. 7.
- Гуляев С. И. О древностях, открываемых в Киргизской степи // ВИРГО. Спб., 1853б. Ч. 8. Отд. 7. С. 22—25.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
- Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.
- Гуров Н. В. Протоиндийский блок названия праздника // Proto Indica. М., 1975. С. 52—54.
- Диваев А. Обычай киргизов Семипалатинской области // Сын отечества. Спб., 1843. Кн. 5. С. 49—66.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского комплексного НИИ, 1958. 108 с.
- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М.: Наука, 1971. 128 с.
- Дончев С. Восточные параллели преславского и мадарского всадника и сведения о европейских гуннах // У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 203—212.
- Дьяконов И. М. Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия. М., 1983а. Ч. 1. С. 162—222.
- Дьяконов И. М. Первые деспотии в Двуречье // История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия. М., 1983б. Ч. 1. С. 257—292.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976а. 120 с.
- Дэвлет М. А. О загадочных изображениях на оленных камнях // СА. 1976б. № 2. С. 232—236.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 272 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982а. 128 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982б. 48 с.
- Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы // Новосибирск, 1984. С. 52—66.
- Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Колесницы на земле и в небесах: Атеистические чтения. М., 1985. Вып. 14. С. 78—94.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия, 1948. 110 с.
- Егоров В. Л. Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины // СА. 1967. № 1. С. 250—253.
- Ермолаева А. С. Раскопки у с. Измайловка // АО 1981. М., 1983. С. 437—438.

- Ермолова Н. М. К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 358—366.
- Ешелкин И. И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая // Ученые зап. Горно-Алтайского НИИЯЛИ. Горно-Алтайск, 1974. Вып. 2.
- Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 336 с.
- Жуков В. А., Ранов В. А. Древние колесницы на Памире // Памир. Душанбе, 1974. № 11. С. 62—68.
- Жуковская Н. Л. Ламанизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 118—134.
- Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Зайберт В. Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Прииртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 88—90.
- Зайберт В. Ф., Мартынюк О. И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. М., 1984. Вып. 177. С. 81—90.
- Записки ЗСОИРГО. Омск, 1894. Кн. 14. Вып. 3. С. 13—15.
- Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей: (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск, 1983. С. 48—68.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 18 с.
- Ибраев Б. Космогонические представления наших предков // ДИ. М., 1980. № 8. С. 40—44.
- Иванов В. В. К вопросу о необходимости разграничения понятий «обряд», «ритуал», «таинства» при исследовании религиозности // Социально-философские аспекты критики религии: Сборник трудов Гос. музея истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 54—65.
- Иванов В. В. Заметки о типологическом и сравнительном историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // ТЗС. IV. Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 44—75.
- Иванов В. В. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972а. С. 193—205.
- Иванов В. В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972б. С. 105—147.
- Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* — «конь» (жертвоприношение коня и дерево *asvattha* в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 75—138.
- Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1975. Т. 34. Вып. 5. С. 399—408.
- Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. 185 с.
- Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 242.
- Иванов В. В. Язык как средство реконструкции истории // Природа. 1983. № 11. С. 26—37.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 247 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 344 с.
- Илимбетов Ф. Ф. Культ волка у башкир: (к этимологизации этнонима башкорт) // Археология и этнография Башкирии: Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Уфа, 1971. Т. 4. С. 224—228.
- История Казахской ССР. В 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1.

- Кадиков Б. Х., Скрипин С. И. Петроглифы Кызылджара — памятник древнего искусства Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 139—154.
- Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303—432.
- Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25—45.
- Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84—93.
- Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
- Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружения воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 6. С. 25—34.
- Каменский В. И. Отчет о Зайсанской экспедиции 1910 г. // Коллекция МАЭ, № 1727/2.
- Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. Оренбург, 1910. Вып. 22. 332 с.
- Кашина Т. И. Петроглифы Лунных гор: (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Первобытное искусство: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 77—85.
- Кейпер Ф. Б. Труды по ведийской мифологии / Пер. с англ. Под ред. Т. Я. Елизауренкова. М.: Наука, 1986. 195 с.
- Килуновская М. Е. Типология изображений оленя на оленных камнях и петроглифах Южной Сибири и Центральной Азии в скифское время // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 60—62.
- Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XII вв. // САИ. Е1—36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 135 с.
- Кирчо Л. Б. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1976. № 6. С. 48—55.
- Кирюшин Н. Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. (Сборник научных статей). Новосибирск, 1985. С. 46—53.
- Клейн Л. С. Индия и скифы: Общие истоки идеологии // Скифо-сибирский мир: Тезисы второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 31—34.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука, 1964. 216 с.
- Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племен тюрк (ашина) // МИА. 1965. № 130. С. 278—281.
- Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография. Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37—60.
- Кожанов С. Т. Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 67—75.
- Кожин П. М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового света. 1966а. С. 76—81.
- Кожин П. М. О сарматских повозках // Древности Восточной Европы. М., 1966б. С. 92—95.
- Кожин П. М. О глиняных моделях колес из Балановского могильника // СА. М., 1966в. № 4. С. 176—178.
- Кожин П. М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // СМАЭ. Л., 1969. Т. 24. С. 29—40.
- Кожин П. М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. С. 278—287.
- Кожин П. М. Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981. С. 131—161.
- Кожин П. М. К проблеме хронологии азиатских петроглифов // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тезисы докладов к региональной конференции 7—9 апреля 1982 г. Иркутск, 1982. С. 100—103.

- Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 169—182.
- Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье // КСИА. М., 1973. Вып. 134. С. 60—67.
- Комиссаров С. А. Археология Западного Чжоу. 1027—770 гг. до н. э. // История и культура Востока Азии. Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1985. С. 86—111.
- Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // ЗСПОЗСОИР-ГО. Семипалатинск, 1903. Вып. 1. С. 1—32.
- Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979а, 120 с.
- Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979б. С. 155—160.
- Кубарев В. Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана I памятника Тузкта (Горный Алтай) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 65—74.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 569 с.
- Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. М., 1974. № 4. С. 68—87.
- Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976а. С. 52—65.
- Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на чертомлыкской вазе // СА. 1976б. № 3. С. 68—75.
- Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М., 1977. С. 28—52.
- Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 78—82.
- Кузьмина Е. Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства Евразийских степей скифского времени // ВДИ. М., 1983. № 1. С. 95—106.
- Кузьмина Е. Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. М., 1984. № 1. С. 93—108.
- Куликова О. П. Исследование меотского могильника у хутора им. Ленина // АО 1980. М., 1981. С. 107.
- Курылев В. П. Петроглифы Тарбагатай, Манрака и Саура // АО 1973. М., 1974. С. 407—471.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Опыт периодизации памятников. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1941. 492 с.
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии // АО 1972. М., 1973. С. 223.
- Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 25—30.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 392 с.
- Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 292 с.
- Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибири, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 89—112.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.
- Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-казацких, орд и степей // Этнографические известия. Спб., 1832. Ч. 3. 303 с.
- Пелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. // ИКНСА. М., 1976. С. 7—18.

- Леонтьев Н. В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 256—270.
- Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980а. С. 65—84.
- Леонтьев Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980б. С. 27—36.
- Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Ч. 1. 190 с.
- Липец Р. С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. 1981. № 1. С. 120—133.
- Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
- Литвинский Б. Е. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.
- Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы из истории и религии Средней Азии). М.: Наука, 1978. 252 с.
- Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 90—121.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии семантики в Средней Азии и Индии // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164—186.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
- Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 6—15.
- Лотман Ю. М. Семантика культуры и понятие текста // Структура и семантика художественного текста. Тарту, 1981а. С. 37. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 515). Сб. 12.
- Лотман Ю. М. Текст в тексте // Текст в тексте. Тарту, 1981б. С. 3—18. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 567). ТЗС. Сб. 14.
- Магомедов М. Г. Костяные накладки из Верхнегирюртовского могильника // СА. 1975. № 7. С. 275—281.
- Мазин А. И. Палеолитические наскальные рисунки в Восточном Забайкалье: предварительная публикация // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 17—24.
- Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983. 181 с.
- Максимова А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // ВАН КазССР. 1953. № 9. С. 108—110.
- Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 144 с.
- Максимова М. И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Т. 25. С. 215—235.
- Максименков Г. А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири: Древняя Сибирь. Л., 1968. Т. 1. С. 165—174.
- Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 191 с.
- Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // СМАЭ. Пг., 1913. Вып. 1. С. 1—6.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Наука, 1951. 452 с.
- Манас: Эпизоды из киргизского народного эпоса. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. 310 с.
- Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М.: Наука, 1970. 118 с.
- Маргулан А. Х. Наскальные гравюры и росписи, изображающие знамена с волчьей головой // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 2. С. 48—49.
- Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. 305 с.
- Мартынов А. И., Бобров В. В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 65—73.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

- Марьяшев А. Н. Петроглифы Семиречья // Первобытное искусство. Звери в камне. Новосибирск, 1980а. С. 211—229.
- Марьяшев А. Н. Новые петроглифы Семиречья // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980б. С. 304—310.
- Марьяшев А. Н., Ермолаева А. С. Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 137—143.
- Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе: (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 102—112.
- Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы // Культура Востока: Материалы и исследования. М., 1973. 208 с.
- Массон В. М. Алтын-дене // Труды ЮТАКЭ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 18. 176 с.
- Массон М. Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1922. С. 22.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 172 с.
- Матющенко В. И. О южном компоненте в составе самусьской культуры // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 92—95.
- Медведев В. Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 172—184.
- Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата: Жалын, 1979. 176 с.
- Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // ТЗС. VII. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 356). Тарту, 1975а. С. 38—51.
- Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор: Поэтическая система. М., 1975б. С. 23—41.
- Мелетинский Е. М. Один // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 241—243.
- Мнацаканян А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на оз. Севан // СА. 1960. № 2. С. 139—152.
- Мокрый В. П. Дипломатическая практика в Западнотюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (Досоветский период). Фрунзе, 1975. С. 110—123.
- Морган Ж. Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода. Природа и культура. М.; Л.: Госиздат, 1926. Кн. 18. 315 с.
- Мосолова Л. М. К вопросу о датировке росписей пещеры Ак-Чункур // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 1. С. 27—28.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981. 320 с.
- Немировский А. И. Этруски: От мифа к истории. М.: Наука, 1983. 258 с.
- Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. 1978. № 4. С. 192—206.
- Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101—112.
- Новгородова Э. А. Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 33—41.
- Новгородова Э. А. Аршан-Хад — древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 306—310.
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новоселов А. Отчет о поездке на Алтай // Изв. ЗСОРО. Омск, 1913. Т. 1. Вып. 2. С. 1—35.
- Нуржақиянов С. Тас ғасырдың математиктері // Білім және еңбек. 1984. № 2. Б. 22.
- Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968. 113 с.
- Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах // ТС. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 143—154.
- Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. 19. С. 210—220.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 200 с.
- Окладников А. П. Олень Золотые рога. М.: Искусство, 1964. 239 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 321 с.

- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1970. Ч. 2. 264 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 297 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 147 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 272 с.
- Окладников А. П., Цэвандорж Д., Конопацкий А. К., Гричан Ю. В. Петроглифы Дэлгэр-Мурена и долины реки Тэс // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 159—198.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 137 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 228 с.
- Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 21—29.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 140 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 146 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 149 с.
- Окладников А. П. Из истории древнего искусства Центральной Азии: (О вновь открытых петроглифах Северной Монголии) // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 311—328.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 111 с.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Кара-Оюка // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 85—88.
- Ольденбург С. Ф. Краткие заметки о перихонах и дуа-ханах в Кучаре // СМАЭ. Пг., 1918. Т. 5. Вып. 4. С. 17—20.
- Оськин А. В. Петроглифы Букантау // Природа. 1976. №10. С. 83—89.
- Переводчикова Е. В., Раевский Д. С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 42—52.
- Плетнева С. А. Хан Боняк и его время // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 174—180.
- Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 188 с.
- Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. М., 1984. С. 57—94.
- Плотников Ю. А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 162—167.
- Подольский Н. Л. О принципах датирования наскальных изображений: По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. 1973. № 3. С. 265—275.
- Помаскина Г. А. Когда боги были на земле... (Наскальная галерея Саймалы-Таша). Фрунзе: Кыргызстан, 1976. 36 с.
- Посова Т. К. Мифология «Дефимахтмья» // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 134—145.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Спб., 1883. Вып. 4. 944 с.
- Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. М., 1958. Вып. 30. С. 135—142.
- Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. 1971. Вып. 2. С. 3—98.
- Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974. М., 1975. С. 228—231.
- Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

- Пюрвеев Дж. Культурное наследие кочевников в аспекте проблемы стационарного и мобильного в архитектуре // ПИОПКС. Алма-Ата, 1980. С. 174—177.
- Пюрвеев Д. Дизайн юрты // ДИ. 1979. № 5(258). С. 27—30.
- Пяткин Б. Н. Камень с рисунками в урочище Кизань, гора Оглахты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 116—127.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 205 с.
- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Ранов В. А. Рисунок каменного века в гроте Шахты // СЭ. 1961. № 6. С. 70—81.
- Ранов В. А. Археологи на Крыше мира. Грот шахты с наскальными изображениями. Душанбе: Ирфон, 1967. 152 с.
- Ревзин И. И. Субъективная позиция исследователя в семиотике // ТЗС. V. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 334—344.
- Рерих Ю. Н. Упоминание о бунчуке в «Ригведе» (I, 32) // Древний мир: Сборник статей. М., 1962. С. 440—441.
- Ригведа: Избранные гимны / Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1972. 418 с.
- Риттер К. Землеведение Азии. Спб., 1860. Т. 3. С. 30.
- Риттер К. Землеведение Азии. Т. 4. Дополнение к тому III // Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832—1876 гг. / Сост. П. П. Семенов и Г. Н. Потанин. Спб., 1877. С. 109, 145, 146.
- Резниченко В. Зразки первісного мистецтва на межі пустель Гоби // Антропологія. Різнік кабінету. Київ, 1928. С. 120—135.
- Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М.: Наука, 1979. 486 с.
- Романовская М. А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополе // КСИА. М., 1982. Вып. 169. С. 102—108.
- Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в индо-скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. С. 141—146.
- Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. 29—30. С. 186—202.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 443 с.
- Савватеев Ю. А. Петроглифы Карелии // ВИ. 1973. № 6. С. 132—146.
- Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.) // СЭ. 1977. № 1. С. 31—48.
- Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72—94.
- Савинов Д. Г. Зооморфные изображения на оленных камнях // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 120—124.
- Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146—162.
- Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении кулайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102—122.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.
- Самашев З. С. Новые местонахождения наскальных изображений в Восточном Казахстане // АО 1976. М., 1977. С. 520.
- Самашев З. С. К вопросу о хронологии наскальных изображений Верхнего Прииртышья // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 1. С. 69—76.
- Самашев З. С. Раскопки могильника Карашат // АО 1981. М., 1983. С. 444—445.
- Самашев З. С. Исследование наскальных изображений в Казахстане. // АО 1982. М., 1984а. С. 463—464.
- Самашев З. С., Арсланова Ф. Х. Исследования комплекса Карашат // АО 1982. М., 1984б. С. 465.
- Самашев З. С. Наскальные изображения // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 247—273.

Самашев З. С. История изучения наскальных изображений Восточного Казахстана // Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 40—56.

Сарингулян К. С. Очерк семиотической характеристики ритуала // Семиотика и проблемы коммуникации. Ереван, 1981. С. 64—76.

Сартқожаұлы К. Тас белгілер тіл қатады // Білім және еңбек. 1984. № 2. Б. 19—21.

Сатлаев Ф. А. Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // СМАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 130—140.

Свешникова Т. Н. Волки-оборотни у румын // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 208—221.

Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчук // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 103—107.

Седелников А. Н., Белоногов Т. П., Столянский П. Н. Восточная часть Киргизского края // Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край. Спб., 1903. Т. 17. С. 470.

Седелников А. Н. Справочник к образу деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1877—1910 гг. Омск, 1911.

Семека Е. С. Типологические схемы четырех- и восьмичленных моделей мира / III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы. Тарту, 1968. С. 137—147.

Семека Е. С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира / ТЗС. V. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 92—119.

Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1984. 230 с.

Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль / Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 74—89.

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 211 с.

Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы / АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 39—60.

Сорокин С. С. Изображение на скале вблизи Катон-Карагая // АСГЭ. Л., 1967. Вып. 28. С. 53—55.

Сорокин С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры / Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172—191.

Сорокин С. С. К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии / АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23—39.

Сосновский Г. П. Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше / Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. М.; Л., 1935. Ч. 2. С. 60—79.

Спасский Г. И. Древности Сибири: О древних сибирских начертаниях и надписях / Сибирский вестник. Спб., 1818а. Ч. 1. С. 4—19.

Спасский Г. И. Путешествия по Сибири / Сибирский вестник. Спб., 1818б. Ч. III. С. 41—43.

Спасский Г. И. Комментарии к рецензии А. Ремюза // Азиатский вестник. Спб., 1825а. Кн. IV. С. 286—301.

Спасский Г. И. Путешествия. Письма из Сибири / Азиатский вестник. Спб., 1825б. Ч. 24. С. 243—244.

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими / ЗИРГО. Спб., 1857. Кн. 12. С. 113—181.

Станкевич И. Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке. Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978. С. 17—31.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. М.: Наука, 1976. 102 с.

Стоколос В. С. Старонагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1984. С. 22—42.

Столяр А. Д. Некоторые итоги источниковедческого изучения петроглифов Карелии / Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. ст. Л., 1976. Вып. 3. С. 110—126.

Столяр А. Д., Савватеев Ю. А. О некоторых возможностях изобразительного ана-

лиза писаницы Астурвансальми (Финляндия) // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 151—156.

Стратанович Г. Г. Ритуальное убийство быка (по материалам обрядности народов Восточной и Юго-Восточной Азии) // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 189—205.

Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.

Суразаков А. С. К семантике изображений на башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1986. С. 23—26.

Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1975. С. 3—34.

Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 113 с.

Токарев С. А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983а. С. 98—105.

Токарев С. А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983б. С. 185—193.

Толстая С. М. Вариативность формальной структуры (купала и марена) // ТЗС. XV. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 576). Тарту, 1982. С. 72—89.

Толстов С. П. Хорезмский всадник // КСИИМК. М.; Л., 1939. Вып. 1. С. 7—9.

Толстов Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // ТЗС. XV. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 576). Тарту, 1982. С. 57—71.

Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений на материале буддийского изобразительного искусства / НАА. М., 1964. № 3. С. 101—110.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // ТЗС. V. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 9—62.

Топоров В. Н. О космологических источниках раннединастических описаний // ТЗС. VI. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308). Тарту, 1973. С. 106—150.

Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 234—298.

Топоров В. Н. Несколько соображений о происхождении древнегреческой драмы // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 95—119.

Трифонов В. А. Погребения с повозками эпохи палеометалла в степном Прикубанье // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983. С. 27—29.

Уразбекова Л., Ли К. Казахская юрта — идеальный дом для кочевника / ДИ. М., 1980. № 8(273). С. 45—47.

Урманчеев Ф. Золотая волчья голова на знамени: (К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе) // СТ. 1987. № 3. С. 68—73.

Фатиков Р. Р. К семантике шанырака / ПИОПКК. Алма-Ата, 1980. С. 178—180.

Федоров-Давыдов Г. А. О сценах терзаний и борьбы в памятниках скифо-сибирского искусства / УСА. Л., 1975. Вып. 3. С. 23—28.

Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика / СЭ. 1950. № 3. С. 170—176.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 256 с.

Формозов А. А. Искусство эпохи мезолита и неолита // Каменный век на территории СССР: МИА. 1970. № 166. С. 194—205.

Формозов А. А. О месте наскальных изображений в истории искусства // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 273—279.

Формозов А. А. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. 1983. № 3. С. 5—13.

Фролов Б. А. Представление о числе 7 у народов Сибири и Дальнего Востока // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 294—303.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Хлобыстина М. Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок // СА. 1967. № 1. С. 246—250.

Хлопца И. Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 26—30.

Хороших П. П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // КСИИМК. М., 1947. Вып. 14. С. 26—34.

- Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980а. 176 с.
- Худяков Ю. С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980б. С. 135—144.
- Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX—X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115—132.
- Худяков Ю. С. К вопросу о формировании дружинной идеологии у средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (по материалам наскальных изображений) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 157—159.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. С. 269.
- Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38—51.
- Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1984. 18 с.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 384 с.
- Чердиченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 135—150.
- Черненко Е. В. Гориты и колчан у воинов евразийских степей скифского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 70—71.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Чернецов В. И. Наскальные изображения Урала // САИ. В4—12. М., 1971. 118 с.
- Черников С. С. Восточно-Казахстанская область. Калбинский и Нарымский хребты // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 292—295.
- Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. 1947. Т. IX. С. 251—282.
- Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. М., 1952. Вып. 48. С. 81—92.
- Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИА. М., 1957. Вып. 26. С. 28—33.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1960. № 88. 271 с.
- Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 189 с.
- Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // МАС. М., 1962. С. 27—35.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Членова Н. Л. Четыре древних кинжала из Казахстана // КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 34—40.
- Членова Н. Л. Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: (Межвуз. сб.). Челябинск, 1983. С. 22—34.
- Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 100 с.
- Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средство создания знака-образа // Семиотика и искусствоведение. М., 1972. С. 136—163.
- Шапошникова О. Г. Курганы у с. Софиевка // Археологические памятники Понягуля. Киев, 1980. С. 132—146.
- Шер Я. А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах: К теории стиля в первобытном искусстве // Математические методы в историко-культурных и историко-экономических исследованиях. М., 1977. С. 127—143.
- Шер Я. А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Самайлы-Таша // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 163—171.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

- Шер Я. А., Голендухин Ю. Н. Колесницы Самайлы-Таша // По следам истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. С. 18—25.
- Шилов В. П. Курганы № 6 группы «Три брата» и соотношение памятников предкавказской и срубной культур в калмыцких степях // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 13—14.
- Шрамко Б. А. Модель бычьей упряжки скифского времени // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 251—255.
- Штейн В. Ф. Сцены жертвоприношений обожествленным хищникам на сибирских пластинках // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 94—103.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича, 1936. 584 с.
- Шкуров Ш. М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М.: Наука, 1983. 176 с.
- Энеолит СССР // Археология СССР. М., 1982. 359 с.
- Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1972. 496 с.
- Яблонский Л. Т. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1982. М., 1984. С. 492.
- Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Тр. Императорского московского археологического общества. М., 1883. Т. 9. Вып. 2—3. С. 181—205.
- Ядринцев Н. М. Древние памятники и письмена в Сибири // Литературный сборник: (Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке). Спб., 1885. С. 456—476.
- Anati E. Bronze Age Chariots from Europe // PPS. New Series. Vol. XXVI. N 4. London, 1960. P. 50—63.
- Belenizki A. M. Mittelasiens Kunst der Soogden. Leipzig, 1980. 240 s.
- Cordier G. Les tumulus halstatiens de Sublaines (Indre-et-Loire) // L'Anthropologie. T. 79. N 3. Paris, 1975. P. 451—482.
- Childe V. G. The First Waggon and Carts — from the Tigris to the Severn // PPS. New Series. Vol. XVII. Pt. 2. N 8. London, 1951. P. 177—194.
- Emel Esin. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Flag-Pole Finials // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1972. Vol. XVI. T. 1. P. 14—36.
- Ledebour H. F. Reise durch das Altaigebirge und die Soongarische Steppe (im Jahre 1826). Berlin, 1829.
- Littauer M. A., Growel J. H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln, 1979. 270 p.
- Michalak M. The origins and development of sassanian heavy cavalry // Folia Orientalia, 1987. T. XXIV. P. 73—86.
- Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980. 278 s.
- Piggott S. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. New Series. Vol. XXXIV. N 8. London, 1969. P. 266—318.
- Piggott S. The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London, 1983. 273 p.
- Potratz A. H. Die Pferdetransport des Orient // Analecta Orientalia. T. 41 / Pontificum institutum Biblicum. Roma, 1966. 290 s.
- Wanke L. Der Übersprung in eine höhere Seinsform // Nordische Felsbilder und Alpenländische Felsritzungen: Jahrbuch der Gesellschaft für Vergleichende Felsbildforschung. Graz, 1979/80. S. 45—56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКК	— Археологическая карта Казахстана
АКРВКО	— Агроклиматические ресурсы Восточно-Казахстанской области Казахской ССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО	— Археологические открытия
ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВИРГО	— Вестник Императорского русского географического общества
ВКОМ	— Восточно-Казахстанский областной музей
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ДИ	— Декоративное искусство СССР
ЗИРГО	— Записки Императорского русского географического общества
ЗСПОЗСОИРГО	— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества
ИАК	— Известия Археологического общества
ИКНСА	— История и культура народов Средней Азии
ИРКСВА	— Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного географического общества
Изв. ЗСОРГО	— Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
Изв. ЛАИ	— Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
КСИА	— Краткое сообщение о докладах о полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах о полевых исследованиях института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИКФУН	— Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей
МАС	— Монгольский археологический сборник
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и искусства
ПИОПКК	— Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР
СЭ	— Советская этнография
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ТЗС	— Труды по знаковым системам
Тр. ОУАК	— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТС	— Тюркологический сборник
Тр. ХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии

CONCLUSION

The work is written on the basis of materials collected by the author in the years 1971—1983 during field studies of rock pictures in East Kazakhstan (the Kalba, Naryn, Kurchum and Manrak mountain ridges). The region is divided into two groups: pisanitsy, i. e. pictures made with ochre,

and petroglyphs, i. e. pictures carved with stone or metallic tools. Pisanitsy are represented in the book by the pictures of the grotto Akbaur (fig. 6).

In East Kazakhstan there are no indisputably Paleolithic or Neolithic pictures. Only three figures of bulls from Zevakino and Sagyr (fig. 5, 8, 2, 3) can be presumably attributed to the Neolith on the basis of study of stylistic and iconographic peculiarities, performance technique, degree of sunburn density, topographic location, accompanying pictures, as well as on the basis of comparative analysis of similar pictures from other regions.

To the Eneolith are attributed the pictures of the grotto Akbaur with symbolic signs-ideogrammes as dominating motifs. They have direct analogues among the signs on ceramic and other handicraft wares occurring in the monuments of the Eneolithic epoch of Kazakhstan, Central Asia, the Altai, the south of East Europe and the Caucasus. The Eneolithic age of the Akbaur pictures is based mainly on the analysis of the picture of a vehicle which by its constructive peculiarities sharply differs from war charriots of the Bronze Age. The spread of pictures of vehicles in Kazakhstan in the Eneolith is, apparently, bound up with the infiltration in the 3rd millennium B. C. of a part of the population of the Middle East, the most ancient centre of origin of the wheeled transport, into the agricultural oases of Central Asia. As a result of cultural and economic contacts, vehicles and charriots penetrate into the mountain and steppe regions of Kazakhstan, the Sayan and Altai mountains and the Minusinsk depression.

To the first half of the 2nd millennium B. C. are attributed the pictures of a number of other vehicles (fig. 91, 102), as well as bulls which are very similar to analogous figures from Okunevo in South Siberia. To the second half and the end of the 2nd millennium B. C. is attributed a large series of petroglyphs of East Kazakhstan. The motifs (herbivorous animals,

beasts of prey, antropomorphous figures, polymorphous beings, charriots, signs-symbols etc.) and subjects (hunting, reflecting the cult of fertility, astral-cosmogonic, mythological etc.) of rock pictures of that time are very diverse.

At the end of the Bronze Age flourishing of the rock imitative art of the tribes inhabiting the East Upper Irtysh region and a number of adjoining territories is observed. This process was also continuing during the early Saka time. Archaeological materials are indicative of the existence of important economic preconditions for the development of spiritual culture at that epoch. The end of the 2nd and the beginning of the 1st millennium B. C. has been the period of formation of the nomadic society, the military democracy, the class of horsemen and its ideology. In the imitative art the most essential elements of the Saka style were developing. Therefore one can consider the boundary between the 2nd and the 1st millennium B. C. as a single proto-Saka time.

New materials made it possible to outline the routes of migration of ethnic groups, the bearers of the artistic tradition of the type «deer stones» and «arshan», from the steppes of Inner Asia to the west (along the foothills of the Altai, Tarbagatai, the Dzhungaria, Transili and Talas Alatau covering a broad belt of intermountain depressions and basins of small and big rivers) in the end of the 2nd — the beginning of the 1st millennium B. S.

The engravings of the early Middle Ages, easily recognizable within the whole region of ancient Turkic cultures, show a remarkable constancy, especially in the interpretation of the mounted standard — bearer with military attributes, symbols and equipment (fig. 180, 181).

The author marked out a number of main problems, semantic groups and, making use of data in the field of mythology, ethnography, epos and shamanism of the Indo-European, Turkic and Mongolian peoples, made an attempt to disclose their meaning and purpose.

Analysis of the landscape around the grotto Akbaur (fig. 4, 5, 183), its form, as well as other data allowed to suggest a hypothetic version of reconstruction of the ritual actions which took place there on the days of certain calendar holidays.

In the mythologic thinking of the primitive man the pyramidal hill (with the grotto) could be associated with the centre of a good ordered world, the primordial cosmic hill and is opposed to the «periphery», the rest of the «alien» world, in accordance with the principles of the binary symbolic classification. The stepped granite folds which one had to climb to the grotto were also, probably, associated with the cosmologic symbols, the stairs to the upper world. The grotto (with the opening in the ceiling), similar in shape to the real dwelling of a stationary or mobile type organized in space in accordance with the ideas about the cosmic order (with combined vertical and horizontal structures), has been, probably, comprehended as the sacral centre. The grotto's northern wall represents the sacred altar, an original «iconostasis» with symbols-ideogrammes pictured using ochre. The round opening in the arched ceiling was also, apparently, of sacral importance. The penetration of sunbeams through it could be perceived as a cosmic symbol and the signs on the grot-

to's walls were, probably, pictured with regard for the effect of «reviving» created by the incident sunbeams moving along the walls during the day.

The series of pictures of bulls from Zevakino (fig. 153) making up multifigured compositions illustrates stages of a complicated complex of rites of immolation of sacrificial animals, an original «corrida». Precise iconographic and semantic parallels can be found in the monuments of the Aegean culture of the Mediterranean, India etc.

A group of pictures of mummer (zooantropomorphous and antropornitomorphous) beings is discussed in the book (fig. 78, 79, 169, 171, 172). This image occurs in the Paleolithic painting of the Franko — Cantabrian region, in the monuments of the Ancient East. One can suggest that the Central Asian tribes could adopt this subject and the myths associated with it from the Middle East in the 3rd — 2nd millennium B. C., though it is quite possible that such rites sprang up independently on a general parent Indo-European basis. A convergent origin of the image of polymorphous beings in the mythology and art of ancient Siberia (for instance, the engravings from Okunevo and Afanasyev paintings of Karakol from the Gorny Altai) and Inner Asia on a Paleo Asiatic substratum is also not excluded.

The rock pictures of mummer people are endowed with symbols and attributes: solar signs, a charriot, a rod, different kinds of arms. As zoomorphous attributes act also animals. A part of these pictures in the petroglyphs of Kazakhstan are shown in dresses of animal skins with hair cut in «crenelles», with special haircuts, in «goat's» masks and two-horned and mushroomlike head-dresses. It should be noted that some of the reconstructed ancient rites, carried out by the mummies at sacral instances, are associated with the sacrifice of a he-goat, dismemberment, tearing up of its skin, imitation of its walking, singing in a reedy voice, emphasizing its fertility etc.

These subjects are polysemantic. They reflect the complicated system of world perception of the ancient people, their mytho-poetic and cosmogonic views, cosmogonic ideas, cult of fertility and cover the hunting, military and other spheres.

In one composition there are shown in interrelation a charriot with harnessed he-goats, signs in the shape of round spots connected by lines, a man, a horse (or a dog) and two he-goats (fig. 92). The situation pictured there allows to consider the image of the Vedic Pushan, whose most important attributes are a charriot with harnessed he-goats and a he-goat. The close connection of Pushan (as well as the Lithuanian Perkunas, the German-Scandinavian Tor, the ancient Greek Pan and the Slav Perun) with the image of a he-goat is also emphasized by its appearance. In rituals a he-goat plays the part of a sacrificial animal. Pushan is the patron of the path that connects the two marked points of the space, the heaven and the earth. In the Vedic cosmology they are designated in the shape of two wheels at the ends of an axis. The signs mentioned can symbolize two points of the mythologic space connected by the path of Pushan driving a charriot with harnessed he-goats. Their figures are interpreted as Pushan's attribute and sacrificial part and the horse (or the dog) as a sacrifice to the god of the sun.

A number of scenes where men and women are pictured in erotic poses are interpreted as an illustration of the rite of the «sacred marriage» of the earth and the heaven, the heavenly bodies, as embodiment of periodic natural phenomena and at large — as the cosmogonic act of creation (fig. 101, 110, 111).

An interesting analogy to them is known from the archaic Ur; it is interpreted by researchers as an illustration of the ritual scene of «sacred marriage» of the queen or priestess with the supreme deity. In the ancient Mesopotamia such rites were connected with the myths about deities of fertility and served as a magic means of securing of abundance. The participants of the ceremony put on various masks.

In one multifigured composition from Kurchum four horses attached in pairs to two horse lines are pictured (fig. 107). Apparently, in this composition there found reflection the rite of sacrifice similar to the Indo-European and Scythian one (ashvamedha). In the mytho-poetic consciousness the vertical post-horse lines placed on a special ground was correlated with the principal conception of the world tree, the idea about the trinity nature of the universe along the vertical. To the post, the allotment of the world tree, the sacrificial horse was attached. And the sacrifice carried out in a sacralized microspace «was transferred» to the god of the sun by means of the post-horse lines connecting the heaven and the earth. Such a communicative function of the sacrificial post (and its semiotic equivalent, the sacrificial animal) is clearly illustrated in the Vedic cosmogony in the hymns of Rigveda. Taking into consideration the existence of ancient contacts between the Indo-Europeans and the peoples of Central and Inner Asia and the coincidence of a number of mythologems and ritual actions connected with the horse (at the world tree) as a typological parallel, ethnographic data are made use of. So, according to a Kazakh astral myth, the Iron Stake — Temir Kazyk (the North Star), which two horses, Akbozat and Kokbozat, always pursued by seven wolves — Zhety Karakshy (the Great Bear) are attached to, is the equivalent of the world post. The loss of these horses which are the embodiment of the stability of the cosmos can lead to the origin of disharmony, chaos and world's destruction, in the end.

In the composition from Kurchum next to the horses a circle with six spokes is pictured. A similar symbol is also present in the ritual ashvamedha. Judging by some ancient texts, signs in the form of a wheel with six spokes designated a charriot and simultaneously pointed to the seasonal prevalence of the ritual of sacrifice.

In the lower part of the composition two figures of countervailing dogs are placed. During the ritual ashvamedha the dog as a chthonic being personifying hostile forces was killed as the preliminary offering. As symbols of a preliminary sacrifice can be interpreted the pictures of he-goats, a bull, a deer.

There are four antropomorphous figures. Two of them are twins with long noses. The third figure is also shown with a long nose and a long object (a thrust weapon?) in the hand. Taking into account these peculiarities, one can identify the first two figures with the image of the Ashvins,

one of the epithets of which is Nasatya («big-nosed»), and the third one — with the image of Pushan, one of the attributes of which is a thrust weapon.

The composition is associated with a certain number symbolics: elements of a number code with characteristics of the macro- and microcosmos are present in it. Twin pictures of horses, people and dogs are probably, connected with the binary principles of semantic opposition dual-cosmogonic ideas, the cult of twins. The twins — Ashvi occurring sometimes in the image of horses are closely connected with the world tree, Ashvattha.

In the art of the medieval nomads the mounted warrior in battle vesture is a canonized subject of proclamative nature and to a certain degree reflects the military and political character of State formations on the vast territory of Eurasia from the Far East to the Danube steppes. The works of the epic genre, including the oral poetic art and the imitative arts (the rock pictures included), advocate the idea of the idolized hero-ancestor, the leader of the mounted body-guard, the main social force of the society; in these works the heroic deeds, campaigns and single combats were glorified, such phenomena of everyday life as hunting, nomadizing, stealing of cattle etc. were fixed.

Numerous pictures of banners in petroglyphs, painting and totemic art, as well as written sources are indicative of the existence of a developed cult of the banner among various peoples in the Middle Ages. The origin of the banner and its cult goes back to the most ancient standards crowded by small figures of various animals and deities (fig. 186). The cult of the wolf existed among many Turkic peoples of the early and late Middle Ages. With the totemic cult of the wolf is connected the origin of the banners by the Turks of the clan Ashina. The connection of the cult of the wolf with the banner and various deities can be also traced back to a number of Indo-European traditions, in the myths and legends of Turkic and Mongolian peoples. Typological conformities with them can be found in the myths and rituals of the peoples of North America and the Paleo-Asiatic peoples of the East. In a Kazakh ethnogenetic legend about Zhanibek-batyr it is said that in the days of war his banner was accompanied by two wolves-twins during the ceremony of its carrying and hoisting. This legend comprises, apparently, earlier semantic layers which are associated with the myths of the gods of war — Arei, Mars, Dan and, especially, Odin accompanied by its two wolves. In this case the wolf acts as a symbol, an attribute of the god of war, its zoomorphic equivalent. According to some texts, the wolf is also the attribute of the king his body-guard.

The groups of petroglyphs, analysed on the Indo-European, Indo-Iranian and ancient Turkic mythologic levels, are based on such universal notions common to all mankind as the ideas about space and time, binary oppositions, vertical and horizontal models of the mythologic universe, the original mother, sacred marriage etc. Some subjects of the rock pictures (the world tree, the horse at the world tree, scenes of sacrifice) widespread in time and space have, probably, a common Indo-European background and quite conform to Indo-Aryan, ancient Turkic and later mythologic texts.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА	5
Глава II. ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ	15
Глава III. ХРОНОЛОГИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ	139
Изображения эпох энеолита и бронзы	141
Петроглифы предсакского и раннесакского времени	151
Изображения развитого сакского времени	171
Изображения эпохи раннего средневековья	174
Глава IV. СЕМАНТИКА. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	184
Библиография	267
Список сокращений	282
Conclusion	283

Научное издание

Зайнолла Самашевич Самашев

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии
им. А. Х. Маргулана Академии наук Республики Казахстан*

Рецензенты: доктора исторических наук *К. М. Байпаков, Я. И. Сунчугашев,*
кандидат исторических наук *Н. А. Боковенко*

Редакторы *В. В. Сирождинова, И. Л. Федорова*
Художественный редактор *В. Н. Афуксениди*
Оформление художника *В. А. Ващенко*
Технический редактор *Е. М. Тахметова*

ИБ № 3194

Сдано в набор 29.10.90. Подписано в печать 19.03.92.
Формат 70×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. п. л. 21,06. Усл. кр.-отт. 21,06. Уч.-изд. л. 16,56.
Тираж 700. Заказ 213.

Издательство «Гылым»
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28